K-O
M 69
I97737

~~4499~~

Рес
44026

К-О
М-69

СВЯТЫЙ БЛАГОВѢРНЫЙ

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

МИХАИЛЪ ЯРОСЛАВИЧЬ

ТВЕРСКІЙ.

БИБЛИОТЕКА
Московской
Православной духовной
Академии
Инв. № 197737

Изданіе Священника Тверскаго Каѳедральнаго Собора,
Александра Соколова.

Библіотека Тверскаго Музея
XX-9237

ТВЕРЬ
Печатано въ Типографіи А. Новикова.
1864 г.

От С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Марта 18-го дня 1864 года.

Цензоръ Архимандритъ *Макарій.*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

Грав. З. Лилье

Рис. С. Измайловъ

Печатано СПб. Апреля 9 дня 1864 г. Ценз. Архимандритъ Макарій

Литографія А. Новикова.

ЗДѢСЬ ПРИЛАГАЮТСЯ РИСУНКИ:

1) Виньетка Тверскаго Каѳедральнаго Собора.
2) Снимокъ съ древней иконы св. Благовѣрнаго Князя Михаила и преподобной матери его Ксеніи, въ инокиняхъ Маріи.
3) Предсмертная исповѣдь св. Благовѣрнаго Князя Михаила.
4) Убіеніе св. Благовѣрнаго Князя Михаила.
5) Рака, въ которой почиваютъ мощи св. Бл. Князя Михаила.

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

1. Нынѣ существующій Тверскій Каѳедральный Соборъ построенъ между 1689-1696 годами, при Царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексіевичахъ, Тверскимъ Архіепископомъ Сергіемъ, на собственное его иждивеніе. Планъ для Собора взятъ съ большаго Московскаго Успенскаго Собора. Весь онъ сложенъ изъ бѣлаго камня. Длина его, внутри стѣнъ, съ алтаремъ 13½ саж. ширина 10⅓ саж. вышина до свода 10 саж. Внутреннее украшеніе его было, съ самаго построенія, изящно и величественно. Иконостасъ его поставленъ на 10 саж. вышины, и состоитъ изъ 5 ярусовъ. Нижнія

мѣстныя иконы украшены серебреными отлично вызолоченными ризами, съ такими же вѣнцами;-лампады предъ ними серебреныя. Во всѣхъ прочихъ ярусахъ всѣ иконы обложены, по оплечьямъ и краямъ, золоченымъ серебромъ, съ такими же вѣнцами. Освященъ 18 Мая 1696 г. тѣмъ же Ахріепископомъ Сергіемъ. Архіепископъ Митрофанъ, (памятный, и своею строгою благочестивою жизнію, трудолюбивою мудростію, по управленію паствою, и устроенію Собора, еще болѣе незабвенный по своей просвѣщенной дѣятельности къ усиленію и возвышенію духовнаго образованія), исправилъ поврежденія Собора отъ пожара 1736 г., выбралъ простѣнки въ алтарѣ и, вмѣсто низкихъ и узкихъ дверей въ отдѣленіяхъ алтаря, сдѣлалъ красивыя и высокія арки; стѣны украсилъ живописью и лѣпными фигурами. Въ 1853 г. Соборъ сей былъ обновленъ; оклады иконъ и ризы перезолочены и промыты; стѣны вновь росписаны превосходнымъ образомъ, съ изящною уборкою художникомъ Мягковымъ. Нижнія фигуры картинъ (съ правой стороны I. Христосъ насыщающій 5 тысячь 5-ю хлѣбами, съ лѣвой–Ап. Павелъ въ Ареопагѣ), до того живы и естественны, что издали сливаются въ одну группу съ близь стоящимъ народомъ. Пилястры и откосы оконъ отдѣланы подъ мраморъ. Въ 1863 г. вся живопись на всѣхъ стѣнахъ была снова промыта, а также и иконостасъ, откосы троихъ выходныхъ вратъ-западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ сдѣланы подъ мраморъ. Нижній ярусъ иконостаса вновь устроенъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Сунода, по новому рисунку украшенъ искусною и чрезвычайно красивою рѣзьбою, и вызолоченъ весь на полиментъ. Вся работа произведена была на сумму пожертвованную усердными гражданами. Соборная колокольня заложена Архіепископомъ Митрофаномъ 1739 г. Надъ нижнимъ яру-

сомъ была прежде церковь, а нынѣ помѣщается Семинарская Библіотека. Къ виду Собора прилагаются изображенія: 1) св. Арсенія. 2) св. Бл. В. Кн. Михаила. 3) Матери его Ксеніи и 4) Супруги его св. Бл. Княгини Анны. Святитель Арсеній былъ сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей г. Твери; по смерти ихъ онъ оставилъ и богатство и знатность, и удалился въ Кіевскую Лавру, гдѣ и принялъ постриженіе. Своею подвижническою жизнію сдѣлался извѣстнымъ Митрополиту Кипріану, и произведенъ былъ въ Архидіакона при семъ Митрополитѣ. Въ семъ санѣ былъ съ Митрополитомъ на Тверскомъ соборѣ, составившемся, по жалобѣ В. Князя на своего Владыку Епископа Евѳимія (Висленя). Когда Митрополитъ вынужденъ былъ удалить Евѳимія отъ управленія паствою, В. Князь Михаилъ Александровичь (внукъ св. Михаила) и вся Тверь упросили его посвятить въ Епископа г. Твери Архидіакона Арсенія. (Долго отрекался смиренный Архидіаконъ отъ высокаго сана и служенія, но долженъ былъ уступить настоятельному избранію и моленію избиравшихъ) и въ Августѣ 1390 г. онъ посвященъ въ санъ Епископа Митрополитомъ Кипріаномъ съ 6-ю Архіереями (Греческими и Россійскими). Онъ отличался любовію къ паствѣ, которую назидалъ и словомъ и жизнію, особенною ревностію къ построенію и украшенію храмовъ Божіихъ; построилъ Желтиковъ Монастырь. Епископствовалъ 19 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ, преставился 1409 года 2 Марта. Нетлѣнныя мощи его обрѣтены чрезъ 74 года въ 1483 г. Московскій Соборъ 1547 г. удостовѣрившись въ истинности множества чудесъ и исцѣленій, при нетлѣнныхъ мощахъ его, причислилъ чудотворца Святителя къ лику святыхъ. Мощи его почиваютъ въ созданномъ имъ Желтиковѣ Монастырѣ. (О преподобной Ксеніи и св. Аннѣ сказано здѣсь въ своемъ мѣстѣ.).

Виньетка Собора съ св. лицами и снимокъ съ образа св. Кн. Михаила нарисованы учителемъ Тверскаго Уѣзднаго училища С. А. Измайловымъ.

2) Снимокъ съ образа св. Благовѣрнаго Князя Михаила и матери его Ксеніи имѣетъ достоинство замѣчательной древности. Благочестивой любознательности не безъинтересно видѣть здѣсь изображеніе древней крѣпости города Твери. На планѣ видѣнъ Соборъ, построенный В. Княземъ Михаиломъ; на противъ Алтаря Соборнаго, какъ можно заключать, по описаніямъ, Аѳанасьевскій Монастырь (гдѣ нынѣ гауптвахта). Тамъ же виднѣются бывшіе палаты В. Княжескія съ церковію св. Михаила, и дворъ Владычній съ крестовою церковію; и другіе храмы бывшіе въ городской крѣпости. Благочестивому усердію чтителей священной памяти св. Благовѣрнаго Князя отрадно видѣть и знать то благоговѣніе, какое питали наши предки къ памяти св. Князя и его преподобной матери Ксеніи, которую какъ будто не хотѣли они отдѣлять отъ святаго сына ея и изображали ихъ вмѣстѣ, какъ предстателей и молитвенниковъ за родную имъ отчину градъ Тверь, о которой, съ такимъ самоотверженіемъ пеклись они при жизни своей.

Подлинникъ 11½ вершк. длины и 9 вер. ширины, хранится въ соборной ризницѣ.

3) Предсмертная исповѣдь св. Благовѣрнаго В. Князя Михаила, и

4) Убіеніе св. Князя, сняты съ картинъ, находящихся въ Тверскомъ Каѳедральномъ Соборѣ. Писаны по заказу тверскаго Купца Александра Ив. Сутугина, художникомъ Орловымъ; и заслужили одобреніе цѣнителей искуства на художественной выставкѣ.

5) На правой (южной) сторонѣ Собора, у самаго Иконостаса на высѣченномъ въ стѣнѣ мѣстѣ стоитъ рака съ мощами св.

Благовѣрнаго В. Князя Михаила Тверскаго. Она обложена листовымъ чеканнымъ вызолоченнымъ серебромъ, длина раки 2 ар. 8 вер. По сторонамъ ея положены шестнадцать клеймъ золоченыхъ чрезъ огонь съ изображеніями и надписями. На клеймѣ противъ главы изображенъ св. Бл. Князь Михаилъ молящимся, внизу его-городъ съ храмами. Подъ изображеніемъ вырѣзана надпись. « *св. Бл. Князь Михаилъ молится о спасеніи града Твери.*» На клеймѣ по срединѣ лѣвой стороны надпись: « *Сія рака построена, при державѣ* Благочестивѣйшія ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.... Престолоправящу... Архіепископу Митрофану Тверскому и Кашинскому, *подаяніемъ доброхотныхъ дателей отъ Р. Х. въ 1748 году, вѣсу серебра 1 п. 27 фунт.*» На прочихъ клеймахъ изображены тоже чеканною работою обстоятельства осужденія, страданія и убіенія В. Князя, перенесенія и открытія мощей его, чудесъ и изцѣленій, бывшихъ отъ нетлѣнныхъ мощей Его. Рака стоитъ двумя ступенями выше пола, на мѣстѣ, которое обито листовою мѣдью, обнесено литою бронзовою, вызолоченною чрезъ огонь рѣшеткою.

СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА РУССКАГО ВЪ ТО ВРЕМЯ, ВЪ КОТОРОЕ ЖИЛЪ БЛАГОВѢРНЫЙ В. КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ТВЕРСКІЙ.

ИГО МОНГОЛЬСКОЕ.

Въ продолженіи 200 лѣтъ, отъ крещенія Руси, при св. равноапостольномъ В. Князѣ Владимірѣ, она испытывала многія и тяжкія бѣдствія, то отъ враговъ внѣшнихъ, то отъ междусобій внутреннихъ—отъ властолюбія и споровъ князей, то отъ Божескихъ посѣщеній. Но Господь, въ это время, хранилъ свободу и независимость народа русскаго, и благосостояніе святой Своей Церкви. Когда же, съ умноженіемъ родовъ княжескихъ, между князьями усилилась зависть, гордость, и недоброжелательство одного къ другому; когда они, вмѣсто того, чтобы заботиться о благѣ народа, о благосостояніи св. Церкви, вмѣсто того, чтобы подданнымъ своимъ подавать примѣръ взаимной любви и христіанскаго благочестія, вооружались одинъ на другаго, отнимали другъ у друга вотчины и удѣлы, проливали много крови христіанской изъ за того только, чтобы усилить свою власть надъ другими князьями; когда вооружался не

рѣдко сынъ на отца, отецъ на сына, братъ на брата, вообще самые близкіе родственники не щадили одинъ другаго, презирая клятву и крестное цѣлованіе на взаимный миръ и любовь; когда и между народомъ оскудѣло благочестіе, изсякла взаимная любовь и вѣрность, усилилась взаимная непріязнь другъ къ другу, такъ что и они, водимые своими князьями, безтрепетно поднимали руки на своихъ собратій, производили страшныя насилія и грабежи, оскверняли храмы въ тѣхъ городахъ, которые удавалось имъ завоевывать у своихъ же соотчичей единокровныхъ и единовѣрныхъ; кратко сказать, когда, по замѣчанію древняго благочестиваго лѣтописца, умножилась на Руси и усилилась «треплетенная злоба: гордость, зависть и неправда,» надъ нею разразился гнѣвъ Божій,—Богъ предалъ Русь тяжкому бѣдствію; она подпала владычеству Татаръ или Монголовъ. Бѣдствіе это извѣстно въ исторіи подъ именемъ *Ига Татарскаго или Монгольскаго.*

БѢДСТВІЯ РОССІИ.

Страшные враги и поработители нашего отечества, безъ особенно-усильнаго труда, брали одинъ за другимъ города Русскіе; потому что, и при этой грозѣ, не было мира и любви между князьями, не было согласія и тогда, когда вторглись въ предѣлы Руси иноплеменные враги. Вмѣсто того, чтобы имъ всѣмъ собраться за-одно, выбрать изъ среды

себя одного опытнаго и достойнаго предводителя или военачальника, и общими силами отразить врага, они думали только каждый самъ о себѣ, спорили между собою о первенствѣ, и не хотѣли одинъ другому подать помощи. И хотя многіе изъ князей, съ безпримѣрнымъ мужествомъ и геройскимъ самоотверженіемъ, возставали противъ непріятелей, и бились, не щадя своей крови и жизни, но не могли одолѣть многочисленныхъ, дружныхъ и стремительныхъ въ нападеніи враговъ, и пали въ кровавой битвѣ, заслуживъ имя храбрыхъ и память христолюбивыхъ и мужественныхъ защитниковъ отечества.

Страшно и сказать, какіе ужасы производили Татары въ завоеванныхъ ими городахъ Русскихъ! «Если захочу изобразить ихъ жестокости, ужасаюсь; душа моя трепещетъ, сердце болѣзнуетъ и языкъ не движется, когда вспоминаю толикія бѣды.» (*) Самое легкое зло была смерть. Они убивали всѣхъ безъ различія, не щадя ни пола, ни возраста, ни состоянія. Но, по звѣрскому характеру своему, присоединяли къ смерти страшныя мученія, изобрѣтая роды смертей самые мучительные; распинали и разсѣкали плѣнниковъ, или, связавъ имъ руки, стрѣляли въ нихъ, какъ въ цѣль, предавали позору дѣвъ и монахинь, священническихъ и знатныхъ женъ; жгли священниковъ въ самыхъ храмахъ и обагряли кровію ихъ святые алтари. Варвары предавали разрушенію и пламени покоренные города

(*) Степен. книга.

и Божіи храмы, грабили и расхищали сокровища князей и имущество гражданъ. Нашествіемъ ихъ многіе города съ ихъ храмами и окрестными монастырями обращены въ груду пепла и жалкихъ развалинъ.

Счастливыми могли быть почитаемы тѣ, которые погибли въ этомъ бѣдствіи; живые могли позавидовать умершимъ. Какая смертельная скорбь и жалость должна была обнимать ихъ сердца, когда видѣли они, вмѣсто цвѣтущихъ городовъ, груды развалинъ и пепла, загроможденныя трупами погибшихъ своихъ собратій, отцевъ, матерей, дѣтей своихъ, и единокровныхъ, которые валялись и гнили безъ погребенія, оставленные вранамъ и псамъ, и смрадомъ заражали воздухъ! Не кому было похоронить ихъ; не было священниковъ, чтобы отправлять божественныя службы, не стало храмовъ, куда бы можно было прибѣгнуть за утѣшеніемъ, и облегчить лютую скорбь слезами молитвенными; остановились божественныя священнодѣйствія; не слышно священныхъ пѣсней, облегчающихъ тяжелую сердечную скорбь, замолкли утѣшительныя бесѣды пастырей. Всякій ежедневно и ежечасно трепеталъ за свою жизнь, за свою участь, за все милое и дорогое сердцу. Матери остались безчадными, и рыданіями наполняли воздухъ, видя, какъ тѣла дѣтей ихъ были поираемы конскими ногами, или разсѣкаемы мечами варваровъ. Благородныя жены, не привыкшія ни къ какому дѣлу, и повелѣвавшія толпами слугъ и прислужницъ, должны были исполнять самыя низкія работы у своихъ поработителей, всегда трепеща за

свою жизнь и честь; онѣ прислуживали женамъ злодѣевъ, которыя заставляли ихъ и молоть въ жерновахъ, и носить воду, и готовить ихъ поганую пищу и приметать храмину. Привыкшія къ дорогимъ нарядамъ, украшавшіяся золотомъ, серебромъ и жемчугомъ, ходили въ рубищахъ босыя и голодныя . . . Вопли въ городахъ, рыданія на улицахъ, плачь и сѣтованіе въ домахъ; повсюду смятеніе и стопы, повсюду страхъ и ужасъ. Подлинно и здѣсь можно примѣнить слова Пророка: «*гласъ* въ Руси *слышанъ, плачь и рыданіе и вопль;* она-святая Русь плачетъ о чадахъ своихъ, и не хочетъ утѣшиться, потому что ихъ нѣтъ (Іер. 31, 15).

КАКЪ ПРЕДКИ НАШИ СМОТРѢЛИ НА ОБЩЕЕ БѢДСТВІЕ.

Знали благочестивые изъ предковъ нашихъ ближайшія и естественныя причины бѣдствій и золъ ихъ постигшихъ; но знали и Виновника и Всесильнаго Распорядителя судьбами царствъ и народовъ сколько милостиваго, столько же и правосуднаго, а потому общественныя и частныя бѣдствія принимали какъ знаменія гнѣва небеснаго, какъ наказаніе за грѣхи людей, которыхъ правда божественная, преще-ніями гнѣва своего, вела къ покаянію и исправленію. Такъ научились они смотрѣть на бѣдствія у священныхъ повѣ-ствователей въ божественномъ откровеніи. По этому-то и они, какъ древле Израильтяне, плакались предъ Богомъ и исповѣдали грѣхи свои: «согрѣшили мы, беззаконничали, дѣлали неправды предъ лицемъ Твоимъ; и все, что Ты

навелъ на насъ, навелъ, по причинѣ грѣховъ нашихъ, и что сотворилъ съ нами, истиннымъ судомъ сотворилъ, предавъ насъ въ руки враговъ беззаконныхъ, мерзкихъ отступниковъ, и царю неправедному и лукавнѣйшему паче всея земли (Дан. 3, 27—33).» И молились они, какъ молился сокрушенный и кающійся Израиль: «Боже, язычники пришли въ наслѣдіе Твое, осквернили храмъ Твой Святый . . . трупы рабовъ Твоихъ отдали они на снѣденіе птицамъ небеснымъ, тѣла Святыхъ Твоихъ—звѣрямъ земнымъ, пролили кровь, какъ воду . . . и нѣтъ погребающаго. Доколѣ, Господи, будешь гнѣваться, и будетъ пылать ярость Твоя, какъ огонь? Не вспоминай беззаконій нашихъ, но поспѣши срѣтить насъ милосердіемъ Твоимъ. Помоги намъ, Боже, Спаситель нашъ! . . (Псал. 78, 1—9).»

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ БѢДСТВІЙ.

Двѣсти тридцать восемъ лѣтъ тяготѣлъ надъ несчастною Россіей гнѣвъ Божій, двѣсти тридцать восемь лѣтъ стонала она подъ игомъ Монгольскимъ. Тяжело тогда было для Церкви и ея пастырей, которые соболѣзновали о народѣ, и не могли ни чѣмъ помочь ему, и утѣшить его; и только возсылали слезныя молитвы о немъ къ Богу. Высшіе Архипастыри должны были являться на поклонъ къ царямъ—поработителямъ, и смиренно испрашивать какихъ нибудь льготъ для себя и облегченія участи народа. Тяжело было князьямъ, которые принуждены были, въ собственномъ смы-

слѣ бить челомъ хану (царю) Татарскому, и униженно, дарами и поклонами вымаливать утвержденія ханскаго въ собственныхъ удѣлахъ и своемъ достоинствѣ. Тяжелѣе было для народа, который долженъ былъ трепетать за свои кровы, за свое имущество, за честь своихъ женъ и доченей, за свою жизнь, и, кромѣ того, обложенъ былъ тяжкою поголовною данью. Сборъ пошлинъ ханы производили или чрезъ своихъ баскаковъ (сборщиковъ), которые, почитали себя уполномоченными дѣлать разныя притѣсненія и жестокости, и непстовствовали тамъ, куда пріѣзжали; или отдавали на откупъ людямъ еще болѣе жестокимъ и безчеловѣчнымъ, которые обирали у жителей все, что хотѣли; а тѣхъ, которые не могли уплатить требуемаго, предавали различнымъ истязаніямъ, заковывали въ кандалы и отводили въ рабство.

ДѢЙСТВІЯ РУССКИХЪ КНЯЗЕЙ ВО ВРЕМЯ ВСЕОБЩАГО БѢДСТВІЯ, КО БЛАГУ РОССІИ.

Въ такомъ ужасномъ бѣдствіи Отечества обнаружились высокія свойства души, христіанскія добродѣтели и гражданскія доблести нашихъ князей. Многіе изъ нихъ жертвовали своимъ спокойствіемъ, достояніемъ, жизнію, принося ихъ на алтарь Церкви и Отечества, какъ искупительную жертву за оказанное ими или ихъ предками небреженіе къ законамъ любви и правды. Одни изъ нихъ страданіями за вѣру обезсмертили имя свое, и въ память вѣчную убла-жаются Церковію; другіе благоразумными мѣрами и рас-

поряженіями, самоотверженнымъ посредничествомъ и ходатайствомъ за народъ смягчали грубыя сердца враговъ отечества, или жертвою собственной жизни отвращали грозящія бѣды, и тѣмъ памятны народу какъ благодѣтели отечества, благословляются Церковію и отдаленнѣйшимъ потомствомъ, какъ доблественные вожди народа и защитники Церкви.

КНЯЗЬЯ—МУЧЕНИКИ ЗА ВѢРУ.

Благодѣтельный Промыслъ Божій оставилъ св. Руси, какъ единственное сокровище, основаніе ея благоденствія и могущества—святую вѣру. Но это сокровище должна была она выстрадать, и заплатить за него кровію своихъ князей. Промыслу угодно было показать тѣмъ самымъ, что она достойна сего сокровища и тѣхъ плодовъ, которые въ немъ заключаются. Наша св. Русь имѣла своихъ Гедеоновъ и Давидовъ и Самуиловъ, имѣла и своихъ Елеазаровъ и Маккавеевъ. Многіе изъ русскихъ князей претерпѣли тяжкую и позорную смерть за вѣру православную. И сила ихъ вѣры ослабила ярость мучителей, которые не пытали совѣсти порабощенныхъ, оставивъ народу Русскому, какъ единственное утѣшеніе въ скорби, вѣру отцевъ ихъ. Правда, злые враги наши не были прямыми гонителями вѣры, но можно ли было положиться на твердость правилъ и постоянство тѣхъ, которыхъ произволъ ни чѣмъ не сдерживался и не ограничивался, на вѣрность тирана, который говорилъ:

«Богъ на небѣ, а я на землѣ,» что хочу, то и дѣлаю. Къ отреченію отъ вѣры особенно были принуждаемы князья, возбудившіе чѣмъ либо неудовольствіе и гнѣвъ хана. Какъ бы желая увѣриться въ совершенной покорности такихъ князей, и безпрекословномъ повиновеніи ихъ волѣ хана, отъ нихъ требовали особенно строгаго выполненія всѣхъ суевѣрныхъ, противныхъ христіанству обычаевъ, или прямого согласія пристать къ богомерзкой ихъ вѣрѣ. Такъ Батый–поработитель Россіи, былъ золъ на Михаила Черниговскаго, и, какъ только явился къ нему Михаилъ съ поклономъ, злодѣй потребовалъ, чтобы онъ прошелъ чрезъ огонь, поклонился кусту и солнцу и, стоящимъ предъ палаткою тирана, идоламъ. Михаилъ отказался; «не хочу, говорилъ онъ, погубить души своей,» и предчувствуя свою участь, пріобщился Св. Таинъ (взятыхъ имъ на путь). Потомъ сбросилъ съ себя княжескія одежды, сказавъ: «прочь слава міра тлѣннаго, она мнѣ не нужна,» и готовился къ смерти, поя хвалебныя пѣсни мученикамъ. Убійцы бросились на князя, какъ звѣри, растянули, и били кулаками подъ сердце; бросили на землю и топтали ногами, били и мучили; наконецъ какой то отступникъ Доманъ отсѣкъ князю голову. Та же участь постигла и боярина его Ѳеодора.

Василько князь Ростовскій, попалъ въ плѣнъ. Князь этотъ былъ красивъ лицомъ, имѣлъ свѣтлый и грозный взоръ, былъ чрезвычайно храбръ, но съ добрымъ сердцемъ и боголюбивъ, отецъ сирыхъ и нищихъ, пріятенъ и ласковъ въ

обращеніи съ подчиненными до того, что слуги его не могли уже переходить на службу къ другому князю. Татары, удивляясь его красотѣ и дородству, его мужеству и неустрашимости, хотѣли привлечь его на свою сторону, предлагали ему и почести и удовольствія жизни, если онъ перемѣнитъ вѣру и будетъ съ ними за-одно. Боголюбивый князь, съ великою твердостію, отвергъ гнусное предложеніе, проклиная своихъ злодѣевъ и предрекая имъ гнѣвъ Божій и конечную погибель. Проклятые Татары заскрежетали на него зубами; томили его разными муками и голодомъ, и съ великою свирѣпостію умертвили его 4-го Марта въ четвертокъ четвертой недѣли Великаго поста. Съ исповѣданіемъ имени Христа Спасителя, и молитвою, св. мученикъ предалъ духъ свой Богу.

Подобно сему, пострадалъ и Романъ Ольговичъ, князь Рязанскій. Когда онъ былъ въ Ордѣ, злоумышленники оклеветали его предъ ханомъ Менгу-Темпромъ, будто онъ хулитъ царя и ругается надъ суевѣріемъ Татарскимъ. Ханъ предалъ оклеветаннаго въ волю клеветниковъ, чтобы они истязали его самыми жестокими муками. Татары принуждали его отречься отъ вѣры во Христа, и принять вѣру Татарскую. Романъ началъ исповѣдывать и славить Христа, и на самомъ дѣлѣ, поносить идолослуженіе и суевѣріе безбожниковъ, называя его гнуснымъ и богомерзкимъ; Татары воспламенились яростію. Они схватили исповѣдника и начали бить его безъ милосердія. Чтобы не слышать отъ него

исповѣданія вѣры Христовой, вырѣзали у него языкъ, ротъ его заткнули платкомъ, и начали мучить самымъ свирѣпѣйшимъ образомъ. Злодѣи начали рѣзать по составамъ тѣло мученика: сначала отрѣзали персты рукъ, потомъ-ногъ, и прочія члены тѣла его раздробляли и бросали въ разныя стороны;— оставался одинъ трупъ. Кровопійцы содрали кожу съ головы мученика и воткнули ее на копье; потомъ уже отрубили святую главу его. Такъ пострадалъ многотерпѣливый мученикъ Христовъ, страданіями уподобившись Іакову Персіянину, 19 Іюня 1270 года.

ВЗГЛЯДЪ НА ПОЛИТИКУ КНЯЗЕЙ.

Читая сказанія лѣтописцевъ, мы отличаемъ князей защитниковъ и благодѣтелей Россіи, не щадившихъ собственной жизни для блага Отечества, каковы были: Ярославъ и Георгій Всеволодовичи, Александръ Ярославичь, Михаилъ Ярославичь и многіе другіе; но встрѣчаемъ и такихъ, которые усугубляли всеобщее бѣдствіе своими распрями и междусобіями. Современники, страдавшіе отъ нихъ, смотрятъ на это снисходительно, безъ особенной желчи и ненависти къ нимъ, скромно выражаясь: «Божіимъ попущеніемъ, по грѣхамъ нашимъ, учинилось зла не мало,» «бысть сѣча зла»; или приписываютъ все это доброненавистнику— діаволу; бранятъ Татаръ «окаянныхъ и проклятыхъ,» но на приведшихъ ихъ князей смотрятъ не какъ на злодѣевъ, а какъ вообще на людей, способныхъ допустить ошибку, укло-

ниться отъ истины и добродѣтели. Остережемся и мы произносить строгій судъ надъ ихъ дѣлами, замѣчая въ нихъ болѣе общечеловѣческія слабости и ошибки; а не намѣренныя злодѣянія людей преступныхъ и доброненавистныхъ. Углубимся въ причины ихъ распрей.

Одна Божественная вѣра можетъ не преткновенно руководить человѣка во всѣхъ его помыслахъ и дѣлахъ,—во всѣхъ путяхъ его жизни; одно ученіе Христово, проповѣдующее миръ и любовь, способно ограждать человѣка отъ искушеній самолюбія, гордости и своекорыстія. И на сколько духъ Христовъ проникъ въ душу и сердце человѣка, на сколько законъ Христовъ сдѣлался правиломъ жизни и дѣятельности христіанина, на столько и жизнь его, и дѣла и всѣ поступки чище, святѣе, благотворнѣе. И напротивъ, хотя бы мы и «соуслаждались закону Христову,» но если не поставили его главнымъ началомъ и руководителемъ жизни, водясь другими стремленіями; то мы легко измѣнимъ этому закону, при первомъ же противорѣчіи его съ нашими пожеланіями и стремленіями жизни, и въ дѣйствіяхъ нашихъ будетъ проглядывать самолюбіе, своекорыстіе, уклоненіе отъ чистыхъ правилъ нравственности. Съ такой точки зрѣнія можно смотрѣть на дѣйствія нашихъ князей.

Ни объ одномъ изъ князей нельзя сказать, чтобы онъ не любилъ своего Отечества и не желалъ блага своему народу. Но у однихъ желанія эти были чисты, основаны на законѣ Христовой любви. Такіе князья, съ полнымъ самоот-

верженіемъ и безкорыстіемъ, не щадя собственной жизни, отстаивали благо своего народа. Они твердо помнили и хорошо усвоили заповѣдь Господа: *будите мудри яко змія, и цѣли яко голубіе* (Матѳ. 10, 16). А другіе примѣшивали къ заботѣ о благѣ Отечества иныя цѣли—своекорыстія и самолюбія, которыя и увлекали ихъ отъ прямаго пути.

Испытавшіе такое тяжкое бѣдствіе, какъ иго Монгольское, князья очень хорошо знали ближайшую причину этихъ бѣдствій, именно: разрозненность государства, разъединеніе силъ, по непмѣнію одной общей главы, которая бы соединяла эти разрозненныя, но крѣпкія силы. Они знали также, что Россія никогда не была такъ сильна и такъ спокойна, какъ въ тѣ дни, когда, болѣе или менѣе, собиралась подъ властію одного князя. Они помнили время Владиміра, Ярослава, Мономаха, Боголюбскаго; и вотъ у нихъ родилась мысль собрать Россію подъ единую власть и одно господство, чтобы сдѣлать ее сильною, цвѣтущею и страшною врагамъ.

Кому же должна принадлежать эта власть? По завѣщанію Ярослава, власть эта должна принадлежать старшему изъ князей, и обычай издавній поддерживалъ это право. Но въ той же исторіи прошедшаго можно было видѣть, что не всегда принимающіе по праву престолъ великокняжескій и способны были, и имѣли столько доблестей, чтобы съ честію и достоинствомъ удерживать это право; сила и власть, а потому и достоинство великокняжеское не рѣдко переходили къ младшимъ, по мимо старшихъ. Владиміръ Моно-

махъ не былъ старшимъ изъ князей; тѣмъ не менѣе своимъ умомъ, своею храбростію и гражданскими доблестями, пріобрѣлъ достоинство великокняжеское, и, соединивъ, личными своими достоинствами, своимъ вліяніемъ и заслугами, всѣхъ князей, былъ благодѣтелемъ Отечества и великимъ Государемъ. Изъ этого могло возродиться новое понятіе о правѣ, что оно должно пришадлежать не старѣйшему, а достойнѣйшему и могущему съ честію поддерживать это достоинство ко благу общему.

Мысль, что право на достоинство великокняжеское не есть неотъемлемая принадлежность старѣйшаго въ родахъ княжескихъ, должна была получить новое и обширнѣйшее развитіе во времена ига Монгольскаго, когда въ достоинствѣ княжескомъ и великокняжескомъ утверждали ханы Татарскіе, и могли, по своему усмотрѣнію, и даже прихоти, передавать это достоинство тѣмъ, которые умѣли болѣе угодить имъ. Тогда, для полученія достоинства великокняжескаго, достаточно было имѣть удѣлъ на столько сильный, чтобы не только не бояться нападеній со стороны прочихъ князей, но и имѣть возможность привести ихъ къ повиновенію своей волѣ и власти; умѣть на столько угождать Татарскимъ ханамъ, чтобы имѣть ихъ на своей сторонѣ защитниками собственныхъ интересовъ. И вотъ мы видимъ, что достоинство великокняжеское, то, по праву, передается старшему въ родѣ, то, по произволу ханскому, отнимается и присвояется другими. И вотъ толпы Татаръ слѣдуютъ за иска-

телемъ великокняжескаго престола, то за тѣмъ, то за другимъ, предавая все огню и опустошенію, чтобы устранить и смирить совмѣстниковъ.

Теперь, когда одни изъ князей стремились къ единодержавію, хотѣли собрать все Русское Государство подъ одну власть и соединить разрозненныя его силы, могли ли другіе смотрѣть на это спокойно, съ покорностію преклонить свои головы предъ счастливымъ собратомъ? Нѣтъ; они не могли свободно допустить этого уже и потому, что тяжело имъ было потерять всякое значеніе, покориться власти своего собрата и родича, который, по ихъ понятію, ни чѣмъ ихъ ни лучше ни заслуженнѣе; а главное они трепетали за участь дѣтей своихъ, которые должны низойти въ рядъ простыхъ подданныхъ, и не могли поддерживать достоинство своего рода. Александръ Михайловичь Тверской очень спокойно жилъ въ Псковѣ, и не желалъ бы ничего лучшаго лично для себя; но вспомнилъ онъ, что у него есть дѣти, что дѣти его лишатся своей отчины и своихъ правъ, если онъ не возвратитъ себѣ своего удѣла. И эта мысль заставила его употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы возвратить отчину. Руководясь такими мыслями, князья считали законнымъ и необходимымъ противодѣйствовать силѣ и власти преобладающаго князя. По этому-то мы и видимъ, что, какъ скоро усиливается какой-либо князь, противъ него составляется союзъ, противодѣйствующій этому усиленію, (особенно, когда какой-либо искусный совмѣстникъ пред-

ставитъ князьямъ всю опасность порабощенія власти одного); они старались этимъ противодѣйствіемъ поддержать ту систему народнаго правленія и отношеній между княжествами, которая называется *системою равновѣсія государствъ*. И если бы сами Татары не помогли возвыситься и укрѣпиться одному княжеству—Московскому, и пріобрѣсть преобладающее вліяніе на всѣ прочія, эта система долго еще держала бы Русь въ волненіяхъ и неустройствѣ, и единодержавіе не скоро бы могло утвердиться къ благоденствію и могуществу народа Русскаго.

ДѢЙСТВІЯ КНЯЗЕЙ ТВЕРСКИХЪ.

Главною цѣлію всѣхъ стремленій и дѣйствій князей Тверскихъ было благо Отечества, для котораго они не щадили себя. И они заботились о сохраненіи собственныхъ правъ, но главнымъ образомъ для того, чтобы свою силу и вліяніе употребить для общаго блага, а не для возвышенія собственнаго самолюбія. Желая свободнаго и единодушнаго сочувствія ко благу общему, они не стѣсняли правъ другихъ князей, не прибѣгали къ насилію, чтобы подчинить ихъ своей волѣ и власти; употребляли силу только для того, чтобы противодѣйствовать ихъ вреднымъ замысламъ. Но они всегда готовы были уступить свои права, какъ скоро отстаиваніе этихъ правъ навлекало бѣды на Отечество, какъ скоро это было причиною кровопролитія. Особенно эта политика высказалась въ княженіе св. Благовѣрнаго Великаго Князя Михаила

БИБЛИОТЕКА
Московской
Православной Духовной
Академии
Инв. № 197737

Ярославича Тверскаго. Твердый, мужественный и непоколебимый въ усмиреніи мятежниковъ, смѣлый и рѣшительный, когда дѣло шло о защитѣ собственныхъ правъ или чести своего народа, или когда нужно расправиться съ своими недругами, и вообще, когда дѣло касалось суда и правды; св. Михаилъ не скоро рѣшался поднимать руку и на враговъ своихъ, какъ скоро дѣло можно было уладить мирнымъ путемъ, или когда невиннымъ гражданамъ его угрожало кровопролитіе или опустошеніе. Въ основаніи всѣхъ его дѣйствій, всей политики, лежалъ законъ Евангельскій, и съ нимъ-то соображалъ свои дѣйствія В. Князь. Онъ не унижался предъ ханами съ раболѣпнымъ подобострастіемъ, но, во имя этого же закона, признавалъ власть ихъ надъ собою, и не отказывался отъ повиновенія тирану. Во имя того же закона, повелѣвающаго «положить душу свою за други своя», онъ отправился на вѣрную смерть, когда, оклеветанный сродникомъ своимъ, позванъ былъ на судъ хана.

ПОЛИТИКА КНЯЗЕЙ МОСКОВСКИХЪ.

Благоразумна и предусмотрительна, хотя и не всегда вѣрна закону Евангельскому, была политика князей Московскихъ. Стараясь о расширеніи собственныхъ правъ и своихъ владѣній, они не разбирали средствъ къ достиженію цѣли. Желая пріобрѣсть достоинство великокняжеское, и упрочить его за своимъ родомъ, они не разсуждали о справедливости и законности средствъ, чтобы осуществить его; употреб-

ляли всѣ средства, возможныя въ тогдашнее несчастное время. Наконецъ, когда усилилось Московское княженіе, они могли построить въ умѣ своемъ мудрый планъ—соединить всѣ силы Россіи подъ одну власть, чтобы, въ послѣдствіи, приготовить для Россіи сверженіе тяжелаго и ненавистнаго рабства. Они пользовались всякими средствами, только бы смирить и привести въ покорность себѣ прочихъ князей, уничтожить значеніе тѣхъ княжествъ, которые могли еще спорить о первенствѣ съ Москвою, или отстаивать свою независимость. Первыми помощниками и сотрудниками имъ, въ этомъ дѣлѣ, были, на свою гибель, сами Татары. И униженіе, и ласкательство, и дары, и подкупы, все было употреблено въ дѣло, чтобы въ самихъ ханахъ имѣть споспѣшниковъ своему задуманному дѣлу. Великій князь Московскій Іоаннъ не усумнился отрядить собственное войско въ помощь Татарамъ противъ своего Отечества, когда ханъ хотѣлъ наказать ослушниковъ его воли и оскорбителей его власти. Не только самъ онъ казался покорнымъ слугою ханамъ, но и дѣтей своихъ возилъ туда, представляя въ нихъ будущихъ покорныхъ слугъ ханскихъ. И всѣми, какъ говорится, неправдами добился того, что ханъ свирѣпо умертвилъ В. Князя Александра Михаиловича и молодаго сына его Ѳеодора. Такъ поступилъ прославившійся своею набожностію, и дѣлами милосердія, въ другихъ случаяхъ, и благотворительности Іоаннъ. Герой Донской не усумнился заключить въ темницу довѣрчиваго Михаила Александровича, приглашеннаго въ Москву, въ качествѣ друга и гостя.

ОТНОШЕНІЯ НОВГОРОДА КЪ ДРУГИМЪ КНЯЖЕСТВАМЪ.

Во время Татарскаго порабощенія Новгородъ, по прежнему, старался сохранить свои права и привиллегіи свободнаго города, данныя ему Ярославомъ 1. Владиміровичемъ. Избиралъ самъ себѣ князей, какіе были любы или необходимы, и смѣнялъ ихъ по своему произволу, какъ скоро находилъ ихъ опасными для народной вольности. И власть правительственную и самый законъ замѣняли въ немъ народныя собранія (или Вече), созываемыя звономъ Вечеваго колокола. Здѣсь не всегда дѣло обходилось безъ неустройствъ и кровопролитія.

Но на сколько Новгороду хотѣлось отстоять свои права и вольности, столько же другимъ князьямъ хотѣлось имѣть его на своей сторонѣ; потому что присоединеніе Новгорода къ тому или другому княжеству давало огромный перевѣсъ этому княженію и усиливало самого князя (*). По этому, когда Новгородъ давалъ присягу вѣрности какому либо князю, другой обманчивыми обѣщаніями старался склонить къ измѣнѣ легкомысленныхъ гражданъ. Отъ этого происходили весьма частыя войны у князей съ Новгородцами и изъ-за Новгородцевъ. И поелику это былъ весьма важный пунктъ въ

(*) Владѣнія Новгородскія были весьма обширны; къ Новгороду принадлежали города: Ладога, Орѣшекъ, Руса, Копорье, Торжокъ, Бѣжецкій верхъ, В. Волочекъ, Вологда, Устюгъ, земли: Заволоцкая (въ Архангельской губерніи), Печерская, Пермская, Вятская, Югорская. Сила и значеніе Новгорода выражались пословицей: «Кто противъ Бога и Великаго Новгорода!»

системѣ государственнаго управленія, то самыя войны были по часту жестокія и кровопролитныя, показывающія слишкомъ жаркія стремленія и усилія, какъ съ той, такъ и съ другой стороны одержать верьхъ. По тому же самому, что легкомысліе и мятежническій духъ гражданъ не рѣдко грозили бѣдою не только самому Новгороду, но и цѣлой Россіи, и самые кроткіе и самые снисходительные, въ другихъ случаяхъ, князья принимали къ усмиренію Новгорода мѣры самыя строгія и даже жестокія.

Такъ, когда въ Новгородѣ произошло возмущеніе, въ которое вовлеченъ былъ боярами своими самъ сынъ Александра Невскаго—юный Князь Василій, по случаю народной переписи и требованія поголовной дани съ гордаго и свободнаго народа, въ пользу поработителей Россіи, В. Князь Александръ Невскій весьма строго наказалъ, какъ бояръ, возмутившихъ Василія, такъ и другихъ гражданъ, виновниковъ волненія народнаго (нѣкоторые были ослѣплены, другимъ обрѣзаны носы); не пощадилъ и своего роднаго сына, приказавъ схватить его, и подъ стражею отвезти въ Суздальскую землю.

Такъ же точно и В. Князь Михаилъ Ярославичь принималъ мѣры строгія и рѣшительныя къ усмиренію Новгородцевъ, когда кроткія мѣры оказывались безуспѣшными. Цѣлію усмиренія Новгорода было то, чтобы, заставивъ его быть покорнымъ волѣ одного Князя, воспользоваться силами его для блага общаго, для благоденствія всей Россіи, тогда

какъ силы эти тратились то въ частныхъ распряхъ, то въ войнахъ съ пограничными областями, то въ спорахъ съ Князьями для отстаиванія собственныхъ только правъ, мало принося пользы Отечеству, или дѣйствуя совершенно противно общему благу. Цѣли этой только впослѣдствіи достигли Князья Московскіе; и только Іоаннъ III положилъ конецъ народной вольности Великаго Новгорода.

КРАТКІЯ СВѢДЕНІЯ О КНЯЖЕНІИ ТВЕРСКОМЪ.

Не прошло полувѣка съ тѣхъ поръ, какъ В. Князь Юрій Владиміровичь Долгорукій положилъ основаніе г. Москвѣ (1147–1155), сынъ его Всеволодъ Георгіевичь, по случаю войны съ Новгородцами (1128 г.), взявъ у нихъ Торжокъ, приказалъ на рѣкѣ Волгѣ при устьѣ рѣки Тверцы поставить крѣпость или твердь, дабы тѣмъ воспрепятствовать Новгородской вольницѣ съ Новоторжскими разбойниками дѣлать набѣги и грабежи по этимъ рѣкамъ, и защитить области Великаго Княженія Владимірскаго.(*)

(*) Названіе города обыкновенно производятъ отъ слова *Твердь*, но этому не благопріятствуетъ древнее правописаніе; названіе города обыкновенно писалось Тъферь, Тферь, Тфѣрь, и часто рядомъ съ словомъ «твердь», чѣмъ ясно показывается, что названіе города не происходитъ отъ слова *твердь*-крѣпостца. Въ 1 Новгородской лѣтописи читается: « съяшеся на Вълзѣ, устье Тьхвери.... и угошили около себе твердь....» Изъ этого видно, что названіе городъ получилъ отъ рѣки Тихверь,-впослѣдствіи названной Тверцою.

По тому ли, что мѣстоположеніе пріятное и красивое нравилось В. Князьямъ, или потому, что представлялись большія удобства для убѣжища и защиты отъ непріятелей, основанная крѣпость скоро стала населяться и сдѣлалась резиденціею В. Князей Тверскихъ.

Больше удобствъ для поселенія представляла противоположная сторона Волги, что нынѣ городская часть, то, по преимуществу эта сторона и была заселяема, и самая крѣпость перенесена была съ устья Тверцы на устье р. Тьмаки. Крѣпость эта съ одной стороны окружена была Волгою, съ другой Тьмакою, а съ третьей сухимъ рвомъ, прокопаннымъ (1373 г.) отъ Волги до Тьмаки, который отдѣлялъ крѣпость отъ городовой стороны. Крѣпость, въ весеннее половодье, окружалась со всѣхъ сторонъ водою. По свѣденіямъ позднѣйшимъ, она имѣла видъ неправильнаго трехугольника. Длины въ ней отъ Владимірскихъ до Тьмацкихъ воротъ 800, ширины отъ Волги къ Тьмакѣ къ Благовѣщенскимъ воротамъ 218, окружность валу, который, проходя нынѣшнимъ мытнымъ дворомъ, соединялъ Волгу и Тьмаку,—800 саженъ. Она имѣла деревянный обрубъ (съ 1369 г.) и башни. Владимірская башня (по дорогѣ въ Владиміръ) была каменная. Въ 1215 г. В. Князь Ярославъ Всеволодовичь, призванный княжить въ Новгородѣ, началъ свое правленіе тѣмъ, что сослалъ въ Тверь нѣкоторыхъ провинившихся Новгородскихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ Новоторжскаго посадника, заковавъ ихъ цѣпями. Въ 1240 г.

при В. Князѣ Ярославѣ II Всеволодовичѣ Тферь или Тьхферь сдѣлалась уже настоящимъ городомъ, или крѣпостію, и досталась въ удѣлъ сыну его Ярославу III Ярославичу, и была любимою резиденціею сего Князя, который жилъ то въ Владимірѣ, то въ Новгородѣ, а болѣе въ Твери (съ 1254 г.). При В. Князѣ Михаилѣ Ярославичѣ, во время междусобій между сыновьями Александра Невскаго, когда полчища Татаръ, приведенныя К. Андреемъ, свирѣпствовали въ городахъ Русскихъ, Тверь была убѣжищемъ для выгнанныхъ и бѣжавшихъ изъ родныхъ городовъ граждапъ, и могла защититься отъ вторженій Татарскихъ. Какъ бы то ни было, но когда Тверскіе Князья сдѣлались Великими Князьями Владимірскими и Суздальскими и Новгородскими, Тверь должна была возвыситься на степень важнѣйшихъ городовъ Русскихъ, и здѣсь В. Князь Ярославъ III Ярославичь утвердилъ Епископскую каѳедру въ 1271 году.

Князья Тверскіе не имѣли недостатка ни въ силѣ и мужествѣ, ни въ благородствѣ и твердости, чтобы вести успѣшно споръ съ Князьями Московскими; ихъ недостатокъ въ этомъ спорѣ былъ тотъ, что они дѣйствовали слишкомъ прямо и открыто; менѣе всѣхъ раболѣпствовали Татарамъ, менѣе боялись ихъ, и не имѣли хитрости которою побѣдили ихъ Князья Московскіе. (*) Всѣхъ Князей въ Твери отъ Ярослава Ярославича (1254 г.), до присоединенія ея къ Московскому Княжеству, при Іоаннѣ III Васильевичѣ, (1386 г.) было 13-ть (**).

(*) Изъ духовной Князя Михаила Александровича видно, что

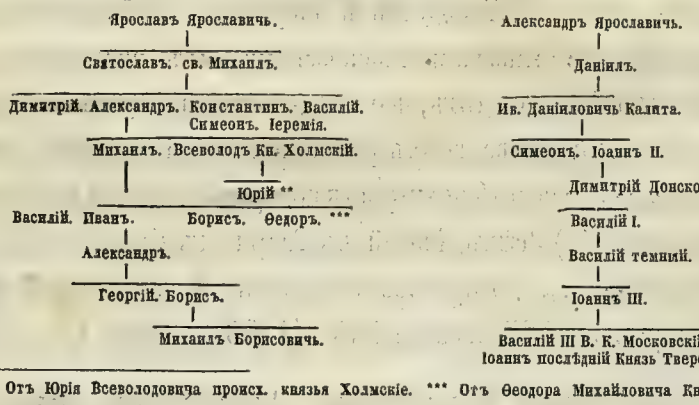
Послѣдній Князь рода Ярославова Михаилъ Борисовичь, отъ измѣны бояръ, бѣжалъ въ Литву, тамъ и скончался. Бояре же передали Тверь В. Князю Московскому; 4 года правилъ ею сынъ Князя Московскаго, а послѣ смерти его (1390) намѣстники сего Князя.

Впрочемъ, и послѣ всѣхъ разореній и бѣдствій, какія испытала Тверь, она непреставала быть сильнымъ и многолюднѣйшимъ городомъ. По описанію, принадлежащему началу XVI вѣка (Chron. Polon. usque ad an. 1504) (Отеч. Зап. 1854 г. Т. XCVII), въ ней было 160 церквей деревянныхъ; въ крѣпости было 9 церквей; изъ нихъ одна только каменная Спасо-Преображенскій Соборъ.

во владѣніи Тверскихъ Князей, находились слѣдующіе города: Ржевъ, Зубцовъ, Старица, Радиловъ, Выбринъ, Опока, Вертязинъ городокъ, Бѣлгородъ, Новый городокъ, два Микулина, Кашинъ и Скнятинъ.

(**) **РОДОСЛОВІЕ КНЯЗЕЙ ТВЕРСКИХЪ И МОСКОВСКИХЪ.**

В. Князь Ярославъ Всеволодовичь.



** Отъ Юрія Всеволодовича происх. князья Холмскіе. *** Отъ Ѳеодора Михайловича Князья Микулинскіе, Телятевскіе.

Рис. С. Измайловъ. Гр. Э. Лилье Лит. А. Новикова.

ДРЕВНІЙ ОБРАЗЪ СВ. БЛ. КНЯЗЯ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКАГО И МАТЕРИ ЕГО БЛАГОВЕРНОЙ КНЯГИНИ КСЕНІИ.

Печ. позвол. С.-Пб. Апреля 9 дня 1864 г. Цензоръ Архимандритъ Макарій.

СВЯТЫЙ БЛАГОВѢРНЫЙ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ЯРОСЛАВИЧЬ ТВЕРСКІЙ.

Яко воистинну божественная и честная возсіявши память Твоя, славный Михаиле, Царскаго корене святая отрасль, Христа возлюбивъ, Его ради не праведное заколеніе претерпѣлъ еси. (Стих. на Госп. воззв.)

РОЖДЕНІЕ И ВОСПИТАНІЕ БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА.

Св. Благовѣрный Князь Михаилъ былъ внукъ, прославившагося благодѣяніями и самоотверженною любовію къ бѣдствующему Отечеству, Великаго Князя Ярослава II Всеволодовича. Отецъ Михаила Великій Князь Ярославъ III Ярославичь рано лишился первой супруги,–она была убита Татарами въ Переславлѣ въ 1252 году (*). Вторая супруга

(*) Отъ первой супруги у Ярослава были дѣти: Святославъ и Михаилъ, отличившіеся въ войнѣ съ Ливоніею 1268 г. и дочь. Святославъ памятенъ для Твери тѣмъ, что не хотѣлъ участвовать въ междусобіи съ В. Княземъ Андреемъ, приведшимъ Татаръ на Россію; вмѣстѣ съ княземъ Московскимъ Даніиломъ и Новгородцами ходилъ войною противъ Димитрія; но у Дмитрова заключенъ былъ миръ.

В. Князя Ярослава III была Ксенія Юрьевна, о которой и сказанія лѣтописцевъ и преданія народныя говорятъ, какъ о женѣ, прекрасной лицемъ, отличавшейся свѣтлымъ умомъ, и особенно сіявшей христіанскими добродѣтелями:-кротостію, смиреніемъ, любовію къ отечеству, милосердіемъ къ бѣднымъ. Есть сказаніе, что она была, особеннымъ промысломъ Божіимъ, изъ простаго и самаго бѣднаго состоянія возведена въ достоинство великой княгини; будто бы она была дочь бѣднаго причетника села Эдимонова (въ 40 верст. отъ Твери), и уже обручена была отроку великокняжескому Григорію (или Георгію), но, по особому указанію перста Божія, невѣста, уже приготовлявшаяся къ вѣнчанію, красотою и мудростію своею, привлекла взоры В. Князя, (который съ соколиной охоты зашелъ въ село посмотрѣть невѣсту своего любимаго отрока). Григорій волею-неволею, съ болѣзнію въ сердцѣ и со слезами, долженъ былъ уступить свою невѣсту своему державцу. И Ксенія, провидя о себѣ избраніе и изволеніе Божіе, не усумнилась согласиться на бракъ съ новымъ высокороднымъ женихомъ. Въ тотъ же день они обвѣнчаны были, въ томъ же селѣ, въ церкви св. Великомученика Димитрія Солунскаго (1261 г.); а отрокъ Григорій пашелъ себѣ пристанище въ лѣсу не вдалекѣ отъ дворца великокняжескаго, по другую сторону Волги, при впаденіи въ нее рѣки Тверцы, и, принявъ иноческій образъ, сдѣлался основателемъ обители, названной по немъ-Отрочемъ (*). Не

(*) Народное же преданіе производитъ названіе Отроча отъ быв-

можемъ ручаться за достовѣрность этого сказанія; потому что въ лѣтописяхъ она называется дочерью нѣкоего Новгородца (или прямо дочерью посадника Новгородскаго) Юрія Михаиловича (*); но то несомнѣнно, что въ этой повѣсти народъ выразилъ свое благоговѣніе къ матери св. Михаила, какъ женѣ удостоившейся особеннаго избранія Божія, и вѣру въ это избраніе; и, кажется, хотѣлъ сблизить ее въ своемъ представленіи съ богомудрою Ольгою, которая также была избрана, за красоту и разумъ, въ супруги В. Княземъ Игоремъ изъ простыхъ поселянокъ Пскова или Плескова(**).

шаго на этомъ мѣстѣ замка (дѣтинца) въ которомъ жили княжескіе отроки или дѣти обязанные защищать укрѣпленіе. Здѣсь при устьѣ Тверцы, была и первоначальная крѣпость, для отраженія разбойническихъ набѣговъ Новгородской вольницы см: ист. Карам. Т. IV. Прим. 290. О какомъ-то Игумепѣ Отрочьего монастыря Михаилѣ упоминается въ Лаврент. лѣтоп. подъ 1206 г., при описаніи погребенія благочестивой супруги Всеволода Георгіевича, прадѣда Михаилова, Маріи, пришедшемъ *молитися о мирѣ* отъ Мстислава.

(*) Ярославъ, тѣмъ хотѣлъ болѣе сблизиться съ Новгородцами и привязать къ себѣ и своему дому (Т. IV Прим. 107, III Карам. Нов. Ядро Рос. ист.)

(**) Церковь св. Великомученика Димитрія въ селѣ Эдимоновѣ, кажется, потому избрана въ сказаніи мѣстомъ бракосочетанія высокой четы, чтобы выразить вѣру въ благословеніе св. Димитріемъ брака,-плодомъ котораго было рожденіе отечестволюбца, подобнаго Димитрію св Михаила. Въ народномъ преданіи сопоставляются имена Димитрія и Михаила,-равно незабвенныхъ по самоотверженной ихъ любви къ Отечеству.

Прекрасной и добродѣтельной Ксеніи промыслъ послалъ искушеніе, какое допущено было нѣкогда тоже прекрасной женѣ Патріарха Іакова–Рахили; она долгое время была неплодна. Люди благочестивые, обыкновенно всѣ случаи и обстоятельства жизни, счастливыя и несчастныя, приписываютъ Богу и отъ Него просятъ утѣшенія въ скорбяхъ: точно также и В. Князь съ богомудрою супругою въ твердой вѣрѣ въ Бога и усердной молитвѣ къ Подателю всѣхъ благъ искали утѣшенія. Они обходили церкви и монастыри, просили предстательства и молитвъ св. угодниковъ Божіихъ, дѣлали пожертвованія, помогали бѣднымъ, чтобы Господь даровалъ имъ наслѣдника великому княженію. И молитва вѣры была услышана. Богъ даровалъ благовѣрной четѣ просимое. Первымъ плодомъ молитвъ ихъ была дочь, которая впрочемъ, не долго утѣшала своихъ родителей, и преставилась ко Господу. Вскорѣ благовѣрная Княгиня Ксенія опять сдѣлалась беременна; но В. Князю Ярославу не суждено было видѣть плодъ вѣры и молитвъ. По нуждамъ Отечества В. Князь отправился въ Орду съ братомъ своимъ Василіемъ и племянникомъ Димитріемъ Александровичемъ. Бывши въ Ордѣ, онъ сдѣлался боленъ, и поспѣшилъ возвратиться къ оставленному имъ семейству; но на пути, почуявъ приближеніе смерти, принялъ схиму, и скончался 16 Сент. 1271 года съ именемъ Аѳанасія, (въ ознаменованіе вѣры въ безсмертіе) (*). Тѣло его было

(*) По особенному уваженію къ иноческому образу русскіе Князья, принимали въ болѣзни, какъ приготовленіе къ смерти

привезено въ Тверь, гдѣ, оплаканный неутѣшной супругой и преданнымъ ему народомъ, погребенъ былъ въ церкви св. безсребренниковъ Косьмы и Даміана, (на мѣстѣ которой построенъ Спасо-Преображенскій Соборъ).

Чрезъ шесть недѣль послѣ смерти своего супруга, благовѣрная Ксенія разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго во св. крещеніи наименовали Михаиломъ, въ честь св. Михаила Архистратига безплотныхъ силъ, предстательству и заступленію котораго скорбная мать ввѣрила новорожденнаго.

Лѣтописцы не передаютъ намъ подробностей воспитанія В. Князя Михаила; впрочемъ, и, на основаніи не многихъ замѣчаній, мы можемъ составить нѣкоторое понятіе о семъ воспитаніи.

Предки наши не знали никакихъ наукъ, кромѣ ученія вѣры и жизни христіанской, которое почерпали изъ слова Божія, книгъ отеческихъ и церковныхъ. Въ этихъ книгахъ находили они подкрѣпленіе своей вѣрѣ и упованію, въ нихъ искали отрады и успокоенія отъ угнѣтавшихъ ихъ бѣдствій. Дѣйствительно, свѣтлый христіанскій взглядъ на произшествія міра, на счастіе и несчастіе жизни, утверждая вѣру въ Бога всепромыслительнаго и всеуправляющаго, тѣмъ самымъ облегчалъ бѣдствія и несчастія жизни, и все-

---

постриженіе, чтобы чрезъ это торжественное покаяніе очиститься отъ грѣховъ и предстать предъ Бога чистыми и непорочными.

ляя страхъ Божій–начало и источникъ всякой премудрости, указывалъ человѣку истинный путь жизни чистой, святой. А потому чтеніе книгъ церковныхъ, отеческихъ и Священнаго Писанія составляло весь кругъ предметовъ духовнаго развитія и образованія.

Этой–то небесной мудрости, въ основаніи которой лежалъ страхъ Божій, и старалась научить сына своего боголюбивая Ксенія. Природныя качества его ума свѣтлаго и прозорливаго, сердца добраго и любвеобильнаго, воли твердой и рѣшительной образовались, возвысились и утвердились отъ наставленій и воспитанія, какое получилъ благовѣрный Князь отъ своей благочестивой матери. Само–собою, примѣръ ея благочестивой жизни былъ лучшимъ руководствомъ къ благочестію и страху Божію.

СВОЙСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ.

При внимательномъ чтеніи лѣтописей этого времени, изъ не многихъ замѣтокъ, не рѣдко бѣгло высказанныхъ современниками, не можемъ не видѣть прекрасныхъ свойствъ души В. Князя Михаила. Искреннее благочестіе и набожность (*), глубокое смиреніе и кротость, любовь къ своимъ подданнымъ и всѣмъ соотечественникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ

(*) Предки Благовѣрнаго Князя, начиная отъ св. Владиміра В. отличались глубокимъ благочестіемъ и набожностію, и строгимъ соблюденіемъ св. правилъ св. церкви и благочестивыхъ обычаевъ.

твердость и рѣшительность, храбрость и мужество были основными чертами, и, такъ сказать, существенными свойствами его характера. Любя Бога больше всего, онъ умомъ и сердцемъ устремлялся къ небесному и божественному, почерпая просвѣщеніе и вразумленіе въ Словѣ Божіемъ. Пѣніе псалмовъ Давидовыхъ доставляло ему отраду и успокоеніе въ жизни,–и было его любимымъ занятіемъ. Какъ истинный сынъ Православной Церкви, онъ былъ строгимъ хранителемъ ея святыхъ уставовъ; не изнѣживалъ, не утучнялъ онъ плоть свою, но строгій постъ и продолжительныя бдѣнія, въ соединеніи съ молитвою, окрыляли духъ его, истончали и одухотворяли самое тѣло. Любилъ онъ благолѣпіе дому Божія и мѣсто селенія славы Господней–и создалъ великолѣпный храмъ Христу Спасителю.

Чтеніе дѣяній и житій святыхъ и страданій мучениковъ возбудило въ немъ святую ревность подражать ихъ небесной жизни и блаженной кончинѣ. Любовь его ко Христу возгрѣвала въ немъ желаніе умереть въ страданіяхъ за Христа смертію мученика. Короче сказать, онъ былъ Христіанинъ не по имени только, но по истинѣ. Какая свѣтлая Христіанская душа высказывается напр. въ этихъ словахъ его къ собору свѣтскихъ и духовныхъ лицъ: «Если я чѣмъ виноватъ предъ Георгіемъ, скажите мнѣ, я готовъ исправить свою вину. Не хотѣлъ ли я остановить пролитіе крови христіанской? Не отрекся ли отъ великаго княженія, только бы жить въ мирѣ? Скажите, есть ли на мнѣ какая вина, и

долженъ ли вступиться за народъ мой, или одинъ сложить голову за всѣхъ? *Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя.* (Іоан. 15. 13). «Постоянною заботою моею было говорилъ онъ послѣ, помочь христіанамъ. Мое желаніе-умереть за Христа.»

МИХАИЛЪ—УДѢЛЬНЫЙ КНЯЗЬ ТВЕРСКІЙ.

Съ юныхъ лѣтъ св. Михаилъ вступилъ въ управленіе отчиною своею-княженіемъ Тверскимъ, и былъ истиннымъ отцемъ своихъ подданныхъ (*). Съ такою снисходительностію и добротою онъ принималъ всякаго и знатнаго и убогаго, какъ будто забывалъ высоту и превосходство своего сана. Да и что такое была слава и величіе земное для того, кто устремлялъ умъ свой къ Богу и искалъ почестей вышняго званія? Онъ считалъ себя должникомъ бѣдныхъ и нищихъ, вдовъ и сиротъ, оказывая имъ всякое благодѣяніе и милость. Всякому открытъ былъ входъ въ его великокняжескій дворецъ, всякаго съ любовію принималъ В. Князь. Но, по искренней любви къ Богу, онъ особенно любилъ служителей св. Алтаря; домъ его былъ пристанищемъ для лицъ священнаго сана.

Назидательны указанія и въ лѣтописяхъ и въ преданіяхъ народа, по которымъ представляется, какъ будто Князь съ своею благовѣрною матерію, Епископъ и духовенство

(*) По смерти Ярослава Ярославича управлялъ Святославъ не единоматерній братъ Михаила. Исторія о судьбѣ его не упоминаетъ.

составляютъ одну семью, которая дѣлитъ съ княжескимъ семействомъ и народомъ и радость и горе, участвуетъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ Князя, и во всѣхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ; доброе дѣло предпринимается и рѣшается общимъ совѣтомъ и согласіемъ. Такъ, по сказанію лѣтописи, 1285 г., т. е. когда Князю было еще 14 лѣтъ, «заложена бысть церковь каменна на Твери Благовѣрнымъ Княземъ Михаиломъ, матерію его Оксиньею и преподобнымъ Епископомъ Симеономъ Кузму и Даміану и преложиша имя Спасъ Преображенія (Лавр. стр. 207).» Епископъ—первое лице въ семейномъ совѣтѣ Благовѣрной Ксеніи и Великаго Князя, и по случаю избранія супруги Князю. Его совѣта, молитвъ и благословенія просятъ они во всякомъ важномъ предпріятіи. Съ Епископомъ и духовенствомъ В. Князь совѣтуется о войнѣ и мирѣ. Епископъ приглашается въ совѣты князей и становится посредникомъ мира между враждующими князьями. (I Новг. лѣт. стр. 66 Лавр. 209). За то Князь отстаиваетъ интересы своего Владыки. Дѣти княжескіе сопутствуютъ Епископу Андрею на соборъ Владимірскій, составившійся по доносу сего Епископа. Уважая своего Владыку В. Князь чтитъ и первосвятителя Русской церкви Митрополита Кіевскаго. Будучи В. Княземъ, св. Михаилъ сопровождалъ Святителя Петра, Московскаго Митрополита, въ Орду, для испрошенія льготъ и привиллегій духовенству и церкви.

БРАКЪ КНЯЗЯ МИХАИЛА.

Матерь-воспитательница Благовѣрнаго Князя, мудрая Ксенія должна была, своими совѣтами и наставленіями, помогать своему юному сыну, и руководить его въ дѣлѣ княжескаго управленія; но когда св. Михаилъ достигъ совершеннаго возраста, украшаясь мудростію и благочестіемъ, боголюбивая душа Ксеніи стремилась осуществить свое желаніе удалиться отъ молвы житейской, и облечься въ Ангельскій образъ (*). А по тому она совѣтовала благовѣрному Князю избрать себѣ иную помощницу и подругу жизни, которая бы, служа къ благословенному рожденію дѣтей и продолженію княжескаго рода, была и другомъ его, и совѣтницею, и утѣшительницею въ тяжелыхъ трудахъ правленія, что особенно было благотворно въ тогдашнее несчастное время; она должна была взять на себя воспитаніе дѣтей и заботы семейныя, быть подпорою и утѣшеніемъ мужа. Такой взглядъ на супругу передастъ намъ Евангеліе; такъ и смотрѣли на жизнь супружескую наши благочестивые предки (**).

(*) Впрочемъ можно видѣть, что и изъ своей уединенной кеѳіи, мудрая Ксенія не переставала быть совѣтницею Князя. Зная ея вліяніе на Князя, Митрополитъ Максимъ удерживаетъ ея именемъ Георгія отъ искательства престола.

(**) На основаніи свидѣтельствъ лѣтописей, можно заключать, что женщины вообще не были въ такомъ стѣснительномъ положеніи, какъ послѣ ига Татарскаго. Онѣ были свободнѣе и самостоятельнѣе; ихъ вліяніе и значеніе было ближе къ христіанскому взгляду на отношенія мужа и жены.

То, что сказано въ книгѣ Премудрости: «жена добрачасть блага, и въ части боящихся Господа дана будетъ,» исполнилось на В. Князѣ. Промыслу угодно было добродѣтельному и христолюбивому Князю Михаилу даровать также добродѣтельную супругу. Это была благовѣрная княгиня Анна, дочь Князя Димитрія Борисовича Ростовскаго (*).

Княжна Ростовская Анна сіяла прекрасными свойствами ума и сердца. Слава о ея умѣ, добродѣтеляхъ и красотѣ достигла В. Княгини Ксеніи; и на ней остановился выборъ добродѣтельной матери Михаила. Послы Михаиловы отправлены были въ Ростовъ просить руки княжны Ростовской Анны для Князя Тверскаго. Они исполнили порученіе и получили согласіе. Тогда княгиня Ксенія изготовила все нужное къ бракосочетанію. Преданные Тверитяне не могли не сочувствовать такому радостному событію. Самъ Владыка Тверской Епископъ Андрей, съ своей стороны, готовился

(*) Онъ извѣстенъ тѣмъ, что, по любви къ отечеству, рѣшился силою изгнать изъ предѣловъ Ростовскихъ Татаръ, посланныхъ Ногаемъ, не могши терпѣть ихъ жестокостей и насилія, и успѣлъ оправдаться предъ Ханомъ, разумѣется, не безъ даровъ.

Судя по тому, что въ одинъ годъ съ княземъ Тверскимъ выдана и другая дочь Димитрія Василиса за В. Князя Андрея Александровича, и внукъ Невскаго Іоаннъ Дмитріевичь и сынъ Даніила Московскаго Георгій женаты были на дочеряхъ же Князя Ростовскаго, можно думать, что были извѣстны особенныя достоинства дочерей Димитрія Борисовича, почему съ ними вступили въ бракъ Князья—родственники.

къ этому торжеству: онъ нанялъ лучшихъ художниковъ и иконописцевъ, которые расписали живописью и украсили, не за долго предъ тѣмъ отстроенный и освященный (1290 г.), Каѳедральный Соборъ. Когда все такимъ образомъ было приготовлено, родственники княжны, по обычаю, и знатнѣйшіе бояре Ростовскіе проводили ее въ Тверь; а знатнѣйшіе сановники Князя Тверскаго встрѣтили ее за городомъ, и проводили въ благолѣпно украшенный Спасо-Преображенскій Соборъ, гдѣ Михаилъ, напутствуемый горячими молитвами и благословеніями своей матери, впервые увидѣлъ свою невѣсту. Вѣра въ благословеніе родителей и благословеніе Божіе замѣняла, кажется, для нашихъ предковъ нынѣшнія сближенія и знакомства между брачущимися и выборъ по личному взгляду (*). Въ Тверскомъ Каѳедральномъ Соборѣ Епископъ Андрей имѣлъ радость вѣнчать благовѣрную и христолюбивую чету. Это радостное для всѣхъ Тверитянъ событіе совершилось въ день тезоименитства благовѣрнаго Князя 8 Ноября 1294 г.

Послѣ сего благовѣрная Ксенія, благословивъ новобрачныхъ, и давъ имъ свое наставленіе, сама упевѣстилась Христу, принявши постриженіе въ Ангельскій образъ въ Тверскомъ Софійскомъ Монастырѣ (**). Супруга В. Князя

(*) Самое слово невѣста означаетъ, что не было въ обычаѣ предковъ выставлять на показъ своихъ дочерей молодымъ людямъ.

(**) Софійскій Монастырь былъ, по извѣстіямъ, почти насупротивъ Рождественскаго нынѣшняго монастыря, только по сю

вполнѣ оправдала надежды доброй матери. Она была образцемъ христіанской супруги и матери. Украшаясь семейными добродѣтелями–любовію къ супругу, заботливостію о воспитаніи дѣтей въ страхѣ Божіемъ, подавая имъ примѣръ глубокаго благочестія и христіанскаго смиренія; она была истинною матерію и своихъ подданныхъ. Супруги жили въ любви, заботясь о благѣ своихъ подданныхъ, облегчая участь несчастныхъ, призрѣвая сирыхъ и бѣдныхъ.

Богъ благословилъ вѣнчанную чету благочадіемъ. Въ 1299 году у Михаила родился сынъ Димитрій, въ 1300 г. дочь Ѳеодора; въ 1301 г. Александръ; въ 1306 г. Константинъ. Младшаго сына звали Василіемъ.

НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ ВЪ ТВЕРИ.

Первые годы жизни новобрачныхъ Князя и Княгини отмѣчены въ лѣтописяхъ многими несчастными случаями, какъ для Тверитянъ, такъ и лично для самихъ супруговъ.

Такъ на другой годъ послѣ бракосочетанія, на 6 нѣдѣлѣ по Пасхѣ, городъ Тверь истребленъ былъ страшнымъ пожаромъ.

Въ слѣдующемъ 1296 г. ихъ постигло новое бѣдствіе. Съ субботы (на св. недѣлѣ) на Ѳомино Воскресенье, предъ

сторону р. Тьмаки, за нынѣшней Старицкой заставой. (Писц. Книга Нарбек. и Шишкова).

разсвѣтомъ, загорѣлся дворецъ великокняжескій. И только особенному промыслу Божію нужно приписать, что Князь и Княгиня, первые увидѣвши огонь, не замѣченный ни стражею, ни прислугой, успѣли выбѣжать и спастись отъ огня. «Се же чудо бысть, замѣчаетъ лѣтошисецъ, како Богъ заступи Князя.» Изъ имущества ничего нельзя было вынести, и сгорѣло не мало имѣнія, золота, серебра, оружія и одеждъ.

Въ тотъ же годъ былъ моръ скота, и такая засуха, что загарались лѣса и болота.

Къ довершенію несчастій, В. Князя посѣтила сильная болѣзнь. Такъ Господь искушалъ терпѣніе добродѣтельныхъ супруговъ, чтобы сдѣлать ихъ и сильными и искусными понести тотъ подвигъ, который былъ имъ предназначенъ. *Его же любитъ Господь наказуетъ, біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ. Скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искуство, искуство же упованіе, упованіе же не посрамитъ*, говоритъ Апостолъ (Рим. 5, 3–5.).

СЛУЖЕНІЕ БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА НА ПОЛЬЗУ ОТЕЧЕСТВУ.

Несчастія нашего Отечества особенно были тяжки въ то время, когда Михаилъ Ярославичь былъ удѣльнымъ княземъ Тверскимъ. Престолъ великокняжескій былъ, въ то время, предметомъ споровъ и кровопролитныхъ распрей между

двумя сыновьями Александра Невскаго–старшимъ Дмитріемъ и младшимъ Андреемъ. Властолюбивый Андрей употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы отнять у старшаго брата великокняжескій престолъ. Для этого онъ ѣздилъ въ Орду, дарилъ хановъ, и клеветою и разными происками пріобрѣталъ ихъ благосклонность. Враги Россіи всегда были рады питать свое корыстолюбіе и алчность, грабежемъ и опустошеніемъ городовъ Русскихъ. Полчища Татаръ сопровождали властолюбиваго князя, грабя и опустошая, съ безчеловѣчною жестокостію, города Русскіе, чтобы возвесть его, по волѣ хана, на престолъ великокняжескій. Съ своей стороны, и Димитрій, ошираясь на свое право старѣйшинства, не могъ оставить въ покоѣ похитителя своего достоянія, и искалъ защиты своихъ правъ у тѣхъ же враговъ жестокихъ, жадныхъ и корыстолюбивыхъ, усугубляя бѣды отечества; такимъ образомъ престолъ великокняжескій нѣсколько разъ переходилъ то къ тому, то къ другому князю. До какого ожесточенія доходили Князья–братья, и какія страшныя бѣдствія причиняли они Россіи—это можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа. «Андрей лестію и дарами задобривъ хана, получилъ отъ него грамату и войско, подступилъ къ Мурому, и велѣлъ всѣмъ удѣльнымъ князьямъ явиться къ нему въ станъ съ дружинами. Никто не смѣлъ ослушаться;– князья волею—неволею соединились съ честолюбивымъ Андреемъ; только Тверской Князь имѣлъ мужество не быть въ союзѣ съ врагами Отечества. Изумленный сею внезапною грозою, В. Князь Димитрій въ бѣгствѣ искалъ спасенія,

а Татары, пользуясь случаемъ, напомнили Россіи время Батыево. Муромъ, окрестности Владиміра, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери, до самаго Торжка, были разорены ими: они жгли и грабили домы, монастыри, церкви, не оставляя ни иконъ, ни сосудовъ, ни книгъ, гнали людей толпами въ плѣнъ или убивали. Юныя монахини, жены Священниковъ были жертвою гнуснаго насилія. Спасая жизнь и вольность, земледѣльцы гибли въ степяхъ отъ жестокихъ морозовъ. Переславль хотѣлъ обороняться, и былъ ужаснымъ образомъ за то наказанъ; не осталось жителя, который не оплакалъ бы смерти отца или сына, брата или друга. Сіе несчастіе случилось Декабря 19-го 1281 г.. Въ Рождество Христово церкви стояли пусты; вмѣсто священнаго пѣнія раздавался въ городѣ плачь и стонъ. Андрей, злобный сынъ отца, столь великаго и любезнаго Россіи, праздновалъ одинъ съ Татарами, великолѣпно угощалъ ихъ, какъ своихъ благодѣтелей, и, совершивъ дѣло свое, отпустилъ ихъ съ благодарностію хану. (Ист. Карам. стр. 147).»Этотъ случай одинъ изъ многихъ показываетъ, какъ было бы благотворно для бѣдствующаго отечества вліяніе Князя, могущаго мирить враждующихъ, защитить угнѣтенныхъ, и отразить силу силою. Такимъ Княземъ-благодѣтелемъ бѣдствующаго отечества дѣйствительно и былъ Тверскій Князь Михаилъ Ярославичь. Мы видимъ, что онъ то защищаетъ своихъ подданныхъ отъ вторженія враждующихъ князей, и Татаръ, всегда несущихъ гибель и разореніе городовъ; то дѣлается посредникомъ мира между князьями, умоляя князей не

навлекать новыхъ бѣдъ на Отечество, или угрожая принять сторону расположенныхъ къ миру противъ желающихъ продолжать вражду.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ—ЗАЩИТНИКЪ СВОИХЪ ПОДДАННЫХЪ.

Будучи истиннымъ отцемъ своихъ подданныхъ, благовѣрный Михаилъ мужественно заступался за нихъ, и не щадя собственной жизни, противостоялъ покушеніямъ враговъ. И сами подданные-вѣрные ему Тверитяне готовы были положить за него свои головы, по одному его слову. Въ 1288 году, (когда ему было 17 лѣтъ), когда В. Князь Димитрій снова завладѣлъ великокняжескимъ престоломъ, отнявъ его у своего беспокойнаго брата, и, управившись съ Новгородомъ, хотѣлъ также отмстить Михаилу за то, что князь Тверскій (братъ Михаила Святославъ) помогалъ брату его Андрѣю, и держалъ его сторону вмѣстѣ съ другими князьями, и, когда онъ вмѣстѣ съ Ростовскимъ Княземъ и Новгородцами пошелъ войною на Тверь, Михаилъ встрѣтилъ Димитрія съ полками близъ Кашина. Мужество и неустрашимость Князя, сильнаго любовію и преданностію подданныхъ, безтрепетно встрѣтившаго враждебныя полки, внушили Димитрію мирныя расположенія къ мужественному Князю. По всей вѣроятности, любвеобильный Князь Михаилъ, не желая проливать крови, предложилъ миръ, а Димитрій, опасаясь вступить въ бой, согласился принять миролюбивое предложеніе Князя Тверскаго-и миръ былъ заключенъ.

Въ слѣдующемъ году, братъ В. Князя Димитрія Андрей Александровичь (*) очернилъ своего брата въ глазахъ хана, и выпросилъ у него войско, чтобы, при его содѣйствіи, безпрепятственно занять великокняжескій престолъ Димитрія. Многочисленные толпы Монголовъ, подъ предводительствомъ Дюденя, брата хана Тохты, устремились на Россію, и внесли огонь и мечь, оставляя страшные слѣды своего звѣрства и ненасытной алчности. Не успѣвшіе успокоиться отъ прежнихъ погромовъ Татарскихъ города: Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Переславль, Угличь, Коломна, Москва, Дмитровъ, Можайскъ и нѣсколько другихъ городовъ испытали страшныя бѣдствія; духовенство тоже не спаслось отъ всеобщаго разоренія; церкви были поруганы и разграблены. Даніилъ Александровичь, Князь Московскій хотѣлъ остановить безчеловѣчную жестокость кроткою покорностію и гостепріимствомъ, впустивъ непріятелей въ городъ; но не могъ смягчить грубаго сердца алчныхъ грабителей. Всѣ были объяты ужасомъ, и искали спасенія въ дремучихъ лѣсахъ. Та же участь грозила и Тверскому Княжеству. Дюдень устремился на Тверскую область, и хотѣлъ взять столицу

(*) Чтобы имѣть болѣе успѣха предъ ханомъ, онъ различными происками и наговорами склонилъ и другихъ князей ѣхать въ Орду, представляя Димитрія опаснымъ для прочихъ князей и замышляющимъ стѣснить права ихъ. Михаилъ Тверской не только былъ на столько благороденъ, что не присталъ къ беззаконному союзу, но и столько великодушенъ, что далъ убѣжище князю, противъ котораго возбуждено общее неудовольствіе другихъ князей.

княжескую–Тверь, разсчитывая, что онъ очень легко разгромитъ этотъ городъ; такъ какъ въ то время не было въ немъ мужественнаго князя. (Михаилъ ѣздилъ въ Орду къ хану.) Но злодѣй ошибся въ разсчетѣ. Казалось духъ Михайловъ жилъ и въ его подданныхъ, и любовь къ неустрашимому Князю воодушевила великодушныхъ Тверитянъ благородною смѣлостію и самоотверженіемъ. Призывая Бога въ свидѣтели, въ соборномъ храмѣ, съ священными обрядами, они дали торжественную клятву–возстать всѣмъ на защиту роднаго города, и составили войско многочисленное. Жители другихъ областей, бѣжавшіе отъ безбожныхъ Татаръ, увеличили число храбрыхъ. Но какова была радость и одушевленіе храбрыхъ защитниковъ Отечества, когда явился внезапно среди ихъ любимый всѣми Князь Михаилъ! Не зная, что Татары заняли Москву, онъ едва не попался имъ въ руки; враги, опасаясь личной храбрости Князя, сторожили его, чтобы лишить жизни; но одинъ сельскій Священникъ предупредилъ его объ угрожающей опасности, и показалъ ему путь болѣе благонадежный (*). Нельзя описать восторга Тверитянъ при встрѣчѣ своего вождя и господина; духовенство встрѣтило его съ крестнымъ ходомъ, какъ грядущаго во имя Господне защитника Отечества; самые малодушные ободрились, будучи увѣрены, что Князь принесъ имъ спасеніе и побѣду. Между тѣмъ безбожные Татары уже направились къ Твери;

(*) И тако заступи Богъ князя молитвою дѣднею и отнею и не презрѣ Богъ слезъ и молитвы матере его. (Лавр.)

но свѣдавъ о единодушной готовности жителей встрѣтить ихъ съ оружіемъ въ рукахъ, подъ предводительствомъ своего благороднаго и рѣшительнаго Князя, не осмѣлились вступить съ ними въ бой, не обѣщавшій счастливаго для нихъ исхода, и устремились къ Новгородской области.

Тогда Тверь, отличившаяся неустрашимостію гражданъ, сдѣлалась убѣжищемъ для несчастныхъ и раззоренныхъ жителей другихъ городовъ. Самъ В. Князь Димитрій Александровичь, укрываясь отъ преслѣдованій своего брата Андрея, (который, при содѣйствіи Новгородской дружины, отнялъ у него обозъ и казну, и едва не схватилъ его самого,) прибѣгъ подъ гостепріимный кровъ великодушнаго Князя Тверскаго. Михаилъ принялъ его съ великою почестію, и съ любовію христіанина взялъ на себя обязанность примирить съ нимъ безпокойнаго и властолюбиваго брата, и сдержалъ слово. (Лавр. лѣт. стр. 207, г. 6795 и дал.).

Въ 1285 г. Литовцы напали на области Тверскую и Новгородскую и завоевали область, принадлежавшую Тверскому Владыкѣ Симеону. Князь Тверскій Михаилъ Ярославичь пригласилъ съ собою Москвичей, Волочанъ, Новоторжцевъ и жителей другихъ городовъ, съ соединенными силами, напалъ на хищниковъ; и «поможе Богъ хрестьяномъ,» говоритъ лѣтописецъ (Лавр. 207). В. Князя Литовскаго убили, иныхъ избили, а другихъ взяли въ плѣнъ, а нѣкоторые

изъ непріятелей разбѣжались, оставивъ все заграбленное въ рукахъ побѣдителей.

Въ 1301 г., когда Новгородцы, предводимые В. Княземъ Андреемъ, возстали на Шведовъ, имѣя намѣреніе разорить опасную для спокойствія Россіянъ крѣпость (Ландскрону), не далеко отъ нынѣшняго С. Петербурга; Князь Тверскій не остался праздным и безучастным къ дѣлу, отъ котораго зависѣло благо и безопасность предѣловъ Отечества. Съ войскомъ отправился онъ къ берегамъ Невы, на помощь Новгородцамъ, и только извѣстіе о побѣдѣ Новгородцевъ надъ Шведами и объ уничтоженіи крѣпости заставило его воротиться въ свою отчину.

МИРОЛЮБІЕ В. КНЯЗЯ МИХАИЛА.

Во время междусобій властолюбивыхъ Князей и страшныхъ опустошеній Татарскихъ, не было ничего вожделѣннѣе мира и согласія между самыми князьями. О сохраненіи и возстановленіи этого мира преимущественно заботился нашъ благовѣрный Князь Михаилъ. Увидимъ, какъ, напутствуемый исповѣдію и св. тайнами, при отправленіи въ Орду, онъ ясно высказалъ свѣтлые помыслы души своей: «желалъ я, и много думалъ о томъ, какъ бы помочь христіанамъ; но многихъ ради грѣховъ многая тягота сотворяется отъ нашихъ раздоровъ и несогласія.» Читая лѣтопись этого времени, невольно замѣчаемъ, что, когда сходятся князья

разсуждать объ общемъ дѣлѣ, или рѣшаютъ распри и споры частныхъ владѣтелей, необходимымъ посредникомъ между ними является Князь Тверской; даже въ духѣ недружелюбія и вражды возстающіе одинъ на другаго-князья, оставляютъ непріязненныя дѣйствія, и, вмѣсто кровопролитія, заключаютъ дѣло миромъ и дружбою. Зная Христіанское настроеніе мыслей Благовѣрнаго Михаила, и его миролюбивый характеръ, нельзя не признать его главнымъ виновникомъ мира между Князьями. А его умъ и свѣтлый взглядъ на вещи, его прямота и твердость, его рѣшительность и неустрашимость, готовность возстать на защиту правды внушали прочимъ Князьямъ уваженіе къ нему, и давали особый вѣсъ и значеніе посредничеству Князя, особенно когда, сверхъ того, извѣстна была непоколебимая любовь къ нему Тверитянъ, ихъ великодушіе и мужество.

Такъ мы уже знаемъ, что Князь Тверской мужественно, и съ вооруженнымъ войскомъ встрѣтилъ В. Князя Димитрія близь Кашина, и остановилъ враждебныя дѣйствія сего Князя, принудивъ его къ миру.

Знаемъ также, съ какою любовію и почестями принялъ онъ того же Димитрія, убѣжавшаго отъ руки своего брата Андрея къ великодушному Князю, и съ какою готовностію онъ принялъ на себя ходатайство мира между братьями. И дѣйствительно чрезъ своихъословъ, и особенно чрезъ своего Епископа, Владыку Тверскаго, онъ умолялъ Андрея оставить враждебныя дѣйствія противъ брата; и

Андрей склонéнъ былъ заключить миръ съ Димитріемъ.

Димитрій, изнуренный трудами и несчастіями, послѣ сего, не долго наслаждался спокойствіемъ и жизнію; онъ вскорѣ умеръ, принявъ предъ смертію постриженіе въ иноческій чинъ. Андрей, наконецъ, не имѣя соперника, могъ спокойно занимать великокняжескій престолъ. Но миръ и спокойствіе далеки отъ людей властолюбивыхъ и вообще дѣйствующихъ подъ вліяніемъ страстей. Достигши цѣли своихъ стремленій средствами, какія бы имъ ни представлялись, они также не разбираютъ средствъ къ тому, чтобы упрочить за собою пріобрѣтенное.

В. Князь Андрей не могъ почитать себя спокойнымъ на великокняжескомъ престолѣ, не увеличивъ своего удѣла значительными пріобрѣтеніями, особенно, когда Михаилъ Тверской и Ѳедоръ Ярославскій, своими личными достоинствами и храбростію, пріобрѣли себѣ самостоятельность и независимость отъ В. Князя. Андрей объявилъ свое право на княжество Переславское,–довольно обширное и сильное, принадлежавшее брату его В. Князю Димитрію, а теперь, по наслѣдству, перешедшее къ сыну Димитрія Іоанну. На сторонѣ Андрея стояли: Ѳедоръ, Князь Ярославскій и Константинъ, Князь Ростовскій; но Михаилъ Тверской, вмѣстѣ съ Даніиломъ Княземъ Московскимъ, вступились за права законнаго наслѣдника области Переславской–Іоанна. Андрей поспѣшилъ опять въ Орду вмѣстѣ съ своею молодою супругою Василисою Димитріевною (своячиницею Князя Михаила),

чтобы, оказавъ особенную почесть хану, имѣть его на своей сторонѣ. Тотъ же ханъ Тохта отправилъ отъ себя посла, чтобы разсудить требованія Князей. Іоаннъ Переяславскій, поручивъ В. Князю Тверскому, вмѣстѣ съ дядею своимъ Даніиломъ, защищать свою область, тоже отправился въ Орду за утвержденіемъ наслѣдственной отчины. Въ 1296 г. посолъ ханскій Неврюй былъ предсѣдателемъ княжескаго сейма во Владимірѣ; но его присутствіе не стѣсняло однихъ изъ Князей защищать сторону правую, а другихъ–отстаивать притязанія В. Князя. Споръ былъ столь жаркій, что дѣло чуть не дошло до кровопролитія, и только посредничество Епископовъ Симеона и Измаила могли остановить непріязненныя расположенія и покушенія Князей. Все же Князь Тверскій съ Даніиломъ Московскимъ успѣли защитить права сына Димитріева Іоанна; и Князья разъѣхались въ мирѣ, по крайней мѣрѣ, согласившись на миръ.

Но В. Князь Андрей не успокоился; онъ собралъ большое войско и пошелъ къ Переяславлю, расчитывая, что ему легче завладѣть городомъ, въ отсутствіе Князя (Іоаннъ еще не возвращался изъ Орды). Но Іоаннъ не ошибся, поручивъ защиту своей отчины такимъ благороднымъ родичамъ, какъ Михаилъ и Князь Московскій. Войска Тверское и Московское, предводимыя Княземъ Михаиломъ, встрѣтили властолюбиваго Князя Андрея, съ готовностію вступить въ бой. Но битвы не было; начались переговоры о мирѣ, и миръ былъ заключенъ.

Послѣ того былъ еще съѣздъ Князей (1301 г.) въ Дмитровѣ, гдѣ также дѣла уладились мирно, только Михаилъ не могъ въ чемъ-то сойтись съ покровительствуемымъ Княземъ Переславскимъ. Но это нелюбье не имѣло дурныхъ никакихъ послѣдствій; Михаилъ, и послѣ того, былъ блюстителемъ интересовъ Іоанна.

Какъ мудрый правитель, видя нестроеніе и распри, и желая упрочить миръ, и обезопасить себя и свою отчину, а такъ же, чтобы имѣть болѣе благодѣтельное вліяніе на дѣла общественныя между Князьями, миролюбивый Михаилъ привлекъ на свою сторону Новгородцевъ, и, желая имѣть въ нихъ споспѣшниковъ миру и благоденствію отечества, заключилъ съ ними договоръ, по которому они обязывались взаимно помогать другъ другу, въ случаѣ притѣсненій отъ В. Князя или отъ самого хана(*).

Казалось, все клонилось къ тому, чтобы возвысить и возвеличить княженіе Тверское, и поставить его на степень княженія независимаго, и сильнаго не только противустоять притязаніямъ и силѣ В. Князя и удѣльныхъ князей, но и готоваго отразить вторженія враговъ отечества Татаръ, отряды которыхъ такъ безчеловѣчно предавали огню и мечу города Русскіе. Св. Благовѣрный Князь Михаилъ, при

(*) «Съ братомъ своимъ съ Даніиломъ (Москов.) и съ Иваномъ одинъ есмь.... цѣловали крестъ. Аже будетъ тягота мнѣ отъ Андрея (В. Князя) или отъ Татарина, или отъ иного кого, вамъ потянути за мною, а неотступити вы ся мене ни въ которое время.» Соб. Госуд. грам. Дог. грам. Мих. съ Владык. Новгород. 1295 г.

своемъ умѣ, храбрости и добродѣтели, могъ спокойно княжить въ своей любимой отчинѣ-Твери ко благу и счастію своихъ подданныхъ. Любимый и глубоко почитаемый вѣрными своими Тверитянами, пользуясь уваженіемъ прочихъ Князей, онъ и дѣлалъ и могъ еще много сдѣлать добра своей отчинѣ и своему бѣдствующему отечеству. По крайней мѣрѣ, къ этому стремилась чистая и благородная душа Михаила. Но при благородствѣ и прямотѣ своего характера, при тѣхъ Христіанскихъ чувствахъ, какія воспитаны были въ немъ его матеріо-богомудрою Ксеніею, онъ могъ быть душою Князей Русскихъ, но не самовластнымъ ихъ повѣлителемъ; могъ вступать съ ними въ союзы и заключать договоры ко благу общему, но не подчинять собственному деспотизму, не стѣснять ихъ самостоятельности въ собственныхъ удѣлахъ; могъ наконецъ безстрашно встрѣтить враговъ своей отчины и своего отечества, съ открытою силою, на ратномъ полѣ, но не дѣйствовать противъ нихъ замыслами, хитростію и обманомъ. Онъ не искалъ пріобрѣтеній, и не заботился объ увеличеніи своей отчины, но защищалъ свое достояніе; не хотѣлъ поддерживать интригъ между князьями, но наблюдалъ справедливость, и не хотѣлъ потворствовать самовластію, уничтожающему права другихъ владѣтелей. Короче сказать, въ немъ былъ духъ витязя Невскаго Александра; но не было той хитрой политики, какой слѣдовали Московскіе Князья Георгій и Іоаннъ Калита, которые своимъ политическимъ благоразуміемъ и хитростію, не разбирая законности средствъ

для своихъ цѣлей, утвердили и упрочили власть свою надъ князьями и приготовили свержение ига Монгольскаго.

Нужно замѣтить, что благородный Князь Тверскій Михаилъ можетъ назваться первымъ и главнымъ споспѣшникомъ къ возвышенію Князей Московскихъ; онъ, главнымъ образомъ, положилъ, или точнѣе, помогъ положить краеугольный камень ихъ величію и могуществу.

Мы видѣли, съ какою твердостію правдолюбивый Михаилъ отстаивалъ права своего племянника Іоанна Димитріевича на Переяславль, противъ В. Князя и другихъ князей. Увидимъ, что онъ же содѣйствуетъ утвержденію этого удѣла за Князьями Московскими.

Москва была тогда еще не большимъ городомъ, и Московское княженіе–едвали не менѣе другихъ княжествъ. Здѣсь былъ княземъ младшій сынъ Невскаго Даніилъ. Даніилъ отличался храбростію, умомъ и благородствомъ своего отца; и показалъ опытъ своей неустрашимости. Услышавъ, что въ рязанской области собралось множество Татаръ, и желая предупредить вторженіе ихъ въ свою Московскую область, Даніилъ собралъ войско и двинулся противъ враговъ Россіи; близь Переяславля Рязанскаго разбилъ онъ множество Татаръ, и Князя Рязанскаго Константина Романовича взялъ въ плѣнъ, и привелъ въ Москву. (Это почти первая попытка къ истребленію Татаръ, не имѣвшая гибельныхъ послѣдствій (Лавр. Л. Степ. книг.). Впрочемъ

Даніилъ мирно властвовалъ въ своей Москвѣ, любимый и уважаемый своими подданными и въ особенной близости и любви съ своимъ племянникомъ Іоанномъ Дмитріевичемъ Переяславскимъ. Съ смертію же послѣдняго значеніе Москвы и ея отношенія къ прочимъ княжествамъ измѣнились; изъ незначительнаго удѣла она возвышается на степень сильнаго и независимаго княжества. Іоаннъ завѣщалъ свою отчину Переяславль Князю Московскому; а Переяславская область вмѣстѣ съ Дмитровомъ была, послѣ Ростова, знаменитѣйшею въ великомъ княженіи, какъ числомъ жителей, бояръ, людей военныхъ, такъ и крѣпостію своей столицы, которая обведена была глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою, высокимъ валомъ и двойною стѣною, подъ защитою двѣнадцати башенъ.

В. Князь Андрей Александровичь не могъ спокойно смотрѣть на такое приращеніе владѣній младшаго своего брата Даніила, хотѣлъ присоединить Переяславль къ собственнымъ владѣніямъ, и даже послалъ туда своихъ намѣстниковъ. Но Даніилъ, имѣя союзникомъ своимъ Князя Тверскаго, и не думалъ уступать притязательному своему брату; онъ выгналъ изъ Переяславля намѣстниковъ В. Князя и посадилъ своихъ. Снова В. Князь обратился съ жалобою къ хану, и снова дѣло рѣшено было въ совѣтѣ Князей, въ пользу Князя Московскаго.

Даніилъ въ то время скончался, предъ смертію замѣнивъ одежду княжескую одеждой схимника. Переяславль поступилъ въ наслѣдство дѣтямъ Даніила; съ ними уже спорилъ В. Князь.

Князья съѣхались въ Переяславлѣ, куда прибыли и послы ханскіе. Въ совѣтѣ Князей присутствовалъ и Митрополитъ Максимъ. Но Андрей, не смотря на милость къ нему ханскую, долженъ былъ уступить сыновьямъ Даніила, которыхъ сторону держалъ Князь Тверскій Михаилъ, и, не успѣвши въ своихъ замыслахъ, заключилъ миръ съ Князьями, оставивъ безполезныя притязанія.

Такимъ образомъ Георгій Даніиловичь Князь Московскій, обязанъ былъ посредничеству Михаила Тверскаго, увеличеніемъ своей области и возвышеніемъ своего княженія.

Но знала ли кроткая и любвеобильная душа Михаила, что Георгій такъ низко и измѣнически отплатитъ ему за его благодѣянія? Предчувствовало ли его доброе сердце, какому не благодарному сопернику онъ приготовилъ оружіе противъ себя и противъ своего рода? Вѣроятнѣе всего онъ думалъ, что, имѣя на своей сторонѣ такого сильнаго союзника, столько ему обязаннаго, онъ еще болѣе будетъ имѣть возможности и силы привести въ исполненіе свое искреннее сердечное желаніе, оказать сколько возможно болѣе добра христіанамъ, удерживая и Князей отъ междусобій и Татаръ отъ насилія. Души добрыя и благородныя, всегда довѣрчивы къ благородству другихъ, судя по себѣ. Истинная любовь *всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ и николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 4—8).

Промыслу угодно было поставить Князя Михаила въ достоинство великокняжеское. Чрезъ это измѣнились его

отношенія къ прочимъ Князьямъ и указанъ ему иной жребій. Онъ долженъ былъ дѣйствовать уже не какъ частный владѣтель, принимающій только участіе въ общемъ дѣлѣ, но какъ первый и старшій изъ Князей, на котораго Самимъ Богомъ возложена и обязанность блюсти благо Отечества и своей отчины и отвѣтственность за упущеніе своихъ правъ и обязанностей, за пренебреженіе къ нимъ. И Михаилъ сдѣлалъ все, что считалъ нужнымъ и полезнымъ; то какъ власть имѣющій гнѣвомъ и грозою онъ смирялъ непокорныхъ; токакъ христіанинъ, прощалъ врагамъ и отрекался отъ собственнаго достоянія, и какъ мученикъ «положилъ душу свою за люди своя.»

Мы, отдаленные зрители дѣяній мужей отжившихъ, съ благоговѣйною любовію и благодарностію слѣдимъ за подвигами благодѣтелей человѣчества, но остережемся быть судьями и безусловно порицать тѣхъ, которые, увлекшись своими замыслами и самолюбивыми мечтами, несчастіями другихъ хотѣли искупить собственное счастіе и своего потомства. Примемъ это какъ урокъ подражать доблестямъ первыхъ, и удерживаться отъ темныхъ дѣлъ другихъ. И оставляя дѣла ихъ суду Божію, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ преклонимся предъ судьбами Промысла, который самое зло и неправду людскую обращаетъ въ общее и прочное благо для хранимой и спасаемой Имъ Россіи. Но не будемъ забывать, въ то же время, и того Апостольскаго ученія, что «если въ неправдѣ нашей открывается правда Божія, и вѣрность Божія возвышается нашею не вѣрностію къ Его

славѣ;» то изъ этого не слѣдуетъ, что намъ можно» Здѣлать зло, чтобы изъ этого зла вышло добро (Рим. 3, 5–8); Богъ воздаетъ каждому по дѣламъ его, въ день, когда будетъ судить человѣковъ (2, 6. 16.).»

При всемъ томъ, разбирая дѣяніе людей того или другаго времени, нельзя оставить безъ вниманія характеръ времени, установившіяся понятія, обстоятельства и требованія вѣка, а также силу привычекъ, степень умственнаго и нравственнаго образованія, и пониманія христіанства. Духъ времени, если не можетъ оправдать несогласное съ закономъ нравственнымъ, тѣмъ неменѣе во многомъ извиняетъ человѣка, или уменшаетъ степень вины его. Характеръ времени, о которомъ говоримъ, жестокій и суровый, не позволялъ вполнѣ и во всѣхъ раскрыться ни гуманнымъ началамъ политики ни чувству истинной и святой любви. Тѣ, которые неусвоили себѣ Евангельскаго правила, равно обязательнаго и въ частной жизни и политикѣ государственной «быть мудрыми какъ змія, и невинными подобно голубю», почитали всѣ средства дозволенными для достиженія предположенной цѣли. Лучшіе же питомцы любви Христовой выходили изъ борьбы съ духомъ времени побѣдителями высокими, мучениками побѣдоносными.

СВЯТЫЙ МИХАИЛЪ-ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ.

СВ. МИХАИЛЪ—ЗАКОННЫЙ НАСЛѢДНИКЪ ВЕЛИКО-КНЯЖЕСКАГО ПРЕСТОЛА.

Властолюбивый Великій Князь Андрей Александровичь окончилъ, въ 1304 г. Іюня 22, многомятежную жизнь свою, принявъ предъ смертію постриженіе въ иночество и схиму. Прямымъ и законнымъ наслѣдникомъ великокняжескаго престола былъ Тверскій Князь Михаилъ Ярославичь. Онъ былъ старшій изъ Князей потомковъ Ярослава Всеволодовича, положившаго душу свою за люди (Лѣт. Воскр. 11,225). Никто не почиталъ себя въ правѣ спорить съ нимъ о престолонаслѣдіи. А потому Князья Русскіе избрали его В. Княземъ и возвели на престолъ Владимірскій; бояре Андреевы, отдавъ послѣдній долгъ почившему своему Князю, прибыли въ Тверь, и, поздравивъ Князя Михаила, какъ Главу Князей Русскихъ, перешли на службу къ сему новому повелителю. Новгородцы, еще прежде заключившіе съ Тверскимъ Княземъ договоръ мира и взаимной помощи, должны были признать свою зависимость отъ сего Князя; и уже намѣстники Михайловы отправлены были въ Новгородъ. Оставалось только получить утвержденіе въ великокняжес-

комъ достоинствѣ отъ Татарскаго хана, но и въ этомъ никто не сумнѣвался; всѣ были увѣрены за Князя Тверскаго.

СОПЕРНИКЪ В. КНЯЗЯ ГЕОРГІЙ МОСКОВСКІЙ.

Къ несчастію, въ бѣдственное время для Отечества, и самое неоспоримое право можно было предвосхитить силою, если не собственною, то Татарскою, и опытъ показалъ, что не всегда можно надѣяться на правосудіе хановъ, которые часто пренебрегали правами законныхъ наслѣдниковъ, отдавая первенство тому, кому захотятъ, по своему произволу. Извѣстны были и способы, какими можно было задобрить хана, чтобы имѣть его на своей сторонѣ. Слѣдовательно, нужно было имѣть столько хитрости, чтобы увѣрить прочихъ Князей въ неблагонамѣренныхъ покушеніяхъ В. Князя и его стремленіи стѣснить права прочихъ Князей,—столько силы, чтобы можно противоставить ее могуществу соперника, такъ чтобы прочимъ Князьямъ безопасно было держать сторону искателя; столько гордости и властолюбія, чтобы не стѣсняться законностію и незаконностію средствъ къ достиженію цѣли;—и столько умѣнья угождать врагамъ-порабощителямъ Россіи, чтобы имѣть въ нихъ друзей и родственниковъ: и тогда можно было смѣло вступать въ споръ съ законнымъ наслѣдникомъ великокняжескаго престола, съ полною надеждою на успѣхъ. Таковъ именно былъ Князь Московскій Георгій Даниловичъ, внукъ Александра Невскаго и родной племянникъ Михаила Ярославича Тверскаго. Про-

исходя также изъ рода Ярославова, имѣя удѣлъ усиленный и пріумноженный, какъ мы видѣли, при содѣйствіи Князя Тверскаго, онъ почиталъ себя довольно сильнымъ, чтобы вступить въ споръ за великокняжеское достоинство съ Михаиломъ. Личныя его свойства, при самовластіи и продажности хановъ, обезпечивали эти искапія властолюбія.

СВОЙСТВА КНЯЗЯ ГЕОРГІЯ.

Обладая мужествомъ и твердостію, а также необыкновенною смѣлостію въ защищеніи своихъ собственныхъ правъ, Князь Московскій обладалъ и ненасытнымъ властолюбіемъ, для удовлетворенія котораго онъ не стыдился прибѣгать къ самымъ незаконнымъ и несправедливымъ мѣрамъ. Права другихъ не были для него священны, когда была возможность попрать ихъ, къ собственному возвышенію и усиленію своихъ правъ и власти. Свою твердость и отважность онъ показалъ уже въ томъ, что, утвердивши за собою, по смерти отца своего, Переяславль, онъ не только не боялся В. Князя Андрея, который поѣхалъ жаловаться хану; но еще пріумножилъ свои владѣнія, завоеваніемъ Можайска (1303 г.); а свое властолюбіе и презрѣніе къ правамъ другихъ князей—тѣмъ, что взялъ въ плѣнъ Князя Святослава Глѣбовича Смоленскаго, которому принадлежалъ Можайскъ, и приказалъ умертвить Князя Рязанскаго Константина, котораго отецъ его Даніилъ взялъ въ плѣнъ въ битвѣ съ Татарами. Но Даніилъ, взявши его, какъ союзника Татаръ,

тѣмъ неменѣе содержалъ 6 лѣтъ въ великой чести, уважая въ немъ достоинство княжеское. Георгій руководился другими правилами. Цѣль этого вѣроломнаго убійства была та, чтобы присоединить удѣлъ сего Князя, бывшій подъ опекою Москвы, къ своимъ владѣніямъ. И, хотя не вполнѣ успѣлъ въ своихъ замыслахъ, потому что сынъ убіеннаго князя Ярославъ съумѣлъ выхлопотать ярлыкъ на наслѣдованіе престоломъ отеческимъ, но Георгій все же отнялъ одинъ изъ городовъ князя Рязанскаго–Коломну и присоединилъ его къ Москвѣ. Хитрость и коварство, порождаемыя завистію, нерѣдко доводятъ до жестокости, какъ скоро эти страсти овладѣваютъ душой гордой и властолюбивой.

НЕУСТРОЙСТВА И РАЗНОМЫСЛІЕ ВЪ УДѢЛЬНЫХЪ КНЯЖЕСТВАХЪ.

При такомъ характерѣ и настроеніи ума, Георгію не трудно было привлечь на свою сторону князей, боявшихся потерять значеніе, при усиленіи и преобладаніи одного изъ нихъ. Представляя В. Князя Тверскаго, славнаго и сильнаго, опаснымъ для частныхъ владѣтелей, и выставляя себя блюстителемъ независимости и самостоятельности ихъ удѣловъ, онъ могъ возмутить многихъ противъ В. Князя Михаила. Тою же самою политикою онъ разстроилъ и Новгородцевъ, которые ни объ чемъ столько не хлопотали, какъ о томъ, чтобы князья не стѣсняли ихъ правъ и вольности, и никого столько не боялись какъ Князей сильныхъ и мужественныхъ.

«И бысть, замѣчаетъ лѣтописецъ (Новг. 3 лѣт. ст. 222) много смятенія въ суждальской землп, и во всѣхъ градѣхъ». Неустройство было отъ того, что водворилось безначаліе и самовластіе и не кому было сдерживать ихъ; не было главы и вліятельнаго посредника между ними. Одни изъ князей взяли сторону Георгія, большая часть стояли за Михаила. Новгородцы отказались принять намѣстниковъ великокняжескихъ, и даже приготовились къ оборонѣ, собравши *всю землю,* (т. е. всѣ волости, принадлежавшія къ Новгороду) противъ Тверитянъ, рѣшившихся защищать права своего Князя, и только на такомъ условіи заключили миръ, чтобы принять намѣстниковъ Михайловыхъ, когда Князь Тверскій дѣйствительно, грамотою ханскою, будетъ утвержденъ на престолѣ великокняжескомъ.

МИХАИЛЪ И ГЕОРГІЙ ОТПРАВЛЯЮТСЯ ВЪ ОРДУ.

Спорное дѣло между двумя Князьями должно было рѣшиться судомъ ханскимъ, и Князь Тверскій Михаилъ отправился въ Орду, принявъ напутствіе и благословеніе во Владимірѣ Митрополита Максима. Въ слѣдъ за нимъ отправился и властолюбивый Георгій. Когда онъ прибылъ во Владиміръ, Митрополитъ Максимъ со многимъ моленіемъ упрашивалъ его не ходить туда, чтобы спорами и враждою не безславить имени христіанъ, и чтобы имя Божіе не хулилось между невѣрными. Увѣщанія миролюбиваго Святителя, на этотъ разъ, подѣйствовали на неудобопреклонное сердце

Георгія, тѣмъ болѣе, что кроткій Пастырь, знавшій святость жизни и чистоту намѣреній, а также и кроткій нравъ Михаила и боголюбивой матери его Ксеніи, поручался Георгію, именемъ матери Михаила, что В. Князь, для сохраненія мира, готовъ будетъ уступить Московскому Князю любые города и волости, въ прибавокъ къ его отчинѣ-княжеству Московскому. «Не изъ любочестія и властолюбія, говорилъ Святитель, Михаилъ принимаетъ престолъ великаго княженія,—онъ не искалъ его; но Божію званію сопротивляться не почитаетъ себя въ правѣ.» Георгій отказался отъ своихъ замысловъ, увѣривъ Святителя, что, если онъ и пойдетъ въ Орду, то по собственнымъ дѣламъ, и не будетъ искать В. Княженія. Можетъ быть Георгій и искренно, въ ту минуту, отрекся отъ своихъ притязаній, и успокоилась добрая душа кроткаго Пастыря обѣщаніемъ Князя Московскаго; но не повѣрили искренности его словъ, вѣроятно, зная его вѣроломство, бояре Тверскіе, душею преданные своему князю. Желая воспрепятствовать отправленію Георгія, они хотѣли перехватить его на пути, но не успѣли;—предупрежденный объ ихъ умыслѣ, онъ пробрался другимъ путемъ. Схватили только брата Георгіева Бориса въ Костромѣ, куда отправленъ былъ онъ Княземъ Московскимъ, и привели въ Тверь.

Тверитяне этимъ не успокоились. Являя горячее усердіе къ интересамъ своего Князя, а вмѣстѣ съ тѣмъ увлекаемые Тверскимъ воеводою-боярином Акинѳомъ, дѣйствовавшимъ въ духѣ мести противъ князя Московскаго, и особенно боярина

его Родіона Несторовича (*), подступили съ войскомъ къ Переяславлю. Вѣроятно они хотѣли тѣмъ усмирить властолюбиваго Георгія, лишивъ его области, доставшейся по милости Князя Михаила Тверскаго. Могла быть тому и другая причина. Зная, что Георгій только подкупами и дарами можетъ оспаривать права законнаго наслѣдника Князя Михаила, а слѣдов. и Михаилу не иначе можно отстоять право престолонаслѣдія предъ судомъ жадныхъ до корысти хановъ, бояре Тверскіе хотѣли столько же помочь своему князю давать *выходъ* (подать и дары) больше противъ Георгія, сколько Георгія лишить средствъ, и въ этомъ отношеніи, спорить съ Княземъ Тверскимъ. Какъ бы то ни было, бояре Тверскіе подступили къ Переяславлю, которымъ управлялъ умный и храбрый братъ Георгіевъ Іоаннъ Даниловичъ, и три дня держали городъ въ осадѣ; но на четвертый день явился изъ Москвы лютый врагъ Акинѳа Родіонъ. Іоаннъ ободрился. Дождавшись, когда Родіонъ съ тылу напалъ на непріятеля, онъ, въ тоже время, сдѣлалъ на нихъ стремительное нападеніе изъ города; Тверитяне, тѣсимые со всѣхъ сторонъ, потерпѣли совершенное пораженіе. Воевода Акинѳъ былъ

(*) Акинѳъ, по смерти В. Князя Андрея, состоялъ на службѣ князя Московскаго и пользовался особеннымъ почетомъ. Но когда туда же поступилъ знаменитый Кіевскій бояринъ Родіонъ Несторовичь съ сыномъ и своими придворными, коихъ было 1700 человѣкъ, и князья Московскіе дали ему первое мѣсто между своими боярами, Акинѳъ обидѣлся, и съ досады перешелъ на службу къ Михаилу Тверскому.

убитъ самимъ Родіономъ, который взоткнувъ его голову на копье, поднесъ Князю Іоанну съ такими словами: «вотъ, Князь, голова твоего измѣнника, а моего совмѣстника!»

УТВЕРЖДЕНІЕ МИХАИЛА НА ПРЕСТОЛѢ.

Когда дѣла происходили такимъ образомъ внутри Россіи, Князья жили въ Ордѣ. Въ первое только время Георгій помнилъ клятву, данную Митрополиту–не искать великаго княженія; но обращаясь среди невѣрныхъ, которые находили и удовольствіе и выгоду въ томъ, чтобы ссорить Русскихъ князей, онъ подружился съ вельможами ханскими, и тѣ соблазнили его. «Дай выходъ больше Князя Тверскаго, остальное мы беремъ на себя и ручаемся, что ты будешь В. княземъ.» Георгій поддался искушенію. Впрочемъ не извѣстно, хотѣлъ ли ханъ казаться на этотъ разъ справедливымъ, и не рѣшился попрать ясныя и неоспоримыя права Михаила, принялъ ли во вниманіе представительство князей, или не могъ отказать въ уваженіи мужественному и доблестному Князю Тверскому (какъ нѣкогда Александру Невскому), или другое что было причиною, только ханъ Тохта утвердилъ въ великокняжескомъ достоинствѣ Князя Михаила, Георгію отплатили за его дары и ласкательство почетомъ, дружбою и обѣщаніями.

Послѣ восмимѣсячнаго пребыванія въ Ордѣ, наконецъ Михаилъ возвратился, къ радости Россіянъ, съ ярлыкомъ

отъ хана, утверждавшимъ его на престолѣ Владимірскомъ. Въ престольномъ городѣ Владимірѣ тотъ же Митрополитъ Максимъ, по обычаю, съ торжественными священными обрядами возвелъ его на престолъ великокняжескій. Миръ, по видимому, водворился. Мудрость и правосудіе славились въ дѣлахъ В. Князя. Законъ Божій, предписывающій столько же творить судъ и правду безъ лицепріятія, сколько заповѣдующій любовь, снисхожденіе и милость на судѣ–законъ этотъ былъ издѣтства знакомъ боголюбивому Михаилу; и онъ–то былъ руководителемъ въ дѣлахъ правленія Михаилова. «И была радость христіанамъ.» Такъ прошло нѣсколько лѣтъ (до 1313 г.). Михаилъ жилъ въ своей любимой Твери, оставивъ въ столицѣ (Владимірѣ) своихъ намѣстниковъ.

ПОХОДЪ НА МОСКВУ.

В. Князю Михаилу, казалось, хотѣлось упрочить это спокойствіе и благоденствіе усмиреніемъ Князя Московскаго, который не могъ спокойно смотрѣть на возвышеніе своего соперника, и ждалъ случая восторжествовать надъ нимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ наказать и жестокаго убійцу Акинѳова. По этому В. Князь отправился въ первый годъ своего великокняженія, войною противъ Князя Московскаго. Но этотъ походъ обошелся безъ кровопролитія. Великій Князь примирился съ Георгіемъ. Вѣроятнѣе всего, что Георгій, чувствуя себя не въ силахъ или находя не благо-

временнымъ противостоять Князю Тверскому, увѣрилъ его въ своихъ миролюбивыхъ расположеніяхъ, а добрый Князь Тверскій, не желая проливать крови, радъ былъ предложенію мира, повѣривъ его искренности, по благородству души своей.

Это предположеніе, т. е. что Георгій хотѣлъ прежде владѣть всѣми средствами, чтобы съ успѣхомъ бороться съ Михаиломъ, тѣмъ болѣе вѣроятно, что Георгій, послѣ его, явно началъ употреблять всѣ усилія къ увеличенію своей волости, и, кажется, не скрывалъ своихъ намѣреній. Къ этому времени относится убійство князя Рязанскаго и присоединеніе Коломны. Дѣйствія князя Георгія были столь низки и постыдны, что даже родные братья его Александръ и Борисъ Дашловичи, отвращаясь его деспотизма и жестокости, бѣжали изъ Москвы и искали убѣжища въ Твери у (своего дяди) В. Князя Михаила, который и принялъ ихъ съ родственною любовію и почетомъ (1307 г.).

Михаилъ очень ясно видѣлъ, что Георгій много зла надѣлаетъ, если удастся ему привесть въ исполненіе свои властолюбивые замыслы. Тѣмъ болѣе, что князь Московскій не скрывалъ отъ В. Князя, что договоръ мира не удержитъ его отъ своихъ и беззаконныхъ средствъ къ достиженію своей цѣли. Возобновлять договоръ мира значило бы показать свою робость, ободрить его въ замыслахъ, или вызывать на новое вѣроломство. Для предупрежденія зла, грозившаго со стороны Георгія, Михаилъ въ 1308 г. снова

явился съ войскомъ подъ стѣнами Москвы, съ цѣлію смирить Георгія; но и эта попытка была безуспѣшна. Бѣдствія въ Московской области, всегдашніе спутники непріятельскихъ нападеній, не смирили, а ожесточили душу Георгія; съ сего времени онъ сдѣлался непримиримымъ врагомъ своего дяди В. Князя Тверскаго, и можно было ожидать, что Георгій не устоитъ ни предъ какими средствами, и всѣмъ воспользуется, чтобы не только низвергнуть, но сжить со свѣта опаснаго для его властолюбія соперника.

УСМИРЕНІЕ НОВГОРОДА.

Новгородцы сначала покорились В. Князю Тверскому, и безпрекословно приняли его, какъ скоро онъ объявилъ ярлыкъ ханскій, и когда В. Князь пріѣзжалъ поклониться Св. Софіи, Новгородцы охотно признали его Великимъ Княземъ, требуя отъ него подтвержденія правъ свободнаго города. Михаилъ, со всѣми почестями, занялъ престолъ Новгородскій. Но, привыкшіе къ вольности, всегда трепетавшіе за свои права, и тщательно оберегавшіе свои привиллегіи, могли ли спокойно ужиться съ В. Княземъ Михаиломъ? Всегда враждовавшіе и съ предшественниками Михаила, они пользовались всякимъ маловажнымъ случаемъ, чтобы объявить свое неудовольствіе Князю. А у В. Князя былъ соперникъ–Московскій князь, который легко могъ преувеличивать опасенія Новгородцевъ за свои права и вольности. Тяжелъ былъ для нихъ Александръ Невскій; (см. Собр.

Госуд. Грам. 1265 г. и 1270 г.) Ярославомъ были они также недовольны. Благородный, твердый и мужественный Михаилъ могъ быть представленъ для Новгорода опаснѣе своихъ предшественниковъ. И Новгородъ не устоялъ въ вѣрности В. Князю.

Поводъ къ неудовольствію на В. Князя скоро представился. Сначала Новгородцы стали жаловаться на Михайловыхъ намѣстниковъ, которыхъ обвиняли они въ равнодушіи къ интересамъ Новгорода, и бездѣйствіи во время нападеній на предѣлы ихъ враговъ внѣшнихъ (Ливонскихъ рыцарей 1307 г.), а также въ ихъ не справедливости и утѣсненіи народа. Наконецъ они стали обвинять и самаго В. Князя, и жаловались на то, что Михаилъ, занятый внутреннимъ устройствомъ в. княженія, не содѣйствовалъ Новгородцамъ въ ихъ набѣгахъ на пограничныя области. Окончивъ въ 1311 и 1312 г. благополучно одинъ разбойническій набѣгъ на шведскія владѣнія (гдѣ истребили все, чего не могли унести съ собою, у бѣдныхъ жителей не оставили ни одной рогатой скотинины), надмѣнные успѣхомъ Новгородцы почувствовали себя довольно сильными, чтобы управляться безъ Великаго Князя (*). А потому они гласно стали роптать на В. Князя и укорять его въ несоблюденіи договора. Справедливо оскорбленный подобною дерзостію, Михаилъ

(*) И это не первый примѣръ, что призывая Князя, когда нужно было управиться съ недругами, они безцеремонно прогоняли его по окончаніи похода. «Ты намъ не любъ; иди собѣ,- и мы собѣ промыслимъ князя.»

въ 1312 г. вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода, занялъ войскомъ Торжокъ, Бѣжецкъ и другія волости и остановилъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Угрожаемый голодомъ Новгородъ смирился, и отправилъ своего Епископа Давида ходатайствовать о мирѣ въ Тверь. Благовѣрный Князь Михаилъ не желалъ зла Новгородцамъ, а потому, довольный ихъ покорностію, немедленно заключилъ съ ними миръ. Онъ взялъ съ Новгородцевъ 1500 гривенъ серебра, и снова послалъ къ нимъ своихъ намѣстниковъ.

НОВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ В. К. МИХАИЛА ВЪ ОРДУ И ВѢРОЛОМСТВО НОВГОРОДЦЕВЪ.

Въ это время В. Князю Михаилу нужно было отправиться въ Орду. Ханъ Тохта умеръ, вмѣсто его воцарился сынъ его Узбекъ. Михаилу нужно было представиться новому повелителю, чтобы получить отъ него подтвержденіе своего права на великокняженіе. Пребыванія князей въ Ордѣ бывали иногда довольно продолжительны. Занятый и собственными забавами и дѣлами, и разбирательствомъ споровъ княжескихъ, ханъ не спѣшилъ рѣшеніемъ дѣлъ; не рѣдко, подстрекаемый подозрѣніемъ, онъ хотѣлъ прежде познакомиться съ прибывшими Князьями, узнать ихъ покорность, вывѣдать ихъ расположенія. Кромѣ того, пребываніе Князей Русскихъ придавало величіе Ордынскимъ царямъ, льстило ихъ гордости, а главное доставляло богатую поживу отъ ихъ щедрости какъ ему, такъ и вельможамъ.

На этотъ разъ В. Князь Михаилъ долженъ былъ пробыть въ Ордѣ два года. Отсутствіемъ Князя воспользовался безспокойный соперникъ его Георгій Московскій. Легкомысленные Новгородцы послали въ Москву къ Георгію, и, признавъ его своимъ княземъ, объявили войну Князю Тверскому. Георгій отправилъ къ нимъ, вмѣсто себя, своего родственника, бывшаго на службѣ у него въ Москвѣ Ѳеодора Ржевскаго. Ѳеодоръ началъ съ того, что перехваталъ намѣстниковъ В. Князя и заключилъ ихъ подъ стражу. Потомъ собралъ войско изъ мятежныхъ гражданъ, устремился къ берегамъ Волги съ намѣреніемъ опустошить область Тверскую, которая казалась беззащитною въ отсутствіе В. Князя. Но на встрѣчу полкамъ Новгородскимъ выступилъ съ Тверскою дружиною сынъ В. Князя 14-лѣтній воевода Димитрій, прозванный за свою храбрость и пылкій характеръ, «Грозныя очи.» Войска сошлись на противоположныхъ берегахъ Волги, но не могли вступить въ битву, по причинѣ осеннихъ непогодъ и морозовъ, покрывшихъ Волгу тонкимъ льдомъ. Новгородцы снова заключили миръ съ вѣрными Князю Тверитянами, но опять съ вѣроломнымъ намѣреніемъ принять болѣе благонадежныя мѣры къ сверженію власти В. К. Тверскаго; и тутъ же послали въ Москву за княземъ Юріемъ, а сами возвратились въ Новгородъ. Юрій очень радъ былъ предложенію Новгородцевъ, согласился на всѣ условія, ими предложенныя, и въ ту же зиму прибылъ въ Новгородъ съ братомъ своимъ Аѳанасіемъ. Подписавши договоръ, *на всей воли Новгородской*, онъ за-

нялъ княжескій престолъ къ великой радости вѣроломныхъ гражданъ. «И ради быша Новгородцы своему хотѣнію.»

ВОЗВРАЩЕНІЕ В. КНЯЗЯ. НАКАЗАНІЕ НОВГОРОДЦЕВЪ.

Только радость эта не была продолжительна. В. Князь Михаилъ, свѣдавъ о беззаконныхъ дѣйствіяхъ Георгія и объ измѣнѣ Новгородцевъ, и, справедливо опасаясь отъ такого союза, бѣдствій не только для своего дома и отчины и престола великокняжескаго, но и для всей Россіи (потому что Князь, такъ измѣнническки поправшій права Михаила, въ союзѣ съ народомъ, тоже не уважавшимъ законовъ долга и чести, не могъ остановиться въ своихъ властолюбивыхъ замыслахъ), принесъ справедливую жалобу хану, надѣясь, силою и властію его, возстановить порядокъ и спокойствіе въ отечествѣ. Въ слѣдствіе этой жалобы Георгій позванъ былъ въ Орду, дать отвѣтъ противъ обвиненій В. Князя; а Михаилъ снабженъ былъ вспомогательнымъ войскомъ для усмиренія опасныхъ мятежниковъ.

Можно себѣ представить тяжелую скорбь и душевную муку доброй, отечестволюбивой и благородной души Благовѣрнаго Князя Михаила, когда онъ принужденъ былъ принять такое вспоможеніе отъ враговъ отечества! Мы не иначе можемъ представлять его, какъ въ положеніи кроткаго Давида, когда онъ принужденъ былъ обнажить мечь противъ мятежнаго сына Авессалома (2 Цар. 18, 1–9. 33. 19, 2.),

или когда получилъ приглашеніеотъ облагодѣтельствовавшаго его царя Анхуса идти войною противъ Евреевъ (I Цар. 28, 29)! Съ какимъ растерзаннымъ сердцемъ и грустію и Александръ Невскій употреблялъ строгія мѣры для умиренія тѣхъ же Новгородцевъ!

Георгій отправился въ Орду, запасшись богатыми дарами, какъ лучшимъ средствомъ оправданія предъ беззаконными судьями, а Новгородъ поручилъ управленію брата своего Аѳанасія. И вотъ пронеслась грозная вѣсть, что В. Князь Михаилъ возвратился изъ Орды, снова утвержденный въ великокняжескомъ достоинствѣ, съ сильною ратью, подкрѣпленною полками Монгольскими. Новгородцы рѣшились защищаться до послѣдней крайности; съ оружіемъ въ рукахъ они ждали непріятеля близъ Торжка. «И сдѣлалось то попущеніемъ Божіимъ по грѣхамъ нашимъ, передаетъ лѣтописецъ, когда сошлись полки, была сѣча зла, и много побили добрыхъ мужей и знаменитыхъ бояръ Новгородскихъ, и купцевъ многопменитыхъ.» Оставшіеся въ живыхъ заключились въ Торжкѣ. Михаилъ побѣдилъ; но не лавровъ искалъ онъ въ битвѣ; ему нужно было остановить враждебныя дѣйствія возмутителей, нужно было уничтожить силу и вліяніе князя Московскаго, чтобы утвердить всеобщую тишину. Для сего В. князь потребовалъ выдачи князей Аѳанасія и Ѳеодора. Новгородцы, впрочемъ, были, на этотъ разъ, столько благородны и великодушны, что отказались выдать князей, ими самими призванныхъ и дѣйствовавшихъ по ихъ желанію, рѣшаясь скорѣе умереть въ

отчаянной битвѣ, и В. Князь умѣлъ оцѣнить это великодушіе гражданъ, и потребовалъ одного Ѳеодора Ржевскаго. Новгородцы, увѣренные въ добротѣ Михаила, уступили этому требованію, не опасаясь какого либо мщенія выданному, со стороны побѣдителя. Удовлетворившись покорностію Новгородцевъ, В. Князь заключилъ съ ними миръ, на такомъ условіи, чтобы прошедшаго зла не вспоминать ни той ни другой сторонѣ; В. Князю, ни боярамъ его не наводить рати на Новгородъ, отложить нелюбье на Новгородцевъ, и не мстить своимъ врагамъ. За это Новгородцы обязались выплатить К. Михаилу въ разные сроки 12.000 гривенъ серебра, включая въ уплату захваченное у бояръ Новгородскихъ имущество. И миръ былъ заключенъ и утвержденъ клятвою и крестнымъ цѣлованіемъ. Однако благоразуміе В. Князя требовало, въ предупрежденіе новой измѣны, со стороны Новгородцевъ, и враждебныхъ замысловъ князя Московскаго, чтобы князья Аѳанасій и Ѳеодоръ остались у него заложниками, а потому Михаилъ, пригласивъ къ себѣ сихъ князей, отправилъ ихъ въ Тверь. Не головы ихъ искалъ онъ, не желалъ онъ и мести своимъ недругамъ, но дабы упрочить миръ и спокойствіе отечества, онъ хотѣлъ этимъ связать руки легкомысленныхъ и склонныхъ къ измѣнѣ гражданъ, и удержать самого Георгія отъ беззаконнаго союза съ измѣнниками.

НОВАЯ ИЗМѢНА НОВГОРОДЦЕВЪ.

Миръ, заключенный Новгородцами съ В. Княземъ, поелику не былъ искреннимъ, то не былъ и продолжителенъ. Смирившіеся на время граждане, скоро забыли клятву и крестное цѣлованіе, и отправили отъ себя пословъ въ Орду съ жалобою на В. Князя. Михаилъ воспрепятствовалъ ихъ злому умыслу. Послы были перехвачены Тверитянами съ дороги, и отправлены въ Тверь. В. Князю не оставалось ничего дѣлать, какъ принять мѣры строгія и рѣшительныя. Онъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода, и чтобы снова привести къ покорности мятежныхъ гражданъ, отправился противъ нихъ съ войскомъ; но не хотѣлъ вступать въ бой, остановившись въ 50 верстахъ отъ города. Онъ ожидалъ что Новгородцы одумаются и раскаются въ своемъ легкомысліи, тѣмъ болѣе, что и между ними были люди благонамѣренные, вѣрные долгу и преданные В. Князю. Не таково было большинство Новгородцевъ. По одному только подозрѣнію въ какомъ либо доброжелательствѣ Михаилу, или перепискѣ съ нимъ, они мучили и убивали, или свергали съ мосту въ Волховъ, и тѣмъ заставили совершенно умолкнуть партію благонамѣренныхъ и вѣрныхъ В. Князю гражданъ. А между тѣмъ, собравъ всю волость Новгородскую, жителей Пскова, Ладоги, Русы, Кореловъ, Ижерцевъ, Вожанъ, они укрѣпили Новгородъ, и приготовились къ битвѣ отчаянной, чтобы отстоять свою вольность. Михаилъ съ глубокою скорбію свѣдалъ о такомъ ожесто-

ченіи гражданъ, и разсудилъ, что въ такой рѣшительной и отчаянной войнѣ много должно пасть головъ Россіянъ, и много пролиться крови Христіанской, какъ съ той, такъ и съ другой стороны; а потому, щадя своихъ и чужихъ, онъ рѣшился отступить, оставивъ мятежный городъ раскаянію и тревожнымъ опасеніямъ, и боязни гнѣва и мщенія В. Князя. Къ несчастію отступленіе Тверитянъ было весьма гибельно для нихъ; желая пройти путемъ ближайшимъ, они «заблудились въ озерахъ и болотахъ, многіе умирали съ голоду, а другіе принуждены были ѣсть конину и утолять свой голодъ даже кожею, которую сдирали со щитовъ; оружіе все пожгли или побросали и возвратились домой пѣшкомъ.» Это было въ 1316 году.

Новгородцы дѣйствительно образумились. Они могли опасаться и новаго похода со стороны В. Князя съ усиленнымъ войскомъ; — ихъ могла безпокоить и судьба князей и Новгородцевъ, бывшихъ заложниками въ Твери, а потому они въ слѣдующемъ 1317 г. отправили къ В. Князю своего Архіепископа Давида, съ мольбою о мирѣ и объ отпускѣ на окупъ заложниковъ Новгородскихъ. И не послушалъ Князь мольбы Архіепископа и не отпустилъ князей Аѳанасія и Ѳеодора и Новгородцевъ, бывшихъ заложниками въ Твери. Онъ зналъ, что столько разъ измѣнявшіе ему Новгородцы, въ союзѣ съ княземъ Московскимъ, и теперь не останутся ему вѣрны, и безъ всякаго стѣсненія и и опасенія будутъ ему вредить, если онъ выпуститъ

изъ своихъ рукъ Аѳанасія и Ѳеодора, содержаніе которыхъ въ Твери могло удерживать своеволіе однихъ и враждебныя дѣйствія другаго. При томъ же такой миръ могъ казаться и постыднымъ и безчестнымъ для В. Князя, а главное не прочнымъ, потому что Новгородцы, только уступая необходимости, предлагали его, не преставая питать въ себѣ враждебныя къ нему расположенія. Ему хотѣлось не принять условія мира, какія ему предложатъ, но самому предложить, какія онъ найдетъ соотвѣтствующими княжескому достоинству, а главное необходимыми для пользы и спокойствія государства.

Усиленіе Московскаго княженія обширною областію Новгородскою, обольщенною княземъ Юріемъ, и возбужденною противъ Тверскаго Князя, грозило опасностью и даже гибелью не только В. Князю и его отчинѣ, но и прочимъ князьямъ. Вотъ почему В. Князь съ такою настойчивостію и такими строгими мѣрами, хотѣлъ смирить увлеченныхъ Георгіемъ Новгородцевъ. Вотъ почему онъ не иначе согласился на миръ съ ними, какъ взявши съ нихъ клятву, что они, ни въ какомъ случаѣ, не будутъ вмѣшиваться въ ихъ распрю съ Георгіемъ. И дѣйствительно, Новгородцы, сколько ни благопріятствовали князю Юрію, но, поелику не знали, гдѣ онъ, принуждены были принять условія мира, предложенныя В. Княземъ Михаиломъ, «чтобы имъ не вступаться ни за котораго изъ нихъ,» и на этомъ заключили миръ. Увидимъ, какъ оправдалась предусмотрительность мудраго Михаила.

КНЯЗЬ МОСКОВСКІЙ ГЕОРГІЙ ВОСХИЩАЕТЪ ДОСТОИНСТВО В. КНЯЗЯ.

«Сыны вѣка сего,» говоритъ Спаситель, мудрѣе сыновъ свѣта въ родѣ своемъ.» Это изреченіе и теперь оправдалось въ отношеніи къ Князю Георгію. Тамъ, гдѣ души чистыя, твердыя, благородныя подпадали неукротимому гнѣву владыкъ жестокихъ и звѣроправныхъ, и немилуемому осужденію, хитрый Георгій успѣлъ снискать и милость и дружбу и помощь. Около трехъ лѣтъ (1315—1318г.) жилъ онъ въ Ордѣ, и не даромъ. Не только онъ оправдался во всѣхъ обвиненіяхъ, какія взносилъ на него В. Князь Михаилъ, но и пріобрѣлъ особенную любовь и родственное расположеніе хана Узбека. Съ золотомъ и дарами Новгородцевъ отправился онъ въ Орду, и своими подарками и подкупами отвратилъ гнѣвъ ханскій. Пресмыкаясь у ногъ хана, онъ льстилъ его вельможамъ, старался угождать его женамъ и наложницамъ, и чрезъ это такую пріобрѣлъ любовь и дружбу Узбека, что тотъ рѣшился отдать за него сестру свою Кончаку, дозволивъ ей принять вѣру христіанскую и креститься. Это обстоятельство тѣмъ болѣе заставляетъ удивляться уму Георгія, что Узбекъ-злой татаринъ принялъ въ то время вѣру бесерменскую (Магометанство), отличавшуюся фанатизмомъ и изувѣрною ненавистію къ христіанству, и съ тѣхъ поръ «наипаче нача не щадити роду христіанскаго.» Сдѣлавшись зятемъ Узбека, Георгій очень легко уже могъ испросить себѣ ярлыкъ на великое княженіе и вспомога-

тельное войско противъ В. Князя Тверскаго. Ханъ, снабдивъ его ярлыкомъ на в. княженіе, далъ ему и вспомогательное войско подъ предводительствомъ главнаго Татарскаго воеводы Кавгадыя (обыкновенно называемаго окаяннымъ и треклятымъ), и между Татарами самаго злобнаго и коварнаго. Присовокупивъ къ своимъ войскамъ и татарскимъ всю низовскую землю и Мордовскую, Георгій, съ такою увѣренностію въ успѣхѣ, шелъ противъ В. Князя Михаила, какъ будто онъ идетъ не на войну, а на какой нибудь блестящій праздникъ или торжественный пиръ; съ нимъ ѣхала и молодая супруга его Кончака съ своими родственниками и всѣ друзья Георгіевы-Татары. Вотъ здѣсь-то особенно проявила себя, великая, чистая и благородная душа Христолюбиваго В. К. Михаила. Не показалъ онъ малодушія предъ несмѣтными силами непріятельскими; но какъ мудрый и мужественный воевода собралъ войска, пригласилъ въ помощь себѣ другихъ князей, и пошелъ на встрѣчу Георгію. Близь г. Костромы безтрепетно встрѣтилъ онъ Георгія, но не хотѣлъ проливать крови христіанъ въ междусобной брани, и послалъ къ Георгію пословъ съ предложеніемъ мира. «Если царь далъ тебѣ великое княженіе, говорилъ онъ чрезъ пословъ, поздравляю тебя; потому что и ты мнѣ братъ; но умоляю, не вступайся въ мою отчину, которую я получилъ отъ своихъ прародителей, и которая составляетъ достояніе дѣтей моихъ. Вспомни, что ты христіанинъ, и опасайся проливать напрасно кровь христіанскую.» Георгій уступилъ на этотъ разъ миролюбивому пред-

ложенію В. Князя уже и потому, что за Михаила стояла большая часть Князей Русскихъ, а кромѣ того извѣстна была и личная храбрость и неустрашимость сего Князя, съ которымъ, при такихъ обстоятельствахъ дѣла, вступать въ бой было бы не безопасно. Георгій согласился на миръ, обѣщаясь прекратить враждебныя дѣйствія; и Благовѣрный Князь Михаилъ благополучно отправился въ свою отчину— Тверь и распустилъ войска (по другимъ извѣстіямъ, онъ сталъ укрѣплять свою столицу–Тверь).

НАПАДЕНІЕ ГЕОРГІЯ НА ТВЕРСКІЯ ВОЛОСТИ.

Георгій, подстрекаемый своими друзьями и Татарами, не могъ оставить въ покоѣ Тверскаго Князя. Доставшееся хитростію и коварствомъ для гордыхъ властолюбцевъ кажется непрочнымъ; и они силятся утвердить его новыми злодѣяніями. Уступчивый Михаилъ не могъ все–таки не быть опаснымъ соперникомъ въ глазахъ властолюбиваго Георгія, который хотѣлъ имѣть его въ совершенной своей власти или лишить жизни также, какъ и несчастнаго Константина Романовича Рязанскаго. Георгій не долго ждалъ случая, чтобы съ большею надеждою на успѣхъ напасть на великодушнаго соперника. Онъ привлекъ на свою сторону князей Суздальскаго и Городецкаго, бывшихъ союзниковъ Князя Тверскаго. Подкрѣпленный войсками сихъ князей, и совокупивъ снова свои силы, Георгій прямо направился къ

Твери (*) и началъ опустошать Тверскія волости и города, со всѣми ужасами и свирѣпствомъ, къ какимъ способны вожди Татарскіе (**). Злодѣйствуя, войска подступали уже къ самой Волгѣ, и уже готовились перебраться на другой берегъ, производя тѣже свирѣпства и опустошенія. Въ то же время одинъ изъ пословъ ханскихъ Телебуга отправленъ былъ въ Новгородъ звать и Новгородцевъ присоединиться къ союзнымъ войскамъ Георгія.

ПОРАЖЕНІЕ ВРАГОВЪ И ВЕЛИКОДУШІЕ ПОБѢДИТЕЛЯ В. КНЯЗЯ МИХАИЛА.

Казалось, въ этой глубокой и не проницаемой тьмѣ бѣдствій и скорби, облегавшей доброе сердце Михаила, въ новомъ свѣтѣ и славѣ просіяли святыя свойства души и христіанскія добродѣтели Христолюбиваго В. Князя. Невинный въ своей совѣсти, онъ хотѣлъ какъ бы передъ цѣлымъ свѣтомъ, предъ дальнѣйшимъ потомствомъ показать чистоту своихъ помысловъ и намѣреній. Не терпя озлобленія людей своихъ, Благовѣрный Князь созываетъ совѣтъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ–Епископа Варсонофія, князей и бояръ, и предъ ними изливаетъ скорбь свою, прося у

(*) Изъ Костромы, къ Ростову, Переяславлю, Дмитрову, Клину,

(**) Предавая огню и разоряя села и города, опустошали святыя обители и церкви, предавали смерти людей въ разнообразныхъ мукахъ и пыткахъ, разсѣкали на части младенцевъ, оскверняли женъ и дѣвицъ. Всюду раздавались вопли и стенанія.

ихъ утѣшенія и совѣта. «Вы знаете, братія, что отступился я отъ великаго княженія, въ пользу сродника моего Георгія, и подати заплатилъ я; а за всѣмъ тѣмъ сколько бѣдствій причинили моей отчинѣ. Я все терпѣлъ, не утолится ли злоба его, но теперь вижу, что они ищутъ головы моей. Разсудите вы меня съ моимъ сродникомъ; скажите въ чемъ я виноватъ предъ нимъ, и я заглажу свою вину; лучше мнѣ одному пострадать, нежели допустить гибнуть народъ мой.»

Рѣчь, исполненная глубокой скорби и христіанскаго смиренія, привела въ слезы присутствующихъ, и они какъ бы едиными устами отвѣчали доброму Князю: «во всемъ ты правъ, господинъ нашъ, какъ Ангелъ Божій, предъ сродникомъ своимъ. Сколь великое смиреніе явилъ ты, уступивъ ему в. княженіе, и при всемъ томъ, какія бѣдствія и озлобленія причиняютъ тебѣ предъ нашими глазами!» Слезы и рыданія заглушили рѣчь совѣтниковъ В. Князя, тяжелая скорбь разрывала ихъ сердце. Удерживая слезы совѣтники продолжали: «чего же намъ теперь ждать отъ окаянныхъ Татаръ? Ужели мы допустимъ, чтобы опустошили городъ, осквернили святыню? Ужели ждать намъ того, что насъ изрубятъ они, или живыхъ возьмутъ въ плѣнъ? Да не будетъ сего, друзья, лучше умремъ со славою за святую вѣру, и за отечество наше. А ты, Великій господинъ нашъ, веди насъ противъ враговъ, мы готовы за тебя положить жизнь свою. Не много насъ числомъ, но мы

вѣруемъ, что не въ силахъ благоволитъ Господь; Онъ поборетъ по насъ; потому что мы за души наши и братій нашихъ поднимаемъ мечь на супротивныхъ.»

Поправился такой совѣтъ Христолюбивому Князю; онъ согласенъ былъ съ закономъ Христовымъ. «Слышите братія, сказалъ Христолюбецъ, что Господь говоритъ въ Евангеліи: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15. 13); а намъ не за одного друга, не за двухъ должно сложить свои головы, а за многое множество народа, избитаго и томящагося въ плѣну, за поруганіе святыни, за оскверненіе женъ и дочерей отъ невѣрныхъ. Пусть же будетъ слово Господне во спасеніе».

На утро, Святитель Варсонофій молитвою и благословеніемъ напутствовалъ В. Князя съ его дружиною въ походъ противъ непріятелей. Къ бранному оружію благовѣрный Князь присоединилъ оружіе, необоримое для вѣрныхъ, животворящій крестъ Господень, золотое изображеніе котораго онъ возложилъ на перси свои. Съ симъ святымъ побѣдоноснымъ знаменіемъ выступилъ онъ на подвигъ вѣры и любви, во имя Господа. Войска, встрѣтились въ 40 верстахъ отъ Твери, при селѣ Бортневѣ. Рать Тверская казалась горстію предъ несмѣтными силами непріятелей; но В. Князь Михаилъ воодушевилъ и подкрѣпилъ свою дружину надеждою на помощь и силу Бога, поборающаго правдѣ. «И чего бояться смерти, говорилъ Михаилъ воинамъ, не славнѣе ли и не отраднѣе ли

умереть въ честномъ бою, чѣмъ возвратиться со стыдомъ и безславіемъ, видѣть разореніе отечества, испытать позоръ плѣна?»

Сказавъ это, мужественный воевода устремился на полки непріятельскіе; «и соступишася полки и была сѣча великая и гибельная.» Съ невыразимымъ мужествомъ, подобно львамъ, бились воины Тверскаго Князя, съ быстротою и стремительностію орловъ бросаясь на непріятеля. И падали враги, какъ снопы, подъ ногами воиновъ, и устлали трупами своими бранное поле. Плѣнники, томившіеся въ неволѣ, забранные Георгіемъ, разрывали узы свои, и съ молитвою о побѣдѣ и здравіи Михаила, устремлялись на погибель нечестивыхъ. Михаилъ безтрепетно носился на встрѣчу смерти, предшествуя воинамъ въ самыхъ опасныхъ стычкахъ съ непріятелями, и подкрѣпляя утомленныхъ. Воинскій доспѣхъ В. Князя былъ изсѣченъ мечами непріятельскими, но ни одна язва не коснулась тѣла Богохранимаго Михаила. И напалъ страхъ на враговъ, и они устремились въ бѣгство, давя другъ друга въ стремительномъ отступленіи отъ грозной рати Михаиловой. Тверитяне, то преслѣдовали бѣгущихъ, и убивали ихъ, то забирали плѣнниковъ. Михаилъ одержалъ знаменитую и самую блистательную побѣду. Вмѣстѣ съ множествомъ плѣнниковъ приведены были къ В. Князю и самъ предводитель Татарскій окаянный Кавгадый, а также жена Георгіева Кончака, въ крещеніи Агаѳія, и братъ Георгіевъ Борисъ, со многими боярами и вельможами князя Московскаго. Добрый Князь Михаилъ тотчасъ же приказалъ остановить кровопролитіе,

щадя жизнь побѣжденныхъ, и принялъ съ великою честію знаменитыхъ своихъ плѣнниковъ; и съ торжествомъ возвратился въ престольный свой городъ (22 Дек. 1318 г.).

Радовались Тверитяне, торжественно славили и благодарили Бога, даровавшаго побѣду В. Князю. Со слезами радости молились и благодарили Бога и В. Князя и узники, томившіеся въ неволѣ, захваченные Георгіемъ и освобожденные Михаиломъ. Михаилъ, приписывая все Богу и славѣ имени Его, не хотѣлъ мести и униженія врагамъ своимъ. Онъ принялъ плѣнниковъ, какъ братьевъ, какъ дорогихъ гостей своихъ; угостилъ Кавгадыя въ своемъ в. княжескомъ дворцѣ, и одарилъ богатыми дарами, и съ почестями отпустилъ къ хану. Такое великодушіе, на этотъ разъ, тронуло жестокое и вѣроломное сердце Кавгадыя и другихъ Татарскихъ вождей. Прославляя милость Михаилову, они признавались ему, что начали битву и разореніе совершенно произвольно, не имѣя на то никакого повелѣнія ханскаго, увѣряли его въ своей дружбѣ и благожелательствѣ. Но такъ говорили они подъ вліяніемъ ласковости и великодушія В. Князя Михаила, своимъ обращеніемъ съ ними какъ бы заставившаго ихъ забыть свой позоръ и униженіе.

НОВЫЯ НЕПРІЯЗНЕННЫЯ ПОКУШЕНІЯ ГЕОРГІЯ.

Между тѣмъ Князь Московскій Георгій бѣжалъ съ поля битвы въ Новгородъ. Новгородцы, и безъ того, всячески

стремившіеся высвободиться отъ власти Кн. Тверскаго, теперь болѣе могли опасаться за свободу и вольность, услышавши о торжествѣ Михаила, а потому охотно приняли сторону Георгія, льстившаго ихъ надеждамъ; они соединились съ Георгіемъ, не смотря на недавнюю клятву не вступаться въ дѣла этихъ князей. И Георгій снова явился на берегахъ Волги, а съ нимъ весь Новгородъ и Псковъ. Епископъ Новгородскій Давидъ сопутствовалъ союзникамъ, вѣроятно, съ цѣлію быть ходатаемъ мира. И Михаилъ снова собралъ войско и бодро пошелъ на встрѣчу непріятелю. Но не битвы искалъ онъ, хотя ея и не боялся, не новыхъ лавровъ и побѣдъ. Душа его не столько радовалась побѣдѣ, сколько болѣзновала о погибели столькихъ мужей, своихъ и чужихъ, павшихъ въ кровопролитной сѣчѣ. Вѣрный своему правилу обнажать мечь только въ случаѣ крайности, миролюбивый князь-отечестволюбецъ и теперь послалъ къ Георгію съ предложеніемъ мира. Слово мира и любви изъ устъ кроткаго побѣдителя тронуло гордую душу Георгія, и онъ согласился на миръ. Обрадованный согласіемъ своего родственника, В. Князь Михаилъ самъ отправился въ станъ къ Георгію, чтобы обнять его, какъ друга и брата, готовый забыть все прошедшее зло; въ станѣ Георгія заключили они договоръ, по которому Михаилъ обязался отпустить жену Георгія, брата его Аѳанасія и всѣхъ Новгородскихъ заложниковъ. Михаилъ снова уступилъ Георгію великокняжескій престолъ, почтивъ его титуломъ В. Князя, и отказался отъ всякихъ притязаній на в. княжеское

достоинство. Не мірская тлѣнная слава была предметомъ исканій Христолюбиваго Князя, но слава небесная; и на землѣ не желалъ онъ ничего больше, какъ блага и спокойствія церкви и Отечества. Новгородцы, по особой грамотѣ, получили нѣкоторыя привиллегіи и льготы;—они могли торговать свободно въ Тверской области, а послы ихъ ѣздить безопасно чрезъ владѣнія Князя. Договоръ заключенъ былъ клятвою и крестнымъ цѣлованіемъ, при посредничествѣ Епископа Давида. Для лучшаго же устроенія своихъ дѣлъ, и чтобы болѣе оказать помощи своимъ соотечественникамъ, князья согласились вмѣстѣ ѣхать къ хану, или, чтобы его рѣшеніемъ, однажды навсегда, окончить всѣ распри и споры, или испросить какія либо привиллегіи и облегченіе участи бѣднымъ соотчичамъ.

Казалось, все это предвѣщало миръ прочный и долговременный, но не такъ случилось. Къ несчастію, жена Георгіева Кончака умерла въ Тверп; а это обстоятельство подало поводъ къ догадкамъ неблагопамѣренныхъ людей, а можетъ быть и къ выдумкѣ со стороны Князя Московскаго, что Кончака отравлена ядомъ, и навело на мысль Георгія, воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы однажды навсегда освободиться отъ Князя Тверскаго. Властолюбцы бываютъ боязливы за свою власть, и Георгій могъ почитать себя болѣе твердымъ на престолѣ великокняжескомъ только со смертію такого князя, который могъ опять искать власти, могъ воспрепятствовать видамъ самовластія и по отношенію къ другимъ князьямъ. В. Князь Михаилъ спѣшилъ пред-

упредить подозрѣнія, и послалъ въ Москву посольство увѣрить Георгія, что онъ не питаетъ никакихъ враждебныхъ замысловъ противъ Князя и его семейства, что въ любви его нѣтъ лицемѣрія, что отреченіе его отъ престола искренне, и что супруга его скончалась волею Божіею. Георгій и слышать не хотѣлъ; онъ убилъ посла Михаилова, и, подстрекаемый Кавгадыемъ и послами татарскими, отправился въ Орду съ жалобою и клеветою на своего великодушнаго побѣдителя Кн. Михаила. Нельзя было и найти болѣе благопріятнаго случая освободиться однажды навсегда отъ соперника, казавшагося опаснымъ и сильнымъ.

ОТПРАВЛЕНІЕ ГЕОРГІЯ ВЪ ОРДУ СЪ ЖАЛОБОЮ НА В. КНЯЗЯ МИХАИЛА.

Хотя клевета на благовѣрнаго Князя Михаила, не имѣла не только никакого правдоподобія, но и простаго смысла; даже не зная великихъ свойствъ души св. Князя, если предположить въ немъ одинъ простой расчетъ и благоразуміе, нельзя повѣрить, чтобы Князь рѣшился на такое гнусное и совершенно безцѣльное злодѣяніе, какъ убійство жены Георгіевой; тѣмъ не менѣе эта клевета казалась очень сильною, чтобы возбудить весь гнѣвъ хана, — брата Кончаки, и погубить невиннаго Михаила. Георгій, сопровождаемый многими князьями и боярами, вмѣстѣ съ Кавгадыемъ прибылъ въ Орду, и, увѣривъ хана въ собственной покорности и точномъ исполненіи его повелѣній, очер-

шлъ Михаила, какъ мятежника и возмутителя противъ царской власти, и какъ убійцу сестры Узбековой. Разумѣется, лучшимъ подтвержденіемъ этого обвиненія были богатые дары Хану и подкупы его вельможъ.

БЛАГОВѢРНЫЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ВЫЗЫВАЕТСЯ ВЪ ОРДУ.

Князь Михаилъ, уступивъ великокняжеское достоинство своему племяннику Георгію, доволенъ былъ тѣмъ, что остановилъ кровопролитіе и утвердилъ миръ съ Княземъ Московскимъ. Чистый совѣстію, онъ спокойно занялся устройствомъ въ своей отчинѣ и дѣлами правленія, разсчитывая, что ему не за чѣмъ слишкомъ спѣшить въ Орду, по условію съ Георгіемъ; и только, для изъявленія своей покорности Хану, послалъ туда младшаго сына своего Константина Михайловича.

Однакожъ, когда извѣстился, какъ безчеловѣчно Георгій поступилъ съ посломъ его, и съ какимъ враждебнымъ расположеніемъ духа поспѣшилъ отправиться въ Орду, Михаилъ уже могъ примѣтить опасность для себя и своего отечества со стороны Кавгадыя и Георгія; а потому и самъ рѣшился отправиться въ Орду, и предупредить грозящія бѣды; и защититься, въ случаѣ клеветы, со стороны враговъ.

Предположеніе это было совершенно справедливо; въ Ордѣ очень усердно и рѣшительно дѣйствовали враги Ми-

хановы. Кавгадый, опасаясь что Михаилъ личнымъ присутствіемъ своимъ утолитъ гнѣвъ Ханскій и опровергнетъ клеветы, сначала послалъ толпу Татаръ, чтобы перехватить В. Князя на дорогѣ и убить, но это не удалось; тогда хотѣлъ остановить пріѣздъ Михаила другимъ способомъ: онъ настаивалъ, чтобы Узбекъ послалъ на Михаила сильное Татарское войско, представляя хану, что ему нечего дожидаться Михаила въ Орду, что Михаилъ, и въ этомъ случаѣ, не будетъ покоренъ ханской власти. Новымъ вторженіемъ въ Россію, Кавгадый хотѣлъ снова удовлетворить своимъ кровожаднымъ наклонностямъ и корыстолюбію, а главное отмстить Михаилу за свое позорное пораженіе и свой плѣнъ. Разгнѣванный ханъ хотѣлъ было обратить месть свою на невиннаго отрока сына Михаилова, приказавъ заключить его въ оковы и уморить голодомъ; но ему представили, что, такъ дѣйствуя, онъ можетъ устрашить самаго Михаила идти въ Орду, и Князь Тверской будетъ искать средствъ избѣгнуть Ханскаго суда и мщенія. И ханъ оставилъ Константина на свободѣ; а вмѣсто того отправилъ посла звать В. Князя къ себѣ на судъ, и отрядилъ уже войско, чтобы, въ случаѣ его неповиновенія, разгромить и опустошить область Тверскую.

Благовѣрный Князь Михаилъ отправился въ Орду въ августѣ 1318 г., предчувствуя ожидающую его участь. Трогательно было его прощаніе съ семействомъ и съ родною ему Тверью. Принявъ благословеніе отъ Епископа Варсонофія

и отъ всего священнаго Собора, Боголюбивый Михаилъ обходилъ храмы города, прощаясь со святынею города и своими вѣрными Тверитянами, и возсылая молитвы о мирѣ и благоденствіи бѣдствующаго отечества. Тяжелая скорбь обнимала сердце его, при мысли, что ему не увидѣть уже своей любимой отчины и милыхъ сердцу супруги и дѣтей, и твердость мужественнаго, въ другихъ случаяхъ, Князя уступила этой столь естественной скорби; онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Скорбь и рыданія благовѣрной супруги, всего княжескаго семейства и гражданъ были отвѣтомъ на эти слезы любимаго Князя. Великая Княгиня Анна и дѣти В. Князя провожали его до береговъ рѣки Нерли (*). Здѣсь, на мѣстѣ прощанія съ супругою и семействомъ, В. Князь исповѣдался предъ отцемъ своимъ духовнымъ Игуменомъ Іоанномъ и пріобщился св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Раскрывая стремленія души своей ко благу отечества Благовѣрный Князь говорилъ: «много думалъ я, отецъ мой, какъ бы помочь христіанамъ; но при всемъ томъ за грѣхи наши многая тягота сотворяется отъ нашихъ распрей. Нынѣ благослови меня, отче, если случится мнѣ пролить кровь свою за нихъ, чтобы Господь отпустилъ мнѣ грѣхи, чтобы, хотя сколько нибудь, отдохнули христіане и успокоились.» Благовѣрная супруга и сынъ Князя Василій отсюда должны были возвратиться въ Тверь. Слезы

(*) Рѣка малая Нерль на границѣ нынѣшней Владимірской и Ярославской губерній.

и рыданія заглушали прощальныя бесѣды и наставленія добраго и мудраго отца. Не возможно передать словомъ томленіе и скорбь послѣдняго разставанія. В. Князь, сопровождаемый старшими дѣтьми Димитріемъ и Александромъ, отправился во Владиміръ.

Во Владимірѣ встрѣтилъ его посолъ ханскій, по имени Ахмылъ, съ извѣщеніемъ о клеветѣ враговъ и гнѣвѣ Узбека. «Ханъ послалъ меня за тобою, сказалъ ему Ахмылъ, поѣзжай скорѣе; если въ теченіе мѣсяца не успѣешь представиться хану, то уже назначена рать на тебя и на города твои. Кавгадый наклеветалъ на тебя и наговорилъ хану, что ты не поѣдешь въ Орду.» Это значило, что грустныя предчувствія В. Князя оправдываются, и что нечего ему ждать добра въ Ордѣ. Бояре уговаривали В. Князя не ѣздить: «одинъ твой сынъ въ Ордѣ, пошли другаго.» Напрасно и сыновья Михайловы Димитрій и Александръ умоляли его не подвергать себя очевидной опасности: «любезной батюшка и государь нашъ, не ходи самъ въ Орду, а пошли котораго либо изъ насъ. На тебя наклеветали, такъ подожди пока пройдетъ гнѣвъ хана.» Крѣпкій умомъ и исполненный христіанскаго смиренія, Князь отвѣчалъ: «Не васъ, дѣти мои, и не другаго кого требуетъ царь, а одного меня, моей головы онъ хочетъ. Если я не послушаюсь, отчина моя опустошена будетъ, и множество христіанъ падетъ отъ меча. Надобно же когда нибудь умирать; что если самъ я избѣгу теперь опасности, а отечество подвергну

бѣдствіямъ, не постигнетъ ли меня мщеніе и гнѣвъ грознаго Судіи, Который предастъ меня вѣчнымъ мукамъ? Такъ не лучше ли теперь положить душу мою за многія души?» Вспомнилъ блаженный отечестволюбца, великаго Христова мученика Димитрія Солунскаго, который также говорилъ про свое отечество городъ Солунь: «Господи, если Ты погубишь этотъ городъ, то погибну и я вмѣстѣ съ нимъ, если угодно Тебѣ спасти его, то и я спасенъ буду.» Давши наставленія своимъ дѣтямъ жить добродѣтельно и богобоязненно, и любить, подобно ему, своихъ подданныхъ, В. Князь раздѣлилъ между ними свою отчину, и написалъ разрядную грамоту; потому что не надѣялся уже воротиться на свое княженіе. Послѣ сего со многими слезами разстались они, и Михаилъ отправился въ Орду.

СВ. БЛАГОВѢРНЫЙ КНЯЗЬ ВЪ ОРДѢ.

Св. Михаилъ прибылъ въ Орду 6 Сентября. Ханъ, въ это время, былъ при устьѣ р. Дона, гдѣ рѣка эта впадаетъ въ море Сурожское (Азовское). Здѣсь встрѣтили Князя сынъ его Константинъ и приставы, посланные ханомъ, чтобы никто не могъ причинить обиды Князю, вызванному на судъ самого хана, желавшаго казаться безпристрастнымъ и справедливымъ. Узбекъ, по видимому, принялъ его безъ гнѣва; ибо, замѣчаетъ при этомъ древній повѣствователь, «умякнули слова ихъ паче елея, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, онѣ были смертоносныя стрѣлы (Псал. 52, 22).»

В. К. Михаилъ, по обычаю, одарилъ привезенными изъ Твери дарами князей ордынскихъ, ханскихъ женъ и самого хана; и жилъ спокойно цѣлыхъ полтора мѣсяца.

СУДЪ НАДЪ МИХАИЛОМЪ.

Наконецъ ханъ, какъ бы вспомнилъ о наговорахъ на Князя, и сказалъ своимъ вельможамъ: «вы что-то говорили мнѣ на Князя Михаила; такъ нарядите судъ и разберите ихъ съ В. Кн. Юріемъ, и донесите, на чьей сторонѣ правда. Хочу я жаловать праваго, а виноватаго предать казни.» По слову ханскому нарядили судъ. Ордынскіе князья всѣ собрались въ одну палатку, смежную съ дворомъ хана, и разложили предъ собою обвинительныя грамоты, въ которыхъ записаны были вымышленныя ненавистію и недоброжелательствомъ преступленія, взносимыя на невиннаго Князя. Его тотчасъ привели къ допросу. Первый вопросъ обвиняемому предложенъ былъ такой: «ты собиралъ много дани и не доставлялъ хану». Правдолюбивый Михаилъ безъ труда опровергъ этотъ извѣтъ, какъ совершенно ложный, и доказалъ ясно правоту свою тѣми росписками, которыя у него были, данными отъ собирателей пошлинъ баскаковъ. Но безсильно слово правды на судѣ беззаконномъ; и неоспоримыя доказательства правоты Михаила не имѣли никакой силы; потому что Кавгадый-его обвинитель былъ вмѣстѣ и судіею и свидѣтелемъ противъ В. Князя. Прошла

еще недѣля, въ продолженіи которой враги Михаиловы, вѣроятно, собирали и обдумывали свои обвиненія и клеветы.

Чрезъ недѣлю велѣно было привести благовѣрнаго Князя, уже связаннаго, какъ будто онъ былъ уличенъ въ первой винѣ. Безстыдные судьи успѣли сплести на него новыя обвиненія, повторяя и прежнее: «ты собиралъ дань для хана, и не отдавалъ ему, а удерживалъ у себя; ты былъ гордъ и непокоренъ хану, и обнажилъ мечь противъ посла его, и избилъ Татаръ, его сопровождавшихъ; держалъ въ плѣну и безчестилъ посланниковъ ханскихъ, и уморилъ княгиню-жену Юрія.» «Сколько сокровищъ, оправдывался подсудимый, я передавалъ и царю и князьямъ его, все это записано. Посолъ явился не въ достоинствѣ посла царскаго, а какъ врагъ моего отечества,-онъ шелъ противъ меня войною; и я побѣдилъ его въ открытомъ полѣ; но я принялъ его и отпустилъ съ честію. Пусть онъ самъ засвидѣтельствуетъ истину словъ моихъ. Что касается до княгини, то свидѣтельствуюсь самимъ Богомъ, что и въ мысли моей никогда не было рѣшиться на такое дѣло. Княгиня умерла, по волѣ Божіей, естественною смертію,-про это всѣ знаютъ на мѣстѣ, гдѣ она скончалась. Никакой непокорности и сопротивленія хану я не показалъ, а безпрекословно уступилъ Георгію, по волѣ его, престолъ великокняжескій; и призыву къ царскому суду не сопротивлялся; потому что посолъ встрѣтилъ меня уже на пути». Но чѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе были оправданія оклеветаннаго, тѣмъ болѣе усиливалась злоба и не-

ненависть враговъ его-судей беззаконныхъ. Слово истины въ устахъ праведника было обличеніемъ ихъ въ беззаконномъ умыслѣ, отзывалось упрекомъ ихъ нечистой совѣсти, и усиливало ожесточеніе къ невинному обличителю. И оставлены безъ всякаго вниманія оправданія святаго,-ихъ не считали нужными и записывать,-записывались только одни обвиненія противъ него и были признаны твердыми и доказанными. По этому съ благовѣрнымъ Княземъ Михаиломъ стали уже обращаться какъ съ обличеннымъ преступникомъ. Въ ту же ночь приставили къ праведнику стражу изъ семи ордынскихъ князей и другихъ не малое число, и принесли къ нему желѣзныя цѣпи, какъ бы желая прежде насладиться страхомъ и смущеніемъ св. мученика; но еще не оковали ноги его принесенными цѣпями, а только связали его на цѣлую ночь. Это было въ субботу.

В. Князю еще оставалось средство ко спасенію и свободѣ; оно и предложено было изувѣрными мусульманами. Средство это не разъ предлагаемо было и прежде князьямъ оклеветаннымъ (напр. Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, Василько Константиновичу-Князю Ростовскому, Роману Ольговичу Рязанскому)-отречься отъ вѣры во Христа. Благовѣрный Михаилъ явился здѣсь мужественнымъ поборникомъ истинной вѣры и добрымъ исповѣдникомъ Христа. Зналъ онъ слова Господа: *обрѣтый душу свою погубитъ ю, а иже погубитъ душу свою Мене ради и Евангелія той спасетъ ю.* (Мѳ. 10, 39.); и не хотѣлъ сохраненіемъ временной жизни

потерять жизнь блаженную въ вѣчности, не хотѣлъ изъ за тлѣнной славы лишиться нетлѣнныхъ вѣнцовъ, но показалъ полную готовность предать себя на позоръ, мученія и смерть ради Возлюбившаго насъ до крестной смерти Господа Іисуса.

Въ ту же ночь (на Воскресенье) мучители прогнали отъ исповѣдника Христова всѣхъ бояръ его и всю прислугу съ безчеловѣчною жестокостію и побоями; не пощадили и отца его духовнаго, Игумена Александра, неистово осыпавъ его жестокими ударами; раздѣлили между собою и одежду великокняжескую. И остался благовѣрный Князь одинъ въ ихъ рукахъ, какъ агнецъ незлобивый, утѣшая себя боговдохновенными словами царя Пророка; «удалили отъ меня дружину мою и знаемыхъ отъ страстей (Псал. 87, 9. 19)». Друзья мои и искренніи мои далече стали отъ меня (Псал. 37. 12)».

По утру, лишь только разсвѣло, приказано было беззаконными судіями, возложить на выю святаго страдальца большую колодку, сдѣланную изъ тяжелаго дерева, которая должна была отягчать благородныя рамена Князя-мученика, и это было началомъ и предзнаменованіемъ дальнѣйшихъ его мученій; это значило, что участь его рѣшена окончательно, въ совѣтѣ нечестивыхъ и беззаконныхъ судей.

СТРАДАНІЯ БЛАГОВѢРНАГО В. КНЯЗЯ МИХАИЛА.

УТѢШЕНІЕ ВЪ СТРАДАНІЯХЪ.

Зналъ и св. Михаплъ, что отнынѣ ему нечего ожидать отъ своихъ судей, и мужественно выступилъ на подвигъ мученическій, съ радостію, славя и благодаря Бога. «Слава Тебѣ, Владыко человѣколюбче, молился праведникъ, что Ты сподобилъ меня вступить на подвигъ мученичества. Сподоби меня и окончить этотъ подвигъ, чтобы не прельстили меня рѣчи лукавыхъ, чтобы не устрашили меня прещенія беззаконниковъ.» Размышленія о страданіяхъ Господа Спасителя, молитва къ Богу и пѣніе псалмовъ Давидовыхъ доставляли ему обильный источникъ утѣшеній свѣтлыхъ, мирныхъ, благодатныхъ.

Никогда боголюбивый Князь не оставлялъ своего обычнаго правила, которому пріучился съ самаго дѣтства, по ночамъ пѣть псалмы Давидовы. А когда онъ прибылъ изъ Владиміра, съ особенною строгостію прилежалъ посту, и каждое Воскресенье пріобщался пречистыхъ и животворящихъ тайнъ Тѣла и Крови Христовой. Съ тѣхъ же поръ какъ былъ преданъ беззаконному судилищу, онъ не давалъ сна очамъ своимъ, проводя цѣлыя ночи въ молитвѣ и славословіи Богу, и въ пѣніи боговдохновенныхъ псалмовъ Давидовыхъ, въ особенности избирая изъ нихъ тѣ, которые относились къ страданіямъ Спасителя, и которые теперь такъ близки были и такъ отрадны душѣ сего общника Христовыхъ страстей. «Услыши, Господи, молитву мою, и вопль

Рис. З. Лилье Лит. Новиков-.

ПРЕДСМЕРТНАЯ БЕСѢДА СЪ ДУХОВНИКОМЪ СВ. БЛ. ВЕЛИКАГО. КНЯЗЯ МИХАИЛА.

Печат. позв. Спб. 26 Марта 1864 г. Цензоръ Архимандритъ Макарій.

мой къ Тебѣ да пріидетъ... Дни мои минули какъ дымъ, прошли какъ сновидѣніе... Умножились ненавидящіе меня, паче власъ главы моея; и тѣ, которые ѣли хлѣбъ мой, на меня возстали, сдѣлались врагами мнѣ, воздаютъ они мнѣ зломъ за то добро, которое я дѣлалъ имъ. Ты знаешь, Господи, поношеніе мое и безчестіе и посрамленіе. Предъ Тобою всѣ оскорбляющіе меня, а утѣшающаго при мнѣ нѣтъ. И: напрасно ты скорбишь душа моя, напрасно смущаешь меня. Уповай на Бога; Ему я исповѣдаюсь; Онъ спасеніе мое и Богъ мой,» Псал. 101, 142, 30, 68 и др. под. услаждали страждущую душу Христова подвижника.

«Давно я горю желаніемъ пострадать за Христа, за Котораго теперь терплю. Господи Боже мой, сподоби меня части съ мучениками Твоими и съ преподобными Твоими; а я радуюсь о спасеніи Твоемъ и возвеличусь именемъ Бога моего», молился св. Князь.

Чтобы болѣе отягчить участь своей жертвы, мучители приказали каждую ночь забивать и руки его въ колоду, чтобы не могъ имѣть онъ ни малѣйшей отрады и свободы. Но св. Михаилъ и то почиталъ за особенное счастіе и утѣшеніе, что при немъ оставили хотя одного отрока, который переворачивалъ листы Псалтири, по которой воспѣвалъ онъ хвалебныя и умилительныя пѣсни боговдохновеннаго пѣвца-Пророка.

Такъ молился и пѣлъ св. мученикъ каждую ночь, и эти молитвы и эти пѣсни до того успокоивали скорбное сердце

его, что онъ съ свѣтлымъ и радостнымъ лицемъ утѣшалъ приближенныхъ и бояръ своихъ, которые не могли безъ тяжелой скорби и слезъ переносить такое достоплачевное состояніе своего отца и господина. «Пріятно и любезно было вамъ, друзья мои, смотрѣть на меня прежде сего и утѣшаться мною во дни счастія. Теперь ли вы скорбите и печалитесь, когда видите на раменахъ моихъ эту тяжелую колодку. Вспомните, если доброе принимали мы отъ руки Господней, уже ли не стерпимъ несчастія? И что еще это за мука противу дѣлъ моихъ? Больше этого мнѣ нужно претерпѣть, чтобы Господь простилъ мнѣ грѣхи мои. Пусть же будетъ имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка. Не сокрушайтесь же видя это дерево на выи моей; я скоро освобождусь отъ него–вы увидите это».

СВ. МИХАИЛЪ СОПУТСТВУЕТЪ ХАНУ НА ЛОВЪ ЗВѢРЕЙ.

Беззаконный царь имѣлъ обыкновеніе ѣздить на охоту (на ловлю звѣрей) со всѣми князьями и боярами. Ловъ звѣрей былъ любимою забавою хановъ. Когда еще они были на мѣстѣ, Узбекъ отправился въ одинъ день на эту забаву. Для большаго поруганія и безчестія злые Татары вывели и святаго узника, приказывая, чтобы онъ шелъ въ слѣдъ за царемъ. Страдалецъ повиновался, и всюду сопутствовалъ своимъ мучителямъ; пѣшкомъ онъ принужденъ былъ поспѣвать за ханомъ, когда тотъ ѣхалъ на конѣ. Только къ ве–

черу торжественный поѣздъ возвратился въ свой станъ. Разумѣется, занятые забавой ханской и думающіе о собственныхъ удовольствіяхъ могли ль обращать вниманіе, и думать о несчастномъ узникѣ, который, безъ отдыха, безъ пищи, съ тяжелою колодкою на шеѣ, долженъ былъ вездѣ поспѣвать за ними? Такъ ожесточается сердце, поправшее законъ любви и правды, что и жалость и состраданіе не проникаютъ въ него! Св. Михаилъ въ совершенномъ изнеможеніи едва могъ войти въ назначенное ему мѣсто, и упалъ на лице свое какъ мертвый. Жестокіе стражи и здѣсь, и въ этомъ положеніи, не оставили его въ покоѣ; но связали его, по обыкновенію, и опять забили въ колоду святыя руки Христова мученика.

Чрезъ нѣсколько часовъ очнулся страдалецъ и возвелъ къ небу очи свои (подняться онъ не могъ, окованный кандалами, и съ руками, забитыми въ колодку,) и благодарилъ Господа, сподобляющаго его общенія Христовымъ страстямъ, и молилъ Его благость, чтобы далъ Онъ ему совершенное терпѣніе, и чтобы сила Христова, дѣйствуя въ немъ, разорила и ниспровергла коварство и ухищренія враговъ. «Вотъ теперь-то исполняется давнишнее мое желаніе,—вотъ теперь-то Христосъ сподобляетъ меня содѣлаться по истинѣ побѣдителемъ и царемъ», говорилъ доблестный страдалецъ.

Желая продолжать свою пріятную забаву, ханъ задумалъ отправиться далеко на охоту—къ берегамъ Терека. Такія

увеселенія ханскія продолжались по нѣскольку мѣсяцевъ и дѣлались съ особеннымъ великолѣпіемъ и торжественностію. Ханъ ѣхалъ, окруженный своими князьями и вельможами, а также иноземными послами и данниками Орды; за нимъ слѣдовало все его войско во всемъ парадѣ; каждый воинъ украшался лучшею своею одеждою, и садился на лучшаго коня: Купцы на безчисленныхъ телегахъ везли товары индѣйскіе и греческіе; роскошь и веселье господствовали въ шумныхъ и необозримыхъ станахъ, и дикія степи казались улицами городовъ многолюдныхъ. Вся орда двинулась. Въ слѣдъ за нею повлекли и Михаила. (Карам. т. IV). По варварскому обычаю, знаменитые плѣнники и царственные узники почитались лучшимъ украшеніемъ торжественныхъ выходовъ; униженіе ихъ и безславіе питало гордость, не понимающихъ истиннаго величія, тиранновъ. Несчастный Князь слѣдовалъ за шумною и веселою ордою, какъ жертва на заклапіе, терпѣливо перепося униженіе и позоръ и крайнее изнуреніе отъ утомленія и тяжести, лежащей на раменахъ его. Нѣсколько дней злые Татары влекли его за собою по горамъ и стремнинамъ, по каменистымъ и безводнымъ мѣстамъ, босаго, пѣшаго. Пищу давали ему самую скудную, которая не могла достаточно подкрѣпить его ослабѣвшія силы. Но піздѣтства привыкшій къ посту и воздержанію, истинный подвижникъ Христовъ довольствовался и тѣмъ, что давали, за все благодаря Бога, и ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ коснуться нечистыхъ снѣдей, предлагаемыхъ Татарами, которые ѣли всякое мясо и съ

кровію. Не смотря на свое утомленіе, не измѣнялъ своего обычнаго келейнаго правила, проводя ночь въ молитвахъ и псалмопѣніи.

Когда онъ слѣдовалъ за Узбекомъ, случалось ему нѣсколько разъ отставать отъ орды, сопровождавшей царя (потому что, идя пѣшкомъ, онъ падалъ отъ изнеможенія; а стража его также увлечена была общею забавою); вѣрные слуги В. Князя умоляли его спастись бѣгствомъ отъ такого позорнаго и томительнаго мученія. Нѣсколько разъ говорили ему: «Господинъ Князь! проводники и лошади у насъ приготовлены для тебя, скройся въ горахъ и спасай жизнь свою.» Но безчестнымъ казалось это средство спасенія для подвижника Христова и отечестволюбца. «Никогда этого со мной не бывало, и не дай Богъ сдѣлать это, пока живу,—искать спасенія въ постыдномъ бѣгствѣ. Пусть я одинъ спасусь, но въ какой бѣдѣ оставлю народъ мой, и какую за это получу славу? Да будетъ же воля Господня! Правдою всегда жилъ я предъ Богомъ и людьми; и теперь не поступлю противно совѣсти моей. Пусть же лучше съ моею смертію другіе получатъ отраду.»

Печаленъ былъ для Святаго Михаила день тезоименитства его 8 Ноября. День этотъ нѣкогда былъ радоснѣйшимъ въ жизни благочестиваго Князя; всѣ радостныя семейныя событія совершались какъ бы подъ кровомъ крилъ небеснаго воеводы Архистратига Михаила (*). Вспомнилъ Св. му-

(*) 8 Ноября памятно было освященіемъ соборнаго храма, построеннаго Княземъ; 8 Ноября былъ бракъ В. Князя; 8 Ноября были

ченикъ про свое отечество; съ особенною живостію представлялось ему его благородное семейство, благовѣрная супруга Анна, дѣти и всѣ Тверитяне, для которыхъ день этотъ былъ самымъ радостнѣйшимъ днемъ; живо представлялось ему, какъ домъ его былъ тѣсенъ отъ множества сорадующагося ему народа. «А теперь я прикованъ къ землѣ, со слезами говорилъ святой, не могу и головы приподнять. Гдѣ прежняя свѣтлость? гдѣ слава и великолѣпіе? гдѣ свѣтлыя одежды? гдѣ роскошныя трапезы? И что теперь дѣлается въ моей отчинѣ? О, какъ непостоянен свѣтъ, о, какъ непзвѣстны перемѣны жизни!» И весь день препроводилъ въ слезахъ и воздыханіяхъ, не преставая утѣшать себя пѣніемъ псалмовъ.

Такъ прошло двадцать четыре дня, въ тяжкихъ томленіяхъ и мукахъ для В. Князя; и великое терпѣніе мученика нисколько не умягчило жестокаго сердца враговъ его. Злобный Кавгадый какъ бы хотѣлъ насытиться униженіемъ и муками своей жертвы. Онъ приказалъ вывести св. мученика на торговую площадь скованнаго и съ колодкою на шеѣ, одѣтаго въ рубище и босаго. Сюда собралось безчисленное множество народа изъ разныхъ странъ. Кавгадый пригласилъ сюда и своихъ заимодавцевъ, чтобы предъ

постриги,—торжественный семейный обрядъ, при стриженіи первыхъ власовъ,—сына его Димитрія. Икона Архистратига Михаила, предъ которой проливалъ молитвенныя слезы благовѣрный Михаилъ, и до нынѣ осѣняетъ честную раку мощей Святаго.

всѣми показать свою важность и величіе. Явился и самъ окаянный мучитель съ тщеславною пышностію и надмѣннымъ видомъ. Но какъ жалко и ничтожно было это пустое величіе злодѣя въ сравненіи съ тѣмъ величіемъ духа и славою скованнаго Христова мученика! Кавгадый ждалъ, что узникъ преклонится предъ нимъ и униженно станетъ умаливать его о милости и пощадѣ:—русскій славный князь будетъ пресмыкаться у ногъ его—Кавгадыя,—какой прекрасный случай повеличаться и показать свою силу для человѣка пустаго и безчестнаго! Но Михаилъ предсталъ предъ нимъ съ терпѣніемъ и смиреніемъ мученика, но безъ малодушія и раболѣпнаго униженія. Такая твердость и величіе духа раздражили низкаго злодѣя. Съ звѣрскимъ видомъ посмотрѣлъ онъ на мученика, съ гнѣвомъ обратился къ окружавшимъ его прислужникамъ, и приказалъ поставить его предъ собою на колѣна; а самъ сѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, произнося ругательства и оскорбленія св. Михаилу. Слуги тотчасъ же схватили узника, и съ такою силой и стремительностію бросили его на землю, что можно было слышать трескъ костей его, и, опять приподнявши, тотчасъ же поставили его на колѣна. Кавгадый не зналъ, какъ величаться предъ нимъ, какими поносными рѣчами злословить его, и насытивши злобную душу свою униженіемъ и мученіемъ своей жертвы, еще сильнѣе хотѣлъ уязвить Святаго притворною и насмѣшливою къ нему жалостію. «Знай, Михайло, говорилъ онъ съ лестію, таковъ ужъ у хана обычай: на кого онъ разсердится, хоть бы на

своего роднаго племянника, тотчасъ приказываетъ надѣть на него эту колодку. А потомъ, когда утолится гнѣвъ его, опять возвращаетъ ему прежнюю честь. Съ тобою тоже будетъ; завтра или послѣ завтра и тебя освободятъ отъ этой тяжести, да еще и въ большую честь попадешь. Впрочемъ, отъ тебя зависитъ и ускорить милость ханскую, и я ручаюсь, что нынѣ же возвратитъ онъ тебѣ и честь и свободу, объявивъ только, что ты хочешь принять нашу вѣру; а наша вѣра, самъ ты видишь, добрая вѣра; она не велитъ намъ изнурять себя постами и молитвами, а позволяетъ ѣсть и пить, сколько душѣ угодно, и наслаждаться всѣми удовольствіями жизни. Это не то, что вѣра вашего Христа. Напрасно ты и надѣешься на Него; Онъ самъ былъ нищъ и убогъ, самъ умеръ поносною смертію, да и вамъ далъ такой тяжкій законъ. Рѣшайся.» Лютѣе мукъ были эти слова для исповѣдника Христова. «Не требую отъ васъ, отвѣчалъ онъ, ни чести, ни свободы, не нужно мнѣ твое ходатайство; знаю я, что Господь мой печется о мнѣ, и Онъ прославитъ меня. Да не будетъ сего никогда со мною, чтобы отречься отъ Тебя, Господи мой, сладчайшій Іисусе! Знай же, Кавгадый, что если бы мнѣ извѣстно было, что я проживу тысячу лѣтъ, и каждый день по тысячѣ разъ буду умирать мучительною смертію, и тогда бы я не отвергся Христа моего; любовію къ нему уязвлена душа моя, и я горю сладостно божественнымъ огнемъ этой любви. И уже ли вашъ мерзкій и безумнѣйшій законъ, ведущій къ вѣчной погибели я когда либо могу предпочесть святому,

праведному и чистому закону Христову, ведущему къ вѣчному спасенію?»

«Вижу, возразилъ на это нечестивый, пораженный твердостію Христова подвижника, что у тебя отъ великой скорби помутился разумъ, и ты самъ не знаешь, что говоришь. По этому только прощаю тебѣ твою дерзость.» Потомъ обращаясь къ стражамъ прибавилъ: «за чѣмъ вы не снимете съ него колоды?» Тѣ отвѣчали: «ты самъ сказалъ, что снимемъ завтра или послѣ завтра.» «Но теперь, по крайней мѣрѣ, поддержите ему эту колоду, чтобы не давила ему плечь.» Сказавъ это Кавгадый и одинъ изъ сторожей сталъ поддерживать колоду. Наругавшись такимъ образомъ, злодѣй оставилъ Св. мученика, и съ торжествомъ удалился, какъ будто сдѣлалъ великое дѣло.

Утомленный долгимъ стояніемъ и мукою душевною и тѣлесною, Св. Михаилъ не могъ уже держаться на ногахъ, и попросилъ слугъ своихъ, подать ему стулецъ, чтобы хотя сколько нибудь отдохнуть отъ тяжкаго утомленія. Когда же онъ присѣлъ на поданный ему стулецъ, множество разноплеменнаго народа, собравшагося на это позорище, достойное жалости и слезъ, окружило мученика; и одинъ изъ приближенныхъ сказалъ ему: «Господинъ Князь, видишь ли ты, какое множество окружаетъ тебя, смотрятъ и дивятся на позоръ твой. А прежде они слыхали, что ты былъ великимъ Государемъ въ землѣ своей: не удалиться ли тебѣ въ свою вѣжу (шатеръ)». Глаза блаженнаго наполни-

лись слезами, и онъ отвѣчалъ словами Апостола: «позоромъ стали мы и Ангеламъ и человѣкамъ», присовокупивъ къ нимъ слова любимаго имъ пѣвца—Пророка: «всѣ видящіе меня ругаются надо мною, киваютъ головами своими. Но я уповаю на Господа; Онъ избавитъ меня и спасетъ; Онъ изторгъ меня изъ чрева матери моея, Онъ надежда моя отъ сосцевъ материхъ», и возсталъ, и пошелъ въ свою вѣжу, продолжая начатый псаломъ. Съ этого времени глаза его всегда были полны слезъ; сердце его давало ему знать конецъ добраго его подвижническаго теченія.

Св. Михаилъ приготовляется къ смерти.

Орда остановилась далеко за Терекомъ, минуя высокія города Яссовъ и горы Черкасскія близъ Вратъ Желѣзныхъ или Дербента (городъ Перс. на западномъ берегу Каспійскаго моря, къ Россіи присоединенъ въ 1807 г.), подлѣ города, (принадлежавшаго Яссамъ, но завоеваннаго нашими князьями въ 1277 г. для хана Мангу-Тимура) Тетякова, на р. Севенцѣ. Кавгадый, насытившись мученіями и униженіемъ своей жертвы, хлопоталъ уже объ утвержденіи ханомъ смертнаго приговора Св. Михаилу. Онъ ежедневно подступалъ къ Узбеку, съ ложными доносами и вымышленными доказательствами, что В. Князь Тверскій есть злодѣй обличенный, достойный смертной казни. Узбекъ долго колебался утвердить смертный приговоръ, можетъ быть потому, что хо-

тѣлъ, если не быть, то прослыть справедливымъ, и дѣйствительно онъ пріобрѣлъ у Татаръ эту славу. Но безсильно правосудіе Татарское, надмѣнное и легкомысленное, и не могло устоять предъ обвиненіями злыхъ клеветниковъ, недруговъ Святаго Михаила. Только любовь христіанская способна содѣлать судію проницательнымъ и прозорливымъ; только христіанское участіе въ судьбѣ ближняго способно предостеречь отъ приговора неправеднаго; (иначе, христіанское правосудіе есть таже любовь). Чего же ждать отъ татарина? Обманутый единодушнымъ согласіемъ безстыдныхъ и безсовѣстныхъ судей, единомышленниковъ Кавгадыя и Георгія, ханъ утвердилъ смертный приговоръ. Это было во вторникъ 21 Ноября, въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы (*).

Святый благовѣрный Князь, давно уже готовый къ своей участи, выслушалъ извѣстіе объ этомъ со спокойствіемъ праведника, и началъ готовиться къ мирному отшествію, страдальческимъ путемъ, отъ сей жизни. Съ нимъ были игуменъ и два священника. В. Князь велѣлъ отпѣть на 22 Ноября, заутреню и часы; а самъ со слезами выслушивалъ божественную службу. Послѣ сего священникъ началъ было читать правило ко Святому причащенію; но В. Князь самъ изъявилъ желаніе читать его. Священникъ

(*) Въ придѣлѣ соборнаго храма, въ честь сего праздника, почиваютъ мощи Благовѣрнаго Князя, путемъ страданій вошедшаго въ небесныя обители.

передалъ ему книгу. Взявши книгу, Блаженный началъ читать тихо, съ умиленіемъ и глубокимъ воздыханіемъ, а слезы ручьемъ текли изъ очей его, когда онъ читалъ: «Сохрани мя, Господи, яко на Тя уповахъ,» потомъ: «Господь пасетъ мя,» «вѣровахъ, тѣмъ же возглаголахъ... и прочее послѣдованіе ко Св. причащенію. Послѣ сего, со многимъ смиреніемъ началъ исповѣдь предъ отцемъ своимъ духовнымъ, покаяніемъ и слезами очищая душу свою. Исполнивши этотъ священный напутственный долгъ, Св. Михаилъ подозвалъ сына своего Константина, и, сдѣлавши ему приличное наставленіе, наказывалъ ему передать великой княгинѣ и дѣтямъ своимъ, чтобы они любили отечество свое и заботились о его благѣ, не оставляли своимъ вниманіемъ и милостями бояръ, которые, и во дни счастія и въ годину бѣдствій, не оставляли его; никого не забылъ В. Князь отъ высшихъ и до самыхъ низшихъ, которые были при немъ, наказывая княгинѣ и дѣтямъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не былъ презрѣнъ. Пріобщившись пречистыхъ и животворящихъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой, онъ безъ смущенія и боязни готовъ былъ, съ этимъ напутствіемъ, оставить тлѣнный міръ, со всѣми его обманчивыми удовольствіями и тлѣнною славою, и переселиться въ страну вѣчности, презрѣвъ всѣ страхи смертные. Воздавъ благодареніе Богу, съ твердостію и упованіемъ произнесъ молитву св. Симеона: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ» и проч. Потомъ умолкъ, въ тайнѣ размышляя о величіи и

благости Божіей и предстоящей ему мученической кончинѣ.

Близокъ былъ конецъ добраго теченія и страдальческаго подвига Св. Князя. Скорбная душа Михаила, какъ бы зрѣла уже стоящаго при дверяхъ, Ангела смерти; и немощь естества человѣческаго невольно смутилась при представленіи томительныхъ и страшныхъ мученій. Св. мученикъ, съ невольнымъ трепетомъ, сказалъ окружающимъ его: «прискорбна душа моя до смерти,» и, чтобы разсѣять этотъ невольный страхъ, потребовалъ опять Псалтирь, которая доставляла ему столько утѣшеній въ скорби. Священникъ подалъ ему Псалтирь, и онъ, раскрывъ книгу, началъ читать псаломъ 54: «Услыши, Боже, молитву мою, внемли моленію моему. Внемли мнѣ и выслушай меня; я рыдаю въ горести сердца моего и стенаю отъ молвы вражеской, отъ притѣсненія нечестивыхъ; ибо они воздвигаютъ на меня зло, и во гнѣвѣ преслѣдуютъ меня. Сердце мое трепещетъ во мнѣ, ужасы смертные напали на меня. Страхъ и трепетъ объялъ меня».... Въ этотъ самый часъ окаянный Кавгадый входилъ къ царю, и вышелъ отъ него съ смертнымъ приговоромъ на блаженнаго. Св. Михаилъ, обратясь къ священникамъ, спросилъ ихъ: «скажите мнѣ, что предвѣщаетъ мнѣ этотъ псаломъ?» и они, не желая привести его въ большее смущеніе, успокоивали его: «тебѣ ли не знакомы эти псалмы?» и, перевернувъ листъ, указали на конецъ псалма: въ этихъ же самыхъ псалмахъ написано: «возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаетъ

и не дастъ во вѣки смятенія праведнику.» Окрыленный утѣшительными вѣщаніями благодати, опять сталъ продолжать чтеніе прерваннаго имъ псалма: «кто дастъ мнѣ крилѣ яко голубинѣ, да полечу и почію; се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури (Псал. 54)». Слова эти, изображающія состояніе праведника, желающаго освободиться отъ всѣхъ узъ, стѣсняющихъ безсмертную душу, желающаго стать выше всѣхъ случайностей и превратностей жизни, — праведника сильнаго упованіемъ на Спасителя Бога, успокоили страдальца. Духъ его готовъ былъ освободиться отъ тлѣнной храмины плоти, и возлетѣть къ престолу Вѣчнаго, чтобы успокоиться и почить на лонѣ любви и благости Божественной. Св. Михаилъ закрылъ книгу.

УБІЕНІЕ СВ. В. КНЯЗЯ МИХАИЛА

Лишь только Св. Князь закрылъ книгу, чтобы предаться оживляющимъ душу размышленіямъ, какъ въ палатку его вбѣжалъ одинъ изъ отроковъ съ поблѣднѣвшимъ лицемъ, и трепещущимъ голосомъ проговорилъ: «Господинъ Князь! уже идутъ изъ Орды Кавгадый и В. Князь Георгій Даниловичь со множествомъ народа, и прямо къ твоей вѣжѣ (палаткѣ)». Св. Михаилъ быстро приподнялся съ своего мѣста, и со вздохомъ сказалъ: «Я знаю для чего;—они идутъ убить меня.»

Обреченный смерти, Михаилъ успѣлъ только, въ это время, отослать сына своего Константина къ ханшѣ, которая оказывала состраданіе несчастному Князю,—если не для того, чтобы испросить помилованіе осужденному, то для того, чтобы сынъ не подвергся одинаковой участи съ своимъ родителемъ. Въ добродушіи ханши и ея покровительствѣ юному Константину, Св. Князь былъ увѣренъ. А посему, успокоившись на счетъ участи своего сына, котораго злодѣи также не пощадили бы, Св. Михаилъ тотчасъ сталъ на молитву.

В. Князь Георгій и Кавгадый, между тѣмъ, послали убійцъ совершить ихъ кровавое дѣло, а сами остановились близь шатра на торговой площади, и слезли съ коней, чтобы дождаться донесенія отраднаго злобному сердцу, что Князя Тверскаго, котораго они почитали врагомъ своимъ, уже нѣтъ на свѣтѣ.

Страшное для всѣхъ представилось тогда зрѣлище! Многое множество всадниковъ изъ разныхъ странъ направилось къ вѣжи В. Князя. Посланные убійцы, какъ дикіе звѣри, ворвались въ палатку, и прежде всего разогнали съ жестокостію всѣхъ приближенныхъ и слугъ Св. Михаила. Мученикъ стоялъ и молился. Кровопійцы простерли святотатственныя руки на Христова подвижника и, бросившись на него, били не милосердо, потомъ схватившись за колодку, которая была на честной выи Святаго, начали терзать его, передергивая колодку то въ ту, то въ другую сторону, и

съ силою ударяя ею мученика; этого было мало; они схватили его за эту колодку и ударили объ стѣну такъ сильно, что проломилась вѣжа и мученикъ повергся на землю; но лишь только поднялся на ноги, какъ толпа злодѣевъ бросплась на него, и снова повергла на землю, мучили его и били пятами безъ всякой жалости и пощады. Наконецъ одинъ изъ беззаконниковъ-Романецъ, (злодѣй этотъ, очевидно, былъ одинъ изъ слугъ Георгія Московскаго, именемъ только христіанинъ, правомъ же злѣе кровожадныхъ Татаръ), вытащилъ большой ножъ, и вонзилъ его въ ребра Св. Мученика, въ правой бокъ, и обращая пронзившій честное тѣло ножъ туда и сюда, вырѣзалъ святое и благородное сердце, такъ пламенѣвшее любовію къ Богу, такъ всегда трепетавшее любовію къ своимъ ближнимъ. По истинѣ жертва святая, чистая, благопріятная Богу!

Такъ скончалъ тяжелый и достославный подвигъ свой мученикъ Христовъ, Святый Благовѣрный В. Князь Михаилъ Ярославичь Тверскій. Такъ предалъ святую и блаженную душу свою въ руцѣ Господни, мѣсяца Ноября въ 22 день, въ среду въ 3-й часъ дня, на 48 году своей жизни и причтенъ къ лику святыхъ, вмѣстѣ съ своими сродниками Борисомъ и Глѣбомъ, съ тезоименитымъ ему В. Княземъ Михаиломъ Черниговскимъ, и пріялъ неувядаемый вѣнецъ отъ руки Господней, вѣнецъ, котораго онъ такъ желалъ!

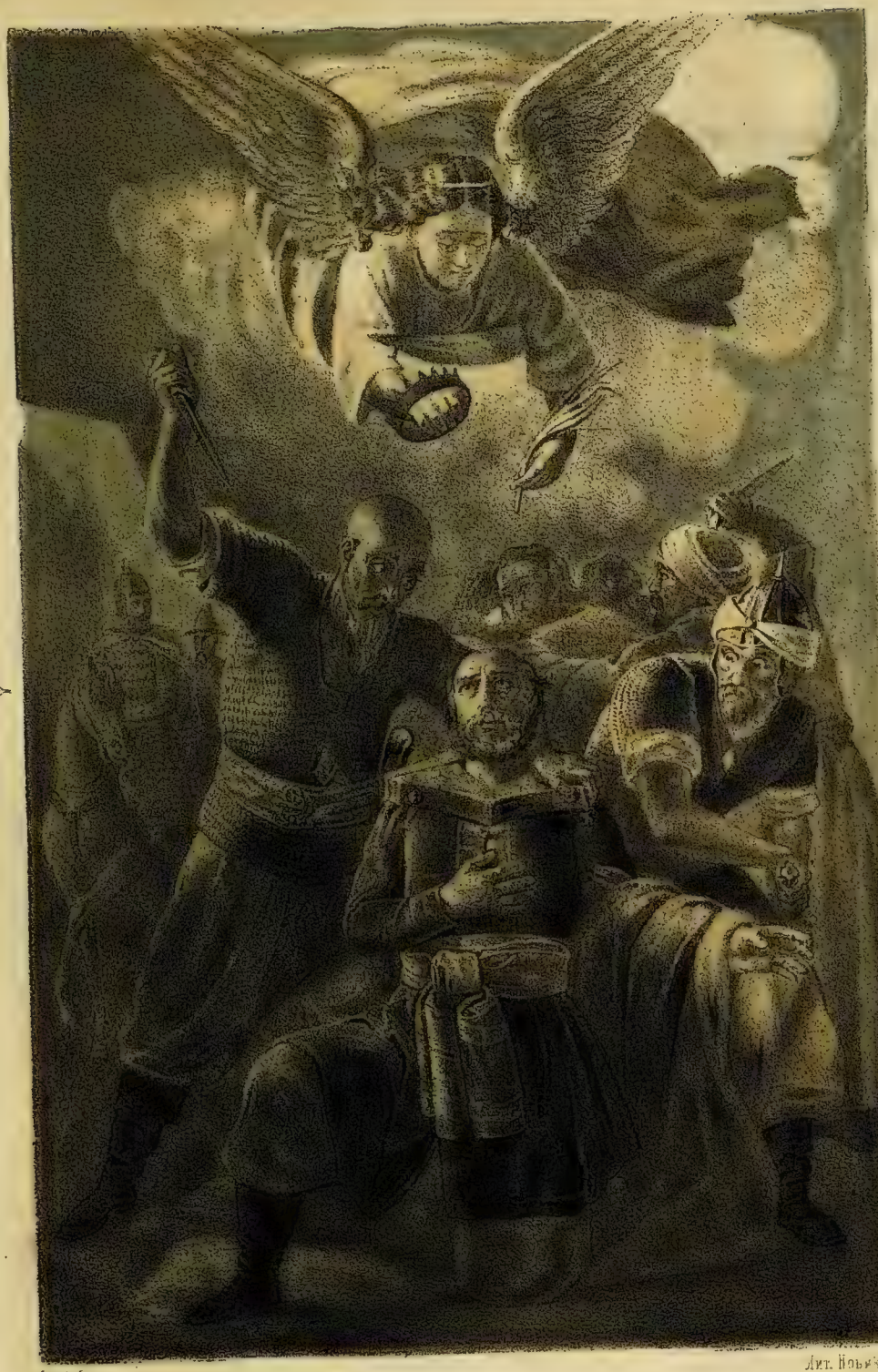


Рис. Э. Лилье

Лит. Новикова.

УБІЕНІЕ СВ. БЛАГОВѢРНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА.

Печатано въ Спбргѣ 26 Марта 1864 г. цензоръ Архимандритъ Макарій.

НЕИСТОВСТВО ЗЛОДѢЕВЪ ВРАГОВЪ СВ. МИХАИЛА.

По умерщвленіи Св. Михаила, народъ, остановившійся у вѣжи, съ неистовствомъ вломился въ ставку, и разграбили все, что только могли найти. Не оставили въ покоѣ и бояръ и слугъ Благовѣрнаго Князя. Большая часть изъ нихъ потерпѣла отъ неистовства злыхъ мучителей, которые срывали съ нихъ одежды, били немилосердо, нагихъ влекли по торжищу, какъ злодѣевъ, и, приведши въ станъ, заключали въ оковы. Въ этихъ жестокостяхъ вмѣстѣ съ Татарами участвовали и Русскіе, бывшіе на сторонѣ Георгія. Злодѣи не посмѣли коснуться только тѣхъ, которыхъ спасла предусмотрительность Благовѣрнаго Князя Михаила. Сынъ Святаго Константинъ и нѣкоторые изъ бояръ не обманулись въ покровительствѣ и защитѣ жены Узбековой. Она ласково приняла несчастнаго сына, и старалась его утѣшить; вмѣстѣ съ нимъ и бояре избѣгли общей участи своихъ товарищей. Грабители не постыдились сорвать и одежды съ многострадальнаго тѣла Христова мученика. Обнаженное и окровавленное тѣло его было брошено на землю въ совершенномъ небреженіи.

Между тѣмъ одинъ изъ злодѣевъ отправился на площадь, гдѣ дожидались Кавгадый и Георгій, извѣстить ихъ о случившемся. «Вотъ уже и исполнено ваше приказаніе,» сказалъ онъ. Кавгадый и Георгій, услышавъ пріятную для нихъ вѣсть, сѣли на коней и подъѣхали къ шатру. Здѣсь Татаринъ оказался чувствительнѣе врага Михаилова Георгія. Увидѣвши тѣло В. Князя, брошенное нагимъ и въ великомъ

небреженіи, онъ укорилъ Георгія въ жестокости. Съ великимъ гнѣвомъ посмотрѣлъ онъ на Князя Московскаго и сказалъ: «не старшій ли онъ братъ тебѣ? Не долженъ ли ты былъ почитать его вмѣсто отца? За чѣмъ же тѣло его лежитъ нагое и въ такомъ пренебреженіи?» Пристыженный Татариномъ Георгій сбросилъ съ себя верхнюю одежду и приказалъ слугамъ своимъ покрыть ею нагое тѣло замученнаго Князя. Святое тѣло положили на большой доскѣ, и поднявъ на телѣгу, привязали къ ней веревками и перевезли за рѣку, называемую Адежь, по приказанію Георгія. Названіе этой рѣки означаетъ горесть, будто въ предзнаменованіе горестнаго событія. И по истинѣ великое горе было для тѣхъ, которые видѣли такую бѣдственную кончину своего Князя!

Но между тѣмъ какъ Тверитяне оплакивали и страдальческую кончину своего Князя и свое собственное бѣдствіе, Кавгадый и Георгій, съ своими боярами и приближенными, торжественно праздновали свою побѣду надъ невиннымъ страдальцемъ. Они собрались всѣ въ одну палатку и весело пили вино, разсказывая одинъ другому, кто какія клеветы вымышлялъ на святаго. «Такъ, скажемъ словами Премудраго, ослѣпила ихъ злоба, и не познали они тайнъ Божіихъ (Прем. Солом. 2, 21. 22.), и не пришло имъ на мысль, что благодать и милость къ преподобнымъ Его, и посѣщеніе во избранныхъ Его; и тотъ, чью кончину почитали они безчестною, вмѣнился въ сынахъ Божіихъ, и въ святыхъ жребій Его (4, 15. 5, 4. 5.).»

ПРОСЛАВЛЕНІЕ ХРИСТОВА МУЧЕНИКА СВ. БЛ. КН. МИХАИЛА.

ЧУДЕСНЫЯ ВИДѢНІЯ НАДЪ ТѢЛОМЪ СВ. МИХАИЛА.

Въ ночь, по убіеніи Св. Михаила, Георгій, отрядилъ двухъ отроковъ своихъ стеречь честное тѣло мученика. Но страхъ и великій ужасъ обнялъ сердца приставленныхъ стражей, такъ что они убѣжали въ станъ свой, и только рано поутру возвратились, чтобы посмотрѣть оставленное на доскѣ тѣло. Но какъ велико было ихъ изумленіе, когда они увидѣли, что телѣга стоитъ пустая съ привязанною къ ней доскою; тѣло же мученика лежало на особомъ мѣстѣ, ранною къ землѣ. Изъ язвы его истекало много крови; правая рука страдальца была подъ лицемъ его, а лѣвая у язвы; одежда его была цѣла, какъ и прежде и ничѣмъ не повреждена. Изумились такому чуду всѣ видѣвшіе его, и поняли, что Господь прославляетъ вѣрнаго раба своего Михаила. Дивились и тому, что, не смотря на великое множество дикихъ звѣрей въ томъ мѣстѣ, цѣлую ночь лежало тѣло его на землѣ, и ни одинъ звѣрь не коснулся праведника, и вспомнили слова Пророка-Царя: «хранитъ Господь вся кости праведныхъ и ни едина отъ нихъ сокрушится (Пс. 33, 21).» Въ туже ночь многіе изъ вѣрныхъ и изъ невѣрныхъ видѣли еще славнѣе и изумительнѣе чудо: два свѣтлыя облака, въ продолженіи цѣлой ночи, осѣняли тѣло Святаго,—то разступались они, то опять соединялись вмѣстѣ, и сіяли свѣтомъ солнечнымъ. Собравшіеся по утру разсказывали видѣнное, и всѣ, какъ вѣрные, такъ и та-

тары, невольно убѣждались и замѣчали во всеуслышаніе, что князь этотъ святъ, и что онъ убіенъ неповинно; и явленіе свѣта вѣрные объясняли явленіемъ Ангеловъ, которыхъ Господь послалъ стражами св. тѣла, отогнавши приставниковъ Георгіевыхъ. Древнему списателю повѣсти о страданіяхъ Св. Михаила разсказывали объ этихъ чудесахъ очевидцы и разсказывали со слезами и многими клятвами, что все это дѣйствительно такъ было, все это-сущая правда (Степ. книг.).

Смутился и Георгій, при вѣсти о чудесахъ надъ тѣломъ убіеннаго имъ мученика. Эта кровь, напаяющая землю, не напоминала ли ему кровь Авелеву, вопіющую отъ земли къ Богу? и во всѣхъ этихъ происшествіяхъ не могъ онъ не слышать голоса Самого Бога: «гдѣ братъ твой?»—Чтобы удалить возмущающія душу его видѣнія, и успокоить пробудившуюся мятущуюся совѣсть, Георгій приказалъ своимъ боярамъ, чтобы они отвезли тѣло Михаила въ г. Маджары (на р. Кумѣ Кавказской губерніи), желая избавиться отъ своего сильнаго, хотя и безмолвнаго обличителя. Въ этомъ торговомъ городѣ было много купцевъ, лично знавшихъ В. Князя; они хотѣли оказать почести, приличныя Св. Князю и мученику, торжественно встрѣтить и проводить со свѣчами честныя мощи, покрыть многоцѣнными покровами и поставить въ церкви. Но безжалостные бояре никого не подпустили къ гробу, и не позволили имъ видѣть тѣло В. Князя (*), но

(*) Можно было опасаться, что видъ замученнаго и окровавленнаго Князя возбудитъ въ Россіянахъ сильное негодованіе противъ

съ великою небрежностью поставили это безцѣнное сокровище въ одномъ темномъ хлѣвѣ, и приставили стражу, чтобы никто не могъ подступить къ св. тѣлу для воздания почести. Но и здѣсь прославилъ Господь своего Угодника. Нѣсколько сутокъ мощи святаго пробыли въ хлѣвѣ, и каждую ночь, многіе изъ разноплеменныхъ людей видѣли столпъ огненный, простирающійся отъ земли къ небу; другіе же видѣли какъ бы небесную дугу, перегибающуюся и преклоняющуюся надъ мѣстомъ, гдѣ лежало благородное тѣло Святаго.

Георгій, смущенный совѣстію, при извѣстіи о сихъ происшествіяхъ, не могъ не опасаться, что слава о чудесахъ Христова подвижника донесется до хана, и убѣдитъ его въ невинномъ убіеніи Михаила; а потому, какъ бы показывая сожалѣніе о убіенномъ, приказалъ препроводить останки его въ русскую землю, обѣщаясь и самъ скоро воротиться туда. Изъ Маджаръ повезли тѣло святаго въ городъ Бездежъ (*). Когда подъѣзжали къ городу, то вышедшіе изъ города на встрѣчу граждане увидѣли около мощей св. Князя многое множество народа со свѣтильниками, какъ бы съ особеннымъ торжествомъ провождающихъ сани, на которыхъ положено было честное тѣло мученика Христова. По-

---

Князя Московскаго, и чувство болѣзненной жалости къ убіенному превратится въ ненависть и желаніе мести убійцамъ.

(*) Бездежъ Карамзинъ полагаетъ въ нынѣшней Астраханской губерніи, ниже Энотаевска, на рукавѣ р. Волги. Ясы и Алане жители сего города. Между ними были и христіане.

сему изумленные граждане, просили поставить св. мощи въ христіанской церкви. Воины, провождавшіе св. Князя не согласились на прошеніе гражданъ, и поставивъ на дворѣ сани съ безцѣнными останками Святаго, приставили стражу. Одинъ изъ воиновъ, не вразумившись знаменіями Божественной силы, прославляющей святыхъ, осмѣлился ночью возлечь на сани поверхъ гроба Св. Князя; но нѣкою невидимою силою онъ былъ отброшенъ далеко отъ св. мощей. Съ трудомъ и великою болѣзнію едва могъ встать онъ, еле живой пришелъ къ бывшему здѣсь священнику, и исповѣдалъ грѣхъ свой, разсказалъ и о постигшемъ его наказаніи, и послѣ того молитвою Святаго получилъ прощеніе и исцѣленіе. Списатель житія Благовѣрнаго Князя говоритъ, что онъ написалъ объ этомъ со словъ самого того священника, очевидца и свидѣтеля чуда.

Изъ Бездежа повезли тѣло Св. Михаила городами русскими; но не скоро увидѣла Тверь драгоцѣнные для ней останки своего Князя; они привезены были въ Москву, и здѣсь положены были на время въ монастырской церкви Преображенія Господня, именуемой Спасъ на Бору (*).

В. Княгиня Анна и дѣти Михаиловы предчувствовали бѣду, но не знали о ней; потому что не кому было принести

(*) Деревянная церковь Преображенія Господня, въ темномъ и непроходимомъ бору построена была В. Княземъ Даніиломъ Александровичемъ. Здѣсь былъ Спасскій монастырь. Нынѣ придворная церковь въ Кремлѣ.

вѣсти о случившемся (около 2500 верстъ было до мѣста убіенія В. Князя). Не было вѣстниковъ и изъ Москвы. Такъ печальное семейство, около года, находилось между страхомъ и надеждою. Черезъ годъ Георгій воротился во Владиміръ, получивъ утвержденіе хана на великокняженіе, и привезъ съ собою юнаго князя Константина Михаиловича и бояръ Тверскихъ. Вѣсть объ этомъ донеслась до Твери. Встревожилась В. Княгиня и осиротѣвшее семейство Михаила, Епископъ Варсонофій и вѣрные Тверитяне; сердца ихъ полны были скорбныхъ предчувствій случившагося. Тотчасъ же послали гонцевъ въ Москву, чтобы узнать достовѣрно о судьбѣ любимаго князя. Гонцы возвратились съ плачевною вѣстію объ его убіеніи. Какъ стрѣлами пронзили сердце В. Княгини вѣстники скорби. Плачь и рыданіе заступили мѣсто тяжкаго томленія безвѣстности и горестныхъ предчувствій. Безутѣшная скорбь и рыданія скоро распространились отъ дворца великокняжескаго по осиротѣвшему городу; всѣ оплакивали несчастную кончину своего любимѣйшаго отца и защитника. Напрасно Святитель Варсонофій, самъ едва удерживая слезы, поспѣшилъ въ дворецъ, чтобы утѣшить В. Княгиню и осиротѣвшее семейство. Скорбь была безмѣрна и тяжела,—единственнымъ облегченіемъ ея было—плакать съ плачущими, и слезы добраго пастыря присоединились къ слезамъ рыдающаго семейства.

Вскорѣ въ общемъ совѣтѣ великокняжескаго семейства, вмѣстѣ съ Святителемъ, положено было послать посольство къ В. Князю Юрію Московскому, и молить его возвратить

драгоцѣнные останки убіеннаго В. Князя, въ любимую имъ отчину—Тверь. Димитрій (грозныя очи), какъ старшій, и, по завѣщанію отца, вступившій въ управленіе княжествомъ Тверскимъ, послалъ отъ своего имени брата своего Александра, въ сопровожденіи бояръ, съ грамотою къ Георгію. Александръ и бояре предстали Георгію съ видомъ, исполненнымъ скорби, и въ черной одеждѣ, и молили его смиренно, чтобы позволилъ онъ взять имъ драгоцѣнные останки св. Мученика. Долго на это не соглашался Князь Московскій, но наконецъ принужденъ былъ уступить смиренной и слезной мольбѣ пословъ. Онъ потребовалъ только, чтобы въ замѣнъ возвращено было ему тѣло жены его Кончаки.

ПЕРЕНЕСЕНІЕ СВ. МОЩЕЙ ВЪ Г. ТВЕРЬ.

Тогда Князья Тверскіе послали въ Москву игуменовъ и пресвитеровъ, чтобы съ подобающими почестями перевезти тѣло блаженнаго Князя въ родную ему Тверь.

И привезли тѣло Святаго съ великими почестями. В. Княгиня Анна и сыновья его на судахъ по Волгѣ встрѣтили погребальное шествіе, а Епископъ Варсонофій съ духовенствомъ и безчисленнымъ множествомъ народа дожидались на берегу у церкви Архангела Михаила. Вопль народа до того усилился, что не слышно было поющихъ. Народъ взывалъ къ своему Князю, какъ бы живому, или воплями своими хотѣлъ воскресить его. Всѣ тѣснились къ ракѣ Благовѣрнаго Князя, каждый хотѣлъ видѣть эту драгоцѣнную

сокровищницу, и облобызать священные останки или прикоснуться къ принесенной святынѣ. Знаменитые бояре и сановники съ трудомъ могли подвигаться среди молящагося народа, но никакъ не могли внести въ церковь раки Святаго, и принуждены были поставить у вратъ церковныхъ предъ монастыремъ Архистратига Михаила, на берегу Волги (*), для чествованія и поклоненія народа, доколѣ не утолился народный плачь. Послѣ этого уже, хотя и съ трудомъ, за множествомъ народа, внесли въ церковь честную раку Угодника Божія. Когда открыли гробъ, великою радостію и умиленіемъ преисполнились сердца безутѣшной супруги, семейства великокняжескаго и всѣхъ присутствующихъ; они увидѣли, что тѣло мученика сохранилось цѣло и нетлѣнно. Изъ столь далекой земли везено было тѣло Святаго сперва на телѣгѣ, а потомъ въ саняхъ; столь долгое время (около полугода), въ лѣтнее время, лежало въ Москвѣ,—и тлѣніе не коснулось его! Всѣ прославили Бога, прославляющаго святыхъ своихъ; и уже болѣе торжественнымъ, чѣмъ скорбнымъ и плачевнымъ было погребеніе славнаго Христова мученика. Изъ церкви св. Архистратига св. мощи, съ великолѣпнымъ торжествомъ, перенесены были въ Каѳедральный соборъ-Преображенія Господня, созданный самимъ В. Княземъ Михаиломъ; и здѣсь оставлены на нѣсколько дней безъ погребенія, чтобы народъ могъ утѣшиться,

(*) Нынѣ, противъ мѣста, гдѣ былъ этотъ монастырь, стоитъ церковь Рождества Богородицы, что въ ямской; съ придѣломъ Архистратига Михаила.

воздавъ поклоненіе Святому и прикоснувшись ко гробу съ честными останками Страстотерпца. Между тѣмъ изготовленъ былъ гробъ каменный для переложенія св. мощей. Тогда Епископъ Варсонофій съ духовенствомъ благоговѣйно переложилъ св. мощи въ новоустроенный гробъ, и послѣ надгробныхъ пѣснопѣній, похоронили, съ правой стороны Собора, подлѣ Епископа Симеона, въ 6 день Сентября, на память чуда Архистратига Михаила.

БЛАГОГОВѢНІЕ ТВЕРИТЯНЪ КЪ СВ. ВЛАГОВѢРНОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ.

Сокрыты были подъ спудомъ мощи св. Благовѣрнаго Князя Михаила, но тѣмъ не менѣе народъ чтилъ благоговѣйно память его и мѣсто его погребенія. Помнили вѣрные Тверитяне и благодѣянія В. Князя, передавалась изъ рода въ родъ память о той любви его, крѣпкой какъ смерть, по которой онъ положилъ жизнь свою за людей своихъ; не забывалось и чудесное возвращеніе его мощей въ родную землю, и народъ съ особеннымъ усердіемъ стекался въ соборный храмъ, гдѣ положены были честныя мощи св. мученика, воздавали ему благоговѣйное поклоненіе и молили его, какъ защитника и предстателя во всякой бѣдѣ и нуждѣ. И молитва вѣры доставляла утѣшеніе въ скорби и облегченіе бѣдствій. Многіе получали исцѣленія отъ различныхъ болѣзней, по молитвамъ Святаго. Когда же, по Божію попущенію, были нападенія Литовскія на русскую землю, неоднократно,

въ таинственныхъ видѣніяхъ, являлся св. Князь-защитникъ отечества, исходящій на бѣломъ конѣ изъ города, съ обнаженнымъ мечемъ въ рукахъ, устрашая и прогоняя враговъ. Объ этомъ разсказывали сами враги Тверскому Архіепископу Ѳеоктисту. Когда измѣною и предательствомъ нашихъ начальниковъ, варвары (1608 г.) овладѣли городомъ Тверью, и пришли въ архіерейскій домъ, то, увидѣвши здѣсь на стѣнѣ икону св. Князя Михаила, всѣ признали его и сказали: «великъ этотъ человѣкъ у Бога».

Такъ память о Св. Михаилѣ передавалась изъ рода въ родъ, и благоговѣйно чтилась Тверитянами, доколѣ Господу Богу угодно было торжественно прославить Своего угодника.

ОТКРЫТІЕ МОЩЕЙ.

Прошло болѣе 300 лѣтъ отъ убіенія св. В. Князя Михаила. Благочестивый царь Михаилъ Ѳеодоровичъ разсылалъ богатыя милостыни во многія церкви, на поминовеніе своего родителя Филарета Никитича, Патріарха Всероссійскаго, умершаго въ 1633 году. Такимъ щедролюбивымъ расположеніемъ царя воспользовался бывшій въ то время Архіепископъ Тверскій Евѳимій II. Онъ представилъ царю о нуждѣ перестроить Тверскій Каѳедральный соборъ, построенный В. Княземъ Михаиломъ, и уже обветшавшій. Боголюбивый царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, прислалъ, на этотъ предметъ, значительную сумму денегъ. При помощи этой суммы, святитель Евѳимій построилъ новый великолѣпный соборъ тоже

во имя Преображенія Господня, и освятилъ его въ 1635 г. Когда же Святитель хотѣлъ приступить къ освященію придѣльнаго храма въ новосозданномъ соборѣ, Богъ вложилъ въ сердце его благое желаніе найти гробъ свято чтимаго въ Твери В. Князя Михаила. «Не прилично, разсуждалъ Святитель, свѣтильнику быть подъ спудомъ; онъ долженъ быть поставленъ на свѣщникѣ, и свѣтить въ храминѣ православной церкви». Благочестивая мысль до того утвердилась въ немъ, что не давала покоя Божію Архіерею; но недоумѣвалъ онъ, какъ привести ее въ исполненіе; потому что незналъ мѣста, гдѣ положены честныя мощи. Къ тому же носился слухъ, что они сгорѣли во время большаго пожара. Наконецъ нашелся одинъ старецъ Священникъ собора именемъ Ѳеодоръ, который когда-то давно служилъ при гробѣ Святаго. Маститый старецъ разсказалъ Святителю, что онъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ помнитъ и своими очами видѣлъ, что святыя мощи стояли на верху земли, что были отъ нихъ многія чудеса и исцѣленія; не помнитъ только и не знаетъ, когда были они обрѣтены; что, когда былъ въ Твери большой пожаръ (*), и пламя обхватило соборный храмъ,

(*) Если это пожаръ, бывшій при Епископѣ Акакіи въ 1537 г. то, принявъ во вниманіе, что іерей Ѳеодоръ служилъ при гробѣ Святаго, надобно положить, что ему было далеко за 100 лѣтъ. Въ то время сгорѣли въ соборѣ и чудныя иконы отъ древнихъ лѣтъ, украшенныя серебромъ и златомъ и каменіемъ драгимъ, и священные многоцѣнные сосуды и святыя книги. Церкви Божія по посаду деревянныя сгорѣли всѣ со множествомъ людей. (Соф. Врем. стр. 399.)

тогда честныя мощи, частію изъ опасенія, чтобы не были завалены стѣнами, могущими разпасться отъ сильнаго огня, частію изъ боязни, чтобы они не сгорѣли, вложены были въ деревянную гробницу, (которую, для большей безопасности поставили въ большой каменный гробъ), и сокрыты въ землѣ у церковной стѣны.

Съ великою радостію слушалъ Святитель разсказъ старца Іерея, и призвалъ искуснаго мастера Іоанна, чтобы разобрать церковный полъ на томъ мѣстѣ, которое указывалъ сей старецъ. Іоаннъ, взявъ благословеніе у Святителя, началъ разбирать полъ, потомъ разчищать землю; прокопавши землю на глубину одного лактя, увидѣлъ каменный гробъ. Въ это время Святитель со священниками стояли и молились, чтобы Господь явилъ къ нимъ милость свою. Когда же показался гробъ, всѣ чрезвычайно обрадовались, и облачившись въ священныя одежды, Святитель со священниками совершили соборнѣ молебное пѣніе Спасителю и Пречистой Его Матери и святому Михаилу. Святитель окропилъ св. водою всю церковь и гробницу Святаго и всѣхъ предстоящихъ и собраніе разошлось, благодаря Бога не презрѣвшаго молитвы рабовъ своихъ.

Обрадованный Божіимъ благопоспѣшеніемъ благому своему дѣлу, Святитель возымѣлъ новое святое желаніе устроить раку для св. мощей, сочинить службу святому Благовѣрному Князю Михаилу и новоустроенный придѣлъ освятить во имя новоявленнаго чудотворца св. В. Кн. Михаила. Но чтобы

исполненіе столь великаго и святаго дѣла не казалось дѣломъ только личнаго его желанія и произволенія, Святитель Евѳимій просилъ соизволенія и разрѣшенія отъ благочестиваго Государя Михаила Ѳеодоровича.

Великою радостію возрадовался Государь, и возблагодарилъ Бога, являющаго и милость и славу свою въ его царствованіе, и заступленіемъ святыхъ утверждающаго державу его. Тотчасъ же отправлена къ Евѳимію грамота, въ которой Государь изъявлялъ полное свое согласіе и разрѣшеніе на святое и богоугодное дѣло. Святитель, получивъ грамоту, повелѣлъ одному искусному строителю Назарію, чтобы онъ, со всякимъ опасеніемъ, очистилъ мѣсто, гдѣ былъ погребенъ святой Князь, и приложилъ стараніе поднять изъ земли тяжелый каменный гробъ.

Назарій, приготовивши все нужное для дѣла, приступилъ къ работѣ. Увидѣвши же небольшую скважину между гробомъ и верхнею доскою, онъ, подстрекаемый любопытствомъ, безстрашно простеръ руку сквозь эту скважину, и былъ наказанъ за свою дерзость; въ туже минуту онъ почувствовалъ такую страшную боль въ рукѣ, какъ будто бы кто устрѣлилъ ее стрѣлою. Съ величайшимъ трудомъ онъ могъ вылезти, и побѣжалъ въ святительскій домъ, оглашая воздухъ воплями и стенаніями. Пять дней томился Назарій въ тяжкой болѣзни, не могши проговорить слова, и только въ шестой день разсказалъ Святителю о бывшемъ съ нимъ несчастіи, прося его молитвъ объ отпущеніи грѣховъ его.

Сжалился надъ нимъ Святитель, и самъ отправился въ церковь молиться св. Михаилу о прощеніи и милости несчастному Назарію. Во время чтенія Евангелія, Назарій уже могъ знаменаться крестнымъ знаменіемъ, а по окончаніи молебнаго пѣнія, когда Святитель окропилъ Назарія водою и осѣнилъ животворящимъ Крестомъ, онъ сталъ совершенно здоровъ; и славилъ Бога со всѣми предстоящими, съ благоговѣніемъ припадая къ землѣ, лежавшей на гробѣ Святаго.

На другой день 24 Ноября Архіепископъ Евѳимій со всѣми священнослужителями совершилъ молебное пѣніе; а Назарію снова повелѣлъ приступить къ подъятію гроба. Съ великимъ страхомъ и благоговѣніемъ уже Назарій прикасался св. гробу, и когда, съ Божіею помощію, подняли его изъ земли, то поставили на нарочито устроенномъ и благоукрашенномъ мѣстѣ. По совершеніи молебствія, Святитель повелѣлъ приподнять верхнюю доску съ гроба, а самъ держалъ покровъ, чтобы тотчасъ же покрыть имъ святыя мощи. Когда наклонился онъ ко гробу, и коснулся св. мощей, необыкновенное благоуханіе разлилось по всему храму. Съ притрепетною радостію покрылъ онъ приготовленнымъ покровомъ св. мощи, и съ благоговѣніемъ облобызавъ ихъ, опять повелѣлъ покрыть гробъ доскою, до устроенія новаго гроба.

На другой день многіе изъ городскихъ жителей, приходя къ соборной церкви, разсказывали, что они видѣли необыкновенный свѣтъ надъ церковію; надъ гробомъ Святаго

повторились тѣ самыя явленія, какія видѣли по убіеніи его. Послѣ сего Святитель поспѣшилъ освятить придѣлъ, въ которомъ почивали св. мощи, во имя св. В. Кн. Михаила, и установилъ совершать молебствія св. Князю, составилъ божественную службу въ честь его. Съ этого времени, народъ съ большимъ усердіемъ притекалъ къ св. Князю, и съ сердечною вѣрою молился ему о помощи и заступленіи. И многіе, одержимые различными болѣзнями, получали исцѣленіе, многіе бѣдствующіе находили успокоеніе и отраду у св. гроба, молитвами Угодника Божія.

ПЕРЕЛОЖЕНІЕ СВ. МОЩЕЙ ВЪ НОВЫЙ ГРОБЪ.

Въ 1665 году, въ патріаршество Никона, при Тверскомъ Архіепископѣ Лаврентіи, въ городѣ Твери свирѣпствовала ужасная моровая язва. Люди умирали внезапно; падали точно листья съ деревъ въ глубокую осень; въ живыхъ осталось такое малое число, что некому было погребать умершихъ. Тогда благочестивый Святитель обратился къ испрошенію помощи и заступленія Тверскихъ Угодниковъ. Чтобы утѣшить и успокоить оставшихся въ живыхъ, онъ перевезъ изъ Москвы, по благословенію Патріарха Никона, гробъ святителя Филиппа, замученнаго въ Твери и переложилъ въ него мощи Святителя Арсенія, установивъ, въ тоже время, торжественный крестный ходъ изъ Каѳедральнаго собора въ Желтиковъ Монастырь, въ первое воскресенье послѣ праздника Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. Такую же

почесть восхотѣлъ Святитель оказать и св. мощамъ Св. Благовѣрнаго Кн. Михаила. Поелику Епископъ Евѳимій не успѣлъ совершить добраго своего намѣренія переложить св. мощи въ новый гробъ (онѣ оставались еще въ деревянномъ гробѣ, вложенномъ въ каменный, и никогда не открывались); Святитель Лаврентій рѣшился привесть въ исполненіе желаніе Евѳимія устроить новую раку для св. мощей Угодника Божія Михаила. Для сего, собравъ священный Соборъ изъ Настоятелей и соборныхъ Священниковъ, заповѣдалъ по всему городу строгій постъ и усердныя молитвы въ продолженіи цѣлой недѣли. По прошествіи этой недѣли, по всѣмъ церквамъ города совершено было всенощное бдѣніе, а на слѣдующій день великое множество народа собралось въ соборную церковь къ Божественной Литургіи, которую совершалъ самъ Святитель съ особенною торжественностію съ почетнѣйшимъ духовенствомъ. По окончаніи Литургіи, Архіепископъ и духовенство приступили къ ракѣ Святаго, и открывши ее, нашли св. мощи *яко кринъ сіяющія и яко бисеръ неувядающія,* и благоуханіе исходило отъ нихъ благовоннѣе ѳиміама и смирны. Съ благоговѣйнымъ страхомъ подъяли святое тѣло, обвили новою бѣлою камкою, и, переложивши въ новоустроенную деревянную раку, покрыли его многоцѣнными покровами. Это было въ послѣднихъ числахъ Сентября.

30-го же числа Сентября, послѣ обычнаго пѣнія въ Соборѣ, торжественно совершенъ былъ крестный ходъ со святыми иконами и мощами Святаго Князя кругомъ города. Святыя

мощи несены были Священниками, а народъ, со всѣхъ сторонъ окружающій раку своего заступника и молитвенника Св. Князя, благоговѣйно взывалъ: Господи помилуй! По окончаніи крестнаго хода, въ Соборѣ совершена Божественная Литургія, и св. мощи поставлены были на прежнемъ мѣстѣ, въ придѣлѣ св. Михаила на лѣвой сторонѣ Собора близъ стѣны. Смертоносное повѣтріе, съ тѣхъ поръ, всюду начало прекращаться и совершенно прекратилось молитвами Святаго Страстотерпца. Дабы увѣковѣчить память и страшнаго посѣщенія Божія и Божія помилованія, Архіепископъ Лаврентій установилъ, чтобы, какъ въ самомъ городѣ Твери, такъ и въ окрестныхъ странахъ, празднуемо было переложеніе честныхъ мощей Св. Кн. Михаила каждогодно 30 числа Сентября. Празднество это и до нынѣ совершается въ Твери, особенно же въ Каѳедральномъ соборѣ.

Въ тоже время одинъ изъ вельможъ, стольникъ при дворѣ царскомъ Романъ Бобарыкинъ, на память родителей своихъ, устроилъ великолѣпный покровъ съ вышитымъ золотомъ изображеніемъ св. Угодника Божія Михаила, которымъ, по благословенію Святителя, и были покрыты святыя мощи.

РАЗНЫЕ СЛУЧАИ, КАСАЮЩІЕСЯ СВ. МОЩЕЙ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА.

Въ 1682 году Архіепископъ Сергій вознамѣрился построить новый Каѳедральный соборъ, на мѣстѣ обветшавшаго и казавшагося тѣснымъ, по причинѣ великаго стеченія бого-

мольцевъ, соборнаго храма, построеннаго при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. По этому, св. мощи В. Князя перенесены были въ ближайшую церковь происхожденія честныхъ древъ честнаго и Животворящаго Креста (на Владычнемъ дворѣ). Туда же перенесенъ и каменный гробъ, въ которомъ обрѣтены мощи Святаго. По освященіи церкви, въ 1696 году, снова перенесены они были въ Каѳедральный соборъ, и поставлены на прежнемъ мѣстѣ въ придѣлѣ посвященномъ св. Бл. Князю, а каменный гробъ оставленъ былъ, на память, въ церкви Честнаго и Животворящаго Креста.

При Архіепископѣ Варлаамѣ (1714—1720), придѣлъ въ соборной церкви, во имя святаго В. Князя Михаила, къ величайшему сожалѣнію, за пепмѣщеніемъ ризничной палатки, былъ упраздненъ и обращенъ въ архіерейскую ризницу, а святыя мощи поставлены были за архіерейскимъ мѣстомъ между церковными столпами, подъ устроенною для сего позлащенною сѣнію.

Въ 1747 году Архіепископъ Митрофанъ, на подаяніе доброхотныхъ дателей, обложилъ деревянную раку Св. Князя листовымъ чеканнымъ золоченымъ серебромъ; по сторонамъ св. гроба положилъ 16 клеймъ, золоченыхъ черезъ огонь, съ изображеніями на нихъ и подписями чудесъ отъ святыхъ мощей Благовѣрнаго Князя Михаила. Потомъ, устроивъ на правой сторонѣ собора, у самаго иконостаса, въ придѣлѣ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, въ углубленіи стѣны, довольно удобное и приличное мѣсто,

туда перенесъ и поставилъ св. мощи. На этомъ мѣстѣ они стоятъ и понынѣ, подъ великолѣпно устроенною сѣнію. Самая сѣнь обложена вызолоченною мѣдью, поддерживается такими же и такъ же вызолоченными колоннами. А каменный ветхій гробъ, хранившійся въ Крестовской церкви, весь распался отъ бывшаго пожара; только обломки его нѣкоторое время хранились въ Каѳедральномъ соборѣ.

Въ 1763 году, въ самый день сошествія Св. Духа, опять былъ въ Твери сильный пожаръ. Начавшись отъ архіерейскаго дома, пламя распространилось по всему городу; загорѣлась и соборная колокольня; опасность грозила и самой соборной церкви. Тогда духовенство (Епископа Аѳанасія не было въ Твери), облачились въ священныя одежды, и, взявши св. раку съ мощами Благовѣрнаго Князя, съ благоговѣніемъ перенесли на раменахъ своихъ, и поставили на берегу Волги-при самомъ устьѣ р. Тьмаки, (гдѣ стояла и теперь стоитъ церковь Николая Чудотворца въ капустникахъ), противъ Ѳеодоровскаго училищнаго монастыря (за Тьмакою, гдѣ нынѣ пароходная пристань и мастерскія). Приставивши для охраненія св. мощей и молебныхъ пѣній іеромонаховъ, мірское духовенство, отправилось уже спасать свои домы. Къ вечеру, когда прекратился пожаръ, св. мощи опять перенесены были на прежнее мѣсто. Городъ весь истребленъ былъ пожаромъ, кромѣ той небольшой части его, по близости которой стояли св. мощи Угодника Божія.

Въ свѣжей памяти весьма многихъ сохранилось воспоминаніе о холерѣ, бывшей въ 1831 году. И послѣ сего, въ 1848 и 53 году, и съ большимъ свирѣпствомъ, посѣщала землю Русскую эта злая и грозная гостья, но не представлялась она столь ужасною, какъ въ первое свое посѣщеніе въ 1831 году. Она начала свои опустошенія съ первыхъ чиселъ Іюня, и свирѣпствовала, съ каждымъ днемъ увеличивая число своихъ жертвъ. Страхъ и уныніе овладѣли всѣми. Многіе умирали безъ напутствія; осторожность и боязнь заразы, особенно въ первый разъ, доходила до жестокости и безчеловѣчія; боялись оказать помощь несчастному, оставляя его, при ужасахъ смерти, безъ всякаго утѣшенія. Мѣры городскаго начальства, къ прекращенію зла, отличались болѣе жестокостію, чѣмъ благоразуміемъ; заболѣвшихъ вытаскивали изъ домовъ, и умирающихъ сваливали не рѣдко въ одну телѣгу съ умершими и везли на кладбище,—гдѣ и зарывали. И до сихъ поръ сердце сжимается скорбію и ужасомъ, при воспоминаніи этого несчастія. Только тѣ имѣли утѣшеніе погребсти своихъ мертвецовъ по хрістіански, которымъ удалось обмануть бдительное начальство, что покойникъ умеръ отъ другой болѣзни. Въ двадцатыхъ числахъ Іюня эпидемія свирѣпствовала въ полной силѣ, и бѣдствующіе граждане прибѣгли съ молитвою о заступленіи ко всегдашнему своему заступнику Благовѣрному В. К. Михаилу. Они проспли Амвросія, Архіепископа Тверскаго, подъять мощи Угодника Божія, и совершить съ ними крестный ходъ кругомъ города. Святитель согла-

ѳился, и 24 числа Іюня (*) самъ сопровождалъ св. мощи изъ Каѳедральнаго собора, съ крестнымъ ходомъ, въ предшествіи всего Тверскаго духовенства и гражданъ. И помиловалъ Господь людей своихъ, съ вѣрою призывающихъ Его, и моровое повѣтріе, съ того же времени, начало ослабѣвать, и вскорѣ совсѣмъ прекратилось, молитвами Св. В. К. Михаила. Только, по не исповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, самъ Святитель взятъ изъ среды живыхъ, какъ бы въ искупительную жертву за паству свою. Когда подошли съ крестнымъ ходомъ къ церкви Живоноснаго Источника, и Святитель, при совершеніи Литіи, началъ читать Евангеліе, голосъ его вдругъ пресѣкся и ноги подкосились, онъ, въ совершенномъ изнеможеніи, опустился на руки поддержавшихъ его Ѵподіаконовъ. Впрочемъ, приведенный въ означенную церковь, по разоблаченіи, онъ оправился и бодро прошелъ по церкви, приписывая случившееся усталости, свойственной его лѣтамъ (ему было 69 лѣтъ), и чрезмѣрному жару отъ солнца (день былъ жаркій). Прибывши въ архіерейскій домъ, онъ чувствовалъ себя бодрымъ, и высказывалъ удивленіе случившемуся съ нимъ, говорилъ съ Ключаремъ, пришедшимъ къ нему послѣ

(*) День 24 Іюня выбранъ, для торжественнаго обнесенія св. мощей потому, чтобы прекратить другаго рода язву—нравственную, уничтожить однажды на всегда скверное и богомерзкое, отъ язычества оставшееся празднованіе, въ день Іоанна Предтечи, *Ярилъ* или *Купалъ*. И за то вѣчная память доброму пастырю, Святителю Амвросію! Объ Ярилѣ давно забыли.

крестнаго хода, и обѣщался на другой день самъ служить въ Соборѣ, 25 Іюня, по случаю царскаго дня. Въ самую уже полночь онъ почувствовалъ припадки жесточайшей холеры, которая послѣ перешла въ первную горячку. На 8 день болѣзни 1 Іюля Святитель скончался.

Крестный ходъ съ мощами св. Благовѣрнаго В. Князя Михаила, съ тѣхъ поръ, совершается ежегодно 24 Іюня, въ память избавленія города Твери отъ смертоноснаго повѣтрія, только не вокругъ города, а вокругъ Каѳедральнаго собора. Стеченіе народа въ этотъ день бываетъ необыкновенное. Болѣе 30,000 богомольцевъ стекается къ Собору изъ разныхъ мѣстъ всякаго чина и званія, чтобы помолиться Угоднику Божію, и подойти подъ честную раку его, во время обнесенія. Нѣтъ мѣста въ близи Собора, которое не было бы занято усердными богомольцами если только на немъ, хотя какъ-нибудь, можно держаться; вся площадь кругомъ собора бываетъ занята народомъ; народъ тѣснится и въ окнахъ домовъ, изъ которыхъ можно видѣть торжественную процессію и гробъ Угодника, какъ бы плывущій поверхъ волнующагося и устремляющагося къ нему народа; влезаютъ и на ближайшія деревья, и на тумбы и на всякое возвышеніе; имъ занята и соборная колокольня. Такова вѣра и усердіе къ Угоднику Божію!

Св. церковь, въ день памяти Св. Благовѣрнаго Князя, 22 Ноября, прославляетъ его высокія христіанскія добродѣтели, въ чистотѣ воспитанное и цѣломудренное житіе и

неповинное страданіе; и, приглашая всѣхъ мученколюбцевъ къ духовному и празднственному торжеству, такъ воспѣваетъ: «Пріидите днесь Россійстіи собори и видите, яко судъ безъ вины пріемлетъ мученикъ Михаилъ, яко агнецъ беззлобивъ заколенъ бысть отъ окаяннаго Кавгадыя, и повержено бысть тѣло его на земли, и никимъ же врежденно бысть; и сей убо вѣнчася, тойже безъ памяти погибе и сей въ мірѣ славимъ есть, онъ же въ геенѣ мучится, сей же Христа Бога молитъ о душахъ нашихъ.» (Стих. хвал.)».

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ УБІЙЦАМИ СВ. МИХАИЛА.

Судъ Божій постигъ беззаконныхъ убійцъ Св. Благовѣрнаго В. Князя. Кавгадый, вскорѣ по убіеніи Св. Михаила, подвергся гнѣву ханскому. Злодѣи обыкновенно бываютъ сколько наглы и самоувѣренны при благопріятствующихъ обстоятельствахъ, столько робки и малодушны въ несчастіи. Гнѣвъ и немилость хана такъ подѣйствовали на мелкую душу коварнаго злодѣя, что онъ, переходя отъ унынія къ бѣшенству, умеръ съ тоски и досады. «Смерть грѣшниковъ люта, замѣчаетъ лѣтописецъ (Полн. собр. Русск. Лѣт. V. 214); еже бысть беззаконному и проклятому Кавгадыю,

и не пробывъ ни единаго лѣта, и злѣ изверже окаянный животъ свой.»

Не купилъ себѣ счастія кровію невиннаго своего родича и Георгій Московскій. Получивъ вскорѣ ярлыкъ на великокняженіе, онъ не видѣлъ мира и покоя, который думалъ найти, освободившись отъ совмѣстника. Нечистый совѣстію, онъ, по справедливости, опасался мщенія со стороны дѣтей убіеннаго имъ Князя Михаила, и чтобы обезопасить себя, рѣшился идти войною, на Тверскую область. Сынъ Михаила Димитрій не боялся войны; но благоразуміе требовало освободить прежде бывшихъ заложниками во Владимірѣ, привезенныхъ Георгіемъ изъ Орды—Князя Константина Михаиловича и бояръ Тверскихъ, на которыхъ Георгій могъ выместить свои неудачи въ войнѣ съ Димитріемъ. По этому Князь Тверской 1321 г. послалъ Епископа Варсонофія въ Переславль, для заключенія мира съ Георгіемъ. Миръ былъ заключенъ; Димитрій заплатилъ Георгію 2000 рублей, для подати ханской, и далъ слово не спорить о великокняженіи; но не имѣлъ духа искренно помириться съ убійцею своего отца.

Вскорѣ Димитрій отправился въ Орду, и откровенно высказалъ предъ ханомъ всѣ низкіе поступки Георгія, относительно убіенія Михаила; и воспользовался случаемъ доказать хану, что обвинявшій его отца въ недоставленіи дани ханской, самъ удерживаетъ эту дань, въ томъ числѣ 2000 р. взятыхъ съ самого Димитрія, въ пользу хана. Разгнѣван-

ный Узбекъ отнялъ у Георгія великокняженіе, и давъ ярлыкъ Димитрію, прислалъ своего вельможу Севенчь-Буга возвести его на престолъ Владимірскій (1322 г.). Георгій, мучимый безспокойствомъ и страхомъ, не зналъ, на что рѣшиться. Наконецъ онъ отправился къ хану (въ 1324 г.), чтобы снискать его милость, и низвергнувъ Димитрія, вновь утвердить за собою великокняженіе. Въ слѣдующемъ году отправился и Димитрій—«грозныя очи». Тамъ соперники встрѣтились другъ съ другомъ, и пылкій Димитрій не могъ удержать гнѣва, при видѣ убійцы своего отца и вонзилъ въ него мечъ. Георгій испустилъ духъ. Тѣло Георгія привезли въ Москву, и здѣсь погребли его, въ церкви Архангела Михаила, Митрополитъ Петръ съ четырмя Епископами, въ числѣ которыхъ былъ и Варсонофій Тверской, свидѣтель несчастнаго спора между Князьями.

СУДЬБА СЕМЕЙСТВА СВ. БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА.

Матерь В. Князя Михаила, Блаженная Княгиня Ксенія, во иночествѣ Марія, преставилась еще за шесть лѣтъ до убіенія сына, въ 1312 году, въ Софійскомъ монастырѣ, облекшись предъ смертію въ схиму, и погребена въ Тверскомъ Каѳедральномъ Соборѣ.

Благовѣрная княгиня Анна, раздѣлявшая труды и всѣ горести своего благовѣрнаго супруга-Князя, съ покорностію всеблагому Промыслу, перенесла и послѣднюю тяже-

лую разлуку съ нимъ; и, утѣшенная знаменіями небесной славы Христова Мученика, вскорѣ уневѣстилась Христу, припявши иноческій образъ, въ томъ же Софійскомъ монастырѣ, съ именемъ Евфросиніи. Здѣсь, впрочемъ, не долго пребывала она въ подвигахъ поста и молитвы; сынъ ея Князь Василій Михайловичь Кашинскій слезнымъ прошеніемъ умолилъ ее перейти къ нему въ Кашинъ, гдѣ основалъ монастырь близъ Успенской церкви (нынѣ церковь при соборѣ), въ которомъ и оставалась она до самой кончины, подавая собою другимъ примѣръ жизни святой и богоугодной, и назидая ихъ словомъ благочестія. Здѣсь приняла она схиму, съ прежнимъ именемъ Анны, а скончалась 19 лѣтъ спустя послѣ убіенія Михаила въ 1338 г. и погребена въ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы. Въ царствованіе Государя Алексѣя Михайловича обрѣтены были нетлѣнныя мощи ея. Благочестивый Государь изволилъ путешествовать на поклоненіе честнымъ мощамъ Благовѣрной Княгини, которыя почивали открыто (*). Имя Св. Анны записано было въ мѣсяцесловахъ подъ 2 числомъ Октября, во имя ея созидались и освящались храмы, ея именемъ знаменовались новорожденныя. Составлена была и служба Благовѣрной Аннѣ. (**). Но при Патріархѣ Іоакимѣ,

(*) Описаніе этого событія, и сказаніе о чудесахъ, бывшихъ молитвами и предстательствомъ Святой, при ея честной ракѣ, хранятся въ Кашинскомъ Воскресенскомъ Соборѣ. Тамъ же есть и служба Св. Благ. Княгинѣ Аннѣ.

(**) Въ г. Кашинѣ и теперь имя Анны Благовѣрной употребляется въ клятвахъ и божбѣ.

по причинѣ, главнымъ образомъ, возникшаго недоразумѣнія, точно ли въ Кашинѣ жила и почила Благовѣрная, мощи ея были закрыты, впредь до тщательнѣйшаго разсмотрѣнія и дознанія дѣла (*). Мощи В. Княгини Анны и до нынѣ остаются подъ спудомъ, и почиваютъ въ Кашинскомъ Воскресенскомъ соборѣ. При нихъ для богомольцевъ отправляются паннихиды, или молебныя пѣнія всѣмъ Святымъ.

В. Князь Димитрій Михайловичь не избѣгъ мести ханской за убіеніе Георгія. Друзья Георгія представили хану такое самоуправство Димитрія весьма опаснымъ и оскорбительнымъ для власти ханской, и возбудили въ немъ гнѣвъ противъ убійцы своего зятя. Черезъ десять уже мѣсяцевъ 15 Сентября 1325 г. ханъ приказалъ умертвить Димитрія. Такъ скончался этотъ смѣлый, пылкій и рѣшительный Князь на 28 году своей жизни. Епископъ Варсонофій и вся Тверь въ 1326 г. оплакивали смерть Димитрія, въ которомъ видѣли свою надежду на счастіе и безопасность, какъ прежде оплакивали смерть отца его, и по тѣмъ же слѣдамъ встрѣчали тѣло его, и похоронили въ томъ же Спасопреображенскомъ соборѣ.

Послѣ Димитрія, Узбекъ передалъ великокняжеское достоинство другому сыну Михаила Александру. И Александръ Михайловичъ мирно началъ свое правленіе и вступилъ въ

(***) Документы, къ сему относящіеся, находятся въ Московской Синодальной Библіотекѣ.

союзъ съ Новгородцами. Но не успѣли отереть слезъ вѣрные Тверитяне, какъ уже было близко новое несчастіе. Въ концѣ лѣта (1327 г.) явился въ Тверь ханскій посолъ Шевкалъ или Щелканъ, двоюродный братъ Узбека съ многочисленными толпами грабителей. И прежде такіе послы являлись настоящими разбойниками и грабителями тѣхъ странъ, гдѣ они поселялись. Но объ Шевкалѣ пронесся болѣе ужасный слухъ, будто онъ хочетъ истребить всѣхъ Князей Русскихъ, изгнать православную вѣру и ввести вѣру бесерменскую (исламизмъ). На сколько вѣренъ былъ этотъ слухъ, остается не рѣшеннымъ, но съ твердостію можно сказать, что не былъ во все неоснователенъ. Самъ Шевкалъ, своими безчеловѣчными поступками и насиліями, какъ бы оправдывалъ ту мысль, что онъ способенъ на всякое злодѣяніе и всякое угнѣтеніе народа и Князей. Всякое насиліе и жестокость переносили и Князья и народъ Русскій, но не потерпѣли насилія вѣрѣ и Св. церкви. Ревностный по вѣрѣ и преданный благочестію В. Князь Александръ, посовѣтовавшись съ своими боярами, рѣшился предупредить исполненіе злаго умысла мусульманина. Собравъ бояръ и всѣхъ гражданъ, Александръ приказалъ имъ вооружиться, и, на разсвѣтѣ 15-го Августа, вступилъ въ бой съ Татарами. Бой отчаянный и кровопролитный продолжался до темнаго вечера. Съ отчаяннымъ воплемъ и остервененіемъ Тверитяне истребляли Татаръ; Шевкалъ искалъ спасенія въ старомъ дворцѣ Князя Михаила, но Александръ велѣлъ зажечь отцовскій домъ и Татары погибли въ пламени. Ве-

черомъ уже ни одного Татарина не было въ Твери; однихъ перебили, другихъ утопили, а иныхъ сожгли на кострахъ.

Узбекъ, узнавши о несчастіи своего посла, страшно испугался, думая, что вся Россія готова возстать противъ своихъ поработителей. Но къ нему явился, съ успокоительнымъ изъявленіемъ покорности, Князь Московскій Іоаннъ Калита, и ханъ отправилъ съ нимъ 50.000 татарскаго войска для наказанія мятежниковъ. Татары пожгли города и села въ Тверской области, людей повели въ плѣнъ, и просто сказать, по выраженію лѣтописца, «положили пусту всю землю Русскую»; спаслись только Москва, отчина Калиты, да Новгородъ откупившійся отъ бѣды 2000 серебра и множествомъ даровъ. Александръ бѣжалъ въ Псковъ, а братья его искали убѣжища въ Ладогѣ.

Въ слѣдующемъ году, Іоаннъ Калита вмѣстѣ съ Константиномъ Михайловичемъ Тверскимъ отправился въ Орду. Узбекъ далъ великокняженіе Князю Московскому, а Константину далъ Тверь, приказавъ имъ сыскать и представить ему Князя Александра. И вотъ послы Князей Русскихъ явились въ Псковѣ къ Александру, и представляли ему отъ имени Князей, какая великая опасность грозитъ всей землѣ Русской и всѣмъ князьямъ, изъ за него одного, и не лучше ли, и не благороднѣе ли, пожертвовать собою, для безопасности и спасенія всей земли? Замѣтимъ здѣсь отвѣтъ Александра, показывающій въ немъ и великую душу, столько же и свѣтлый чистосердечный взглядъ на обязанности и отношенія Русскихъ Князей. «Точно, мнѣ нужно

съ терпѣніемъ и любовію за всѣхъ пострадать, и не мстить за себя лукавымъ крамольникамъ. Да и не прельщаетъ меня жизнь суетная и горестная. Я жертвую собой; но и на васъ лежитъ святая обязанность стоять другъ за друга, братъ за брата, а не выдавать татарамъ, и всѣмъ вмѣстѣ стать на защиту земли Русской и вѣры православной, а не быть моими гонителями.» Сказавъ это, Александръ готовъ былъ отправиться въ Орду, но добрые Псковитяне, тронутые его несчастіемъ, не пустили его—такъ они любили этого добраго, великодушнаго и благороднаго Князя!

Союзники не осмѣлились употребить силу, чтобы принудить Псковитянъ выдать Александра, а потому упросили Митрополита Ѳеогноста наложить клятву на ослушниковъ воли царской, и затворить всѣ церкви. Великодушный Князь умолялъ Псковитянъ, чтобы они отпустили его. «Да не будетъ проклятія на моихъ друзьяхъ и братьяхъ изъ-за меня,» говорилъ со слезами добрый Князь. И Псковичи, съ горестію простившись съ нимъ, умоляли его идти пока въ Литву, поклявшись оберегать его супругу и дѣтей. Псковъ разрѣшенъ отъ клятвы,—Александръ—изгнанникъ изъ Отечества полтора года скитался въ чужой землѣ, дружелюбно пріятый Гедиминомъ княз. Литовскимъ. Потомъ возвратился въ любимый имъ Псковъ, къ искренней радости усердныхъ гражданъ.

Десять лѣтъ спокойно Александръ княжилъ въ Псковѣ, но разсуждая, что дѣти его лишатся его отчины, если онъ умретъ въ Псковѣ, рѣшился попытать счастія умило-

ствить хана, и послалъ напередъ въ Орду своего сына Ѳеодора; и, узнавши, что есть надежда на успѣхъ, и самъ въ 1337 году поспѣшилъ въ Орду. «Я много сдѣлалъ зла, сказалъ онъ Узбеку, и теперь пришелъ принять жизнь или смерть. Дѣлай, что Богъ положитъ тебѣ на мысль; казни или милуй–я на все готовъ.» Слова эти смягчили разгнѣваннаго хана, и онъ сказалъ приближеннымъ къ нему: «Александръ смиренною мудростію избавилъ себя отъ смерти.» Ему позволено было занять престолъ Тверскаго Княженія, и Князь Константинъ съ покорностію уступилъ его старшему брату.

Но возвращеніе Александра встревожило Князя Московскаго; между ними опять завязалась борьба не на жизнь, а на смерть. Мужественный Александръ не могъ быть равнодушнымъ зрителемъ самовластія Князя Московскаго. Іоаннъ спѣшилъ скорѣе освободиться отъ совмѣстника, могущаго препятствовать замысламъ самовластія. Въ 1339 г. онъ отправился въ Орду и представилъ хану двухъ сыновей своихъ, какъ будущихъ покорныхъ слугъ ханскихъ, и наклеветалъ на Князя Тверскаго, который вскорѣ позванъ былъ туда же. Александръ опять отправилъ Ѳеодора, и за нимъ уже отправился самъ. И здѣсь, чрезъ мѣсяцъ, рѣшилась его участь. 29 Октября онъ съ особеннымъ усердіемъ молился Богу, простился съ сыномъ и боярами, сдѣлалъ распоряженіе на счетъ княжества, потомъ исповѣдался и пріобщился Св. Таинъ; тоже самое сдѣлали и бояре и сынъ его Ѳеодоръ, и спокойно ждали своей участи. Вскорѣ

за симъ вбѣжали отроки и съ плачемъ объявили о приближеніи убійцъ. Александръ вышелъ къ нимъ на встрѣчу и подвергся страшной и мучительной смерти вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Ѳеодоромъ; *они розняты были по составамъ.*

Истерзанные останки несчастныхъ Князей были привезены въ Россію, отпѣты во Владимірѣ Митрополитомъ Ѳеогностомъ, который самъ встрѣчалъ ихъ, по пути изъ орды во Владиміръ, и похоронены въ Тверскомъ Каѳедральномъ соборѣ подлѣ Св. Михаила и Димитрія (*).

Послѣ Александра занялъ престолъ Тверскаго княженія опять братъ его Константинъ Михайловичь. При немъ Тверь, опустошенная Монголами, возникла изъ своего пепла, опять собрались разсѣянные жители, и Божіи церкви засіяли въ прежнемъ великолѣпіи. Онъ называется собирателемъ и возстановителемъ Тверской волости, послѣ Татарскаго опустошенія. Но ни онъ, ни братъ его Василій уже не думали спорить съ Княземъ Московскимъ, сильнымъ милостію и покровительствомъ хана. Покорность свою Князю Московскому они показали уже и тѣмъ, что позволили снять отъ Св. Спаса большой колоколъ, которымъ славилась Тверь,

(*) Епископъ Тверскій Ѳеодоръ вмѣстѣ съ Епископомъ Ростовскимъ встрѣтилъ тѣла замученныхъ Князей у Переславля. Въ самой Твери онъ вышелъ на встрѣчу съ матерію Князя Анною, супругою и дѣтьми Александра и со всѣми гражданами. Съ плачемъ и рыданіями граждане встрѣтили ихъ за городомъ, и самымъ городомъ несли на головахъ отъ Архангельской церкви до Собора.

и привезти въ Москву: (такая невольная уступка была бы очень чувствительна и нынѣ; какъ же болѣзненно она должна отозваться въ сердцѣ князей и народа, при тогдашнихъ понятіяхъ о колоколѣ вообще и о колоколѣ главной церкви)! Константинъ мирно скончался въ 1346 г., а братъ его Василій, ведшій постоянную и гибельную для народа распрю съ Всеволодомъ Александровичемъ, преставился въ 1368 году.

Послѣ нихъ, Князья Тверскіе, то покорно склоняли головы предъ могуществомъ Князей Московскихъ, и не желая нарушать мира возстаніемъ безполезнымъ, вступали въ родство съ ними (*), заключали договоры быть съ ними за одно «отъ чистосердечья, безъ хитрости» и признавались «молодшими,» а иногда равными братьями В. Князю: то, вынуждаемые стѣснительною политикою Москвы, напрягали силы, чтобы отстоять свою независимость, и упрочить свой удѣлъ за своимъ родомъ; для сего искали помощи въ Литвѣ, ловили каждый удобный случай къ ограниченію самовластія Князя Московскаго (особенно Михаилъ Александровичь и Михаилъ Борисовичь–шуринъ Іоанна III.), доколѣ *Домъ Всемилостиваго Спаса* (такъ называлась Тверь отъ Соборной церкви) былъ взятъ В. К. Іоанномъ III. въ 1486 г. Города и волости Тверскія присоединены къ княженію Московскому.

(*) Сынъ Калиты Симеонъ *гордый* жен. на внукѣ Св. Михаила Маріи Александровнѣ. Михаилъ Васильевичь Кашинскій (1329.)— на дочери Симеона. Іоаннъ III—на дочери Бориса Александровича.

Благочестіе и любовь къ Богу были наслѣдственными въ родѣ Святаго Благовѣрнаго В. Князя Михаила. Потомки св. Князя отличались строгимъ сохраненіемъ благочестивыхъ обычаевъ и св. уставовъ церкви, любовію къ благолѣпію храмовъ Божіихъ, милостію къ нищимъ и убогимъ. Съ особенною подробностію и умиленіемъ передаютъ лѣтописцы разсказъ о благочестивой христіанской жизни и блаженной кончинѣ внука Св. Михаила—Михаила Александровича. Не противорѣча цѣли нашей повѣсти, для напомнанія благочестивыхъ обычаевъ предковъ, повторимъ этотъ разсказъ Софійск. Временника, (хотя онъ и не входилъ бы въ составъ нашего повѣствованія).

Князь Михаилъ Александровичь впалъ въ тяжкую болѣзнь, и совершенно изнемогалъ, и велѣлъ уже изготовить духовную грамату. Въ это время прибыли въ Тверь послы изъ Царя града, которыхъ онъ посылалъ туда съ милостынею, Даніилъ Протопопъ Соборный и другіе. Они привезли къ нему отъ Патріарха благословеніе и образъ (съ мощами) Страшнаго Суда. Благочестивый Князь повелѣлъ Святителю Арсенію со всѣмъ Соборомъ, съ Игумнами, священниками и діаконами встрѣтить эту икону съ крестнымъ ходомъ и съ особенною торжественностію, и пѣть молебны. А самъ бодро всталъ съ одра болѣзни, какъ бы забывши про свою немощь, и къ удивленію всѣхъ, потекъ на сретеніе иконы, какъ будто помолодѣвъ, не чувствуя ни старости, ни болѣзни. Встрѣтилъ крестный ходъ на своемъ дворѣ, у церкви Св. Михаила (дворцовой); съ любовію и благоговѣ-

ніемъ облобызалъ св. икону. И устроилъ великое пиршество, на которое позвалъ Епископа своего Арсенія, и Архимандритовъ и Игуменовъ, и Поповъ и Діаконовъ и весь причтъ церковный, и монаховъ и бѣльцовъ, нищихъ и убогихъ, хромыхъ, слѣпыхъ и калекихъ, и самъ сѣлъ съ ними за обѣдъ. Потомъ, испивъ изъ прощальной чаши не много вина, началъ со всѣми прощаться, прежде со священнымъ чиномъ; и каждому изъ своихъ рукъ подавалъ чашу, и цѣлуя каждаго, говорилъ: «простите меня и благословите.» И такъ подавалъ онъ всякому отъ мала до велика. Болѣзненный видъ и смиреніе Князя всѣхъ растрогали до глубины души; всѣ, цѣлуя его, горько плакали. Отпустивъ гостей, которые пошли съ плачемъ и рыданіемъ, Князь точно также началъ прощаться съ своими дѣтьми, боярами и слугами, и домочадцами. Училъ дѣтей своихъ держаться добрыхъ обычаевъ, стяжать боголюбіе, и милостыню, правду, мужество, цѣломудріе, братолюбіе; завѣщавалъ имъ любить и почитать братъ брата, а старшаго брата всѣмъ слушаться. Просилъ бояръ, чтобы они напоминали его дѣтямъ, жить во взаимной любви, и не преступать сдѣланнаго имъ завѣщанія. Потомъ всталъ и пошелъ въ соборную церковь Св. Спаса. Здѣсь сдѣлалъ земные поклоны Великому Спасу и Пречистой его Матери и Святому Архистратигу Михаилу; потомъ началъ кланяться гробамъ: дѣда своего В. Князя Михаила Ярославича и отца своего Александра Михаиловича. И пришедши къ столбу, на правой сторонѣ Собора, гдѣ написаны были праотцы

Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, приказалъ подъ тѣмъ столбомъ изготовить себѣ гробъ, а самъ пошелъ вонъ изъ церкви.

Вышедши изъ церковныхъ дверей, сталъ на ступень паперти,—а народу собралось многое множество; всѣмъ поклонился смиренномудрый Князь, прося у всѣхъ прощенія: «простите и благословите меня всѣ». Они же всѣ какъ будто одними устами, съ плачемъ и рыданіемъ восклицали: «Богъ проститъ тя, добрый нашъ Господинъ Князь». Онъ былъ весьма слабъ и блѣденъ, и отъ болѣзни, и отъ утомленія. Отселѣ сталъ сходить по ступенямъ долой. Всѣ думали, что онъ пойдетъ во дворецъ; но онъ далъ знакъ рукою, чтобы вели его въ монастырь. Услышавши это, княгиня его Евдокія, съ прочими княгинями и снохами, такъ же и дѣти его, и внучата, подняли сильный плачь, и съ плачемъ проводили его въ Лавру св. Аѳанасія (монастырь позади Алтаря соборнаго, построенный на память Ярослава III, въ инокахъ Аѳанасія), тотъ же часъ повелѣлъ онъ постричь себя въ иноческій образъ. Епископъ Арсеній постригъ его и нарекъ его Матѳеемъ. Это было 20 Августа 1399 года. Въ монастырѣ оставался онъ 7 дней. Въ седьмой день преставился благовѣрный и Христолюбивый Князь Михаилъ Александровичь, на 66 году жизни, въ самую полночь; и погребенъ въ соборной церкви св. Спаса. И былъ великой плачь объ немъ по всему городу.

Князь этотъ былъ высокъ ростомъ, сложенія крѣпкаго, имѣлъ видъ осанистый и умный; взглядъ его былъ грозный и не обыкновенный. Былъ онъ боголюбивъ, любилъ церков-

ное благочиніе и пѣніе церковное, оказывалъ честь Божіимъ служителямъ-священникамъ, былъ милостивъ къ убогимъ. Болѣе всего любилъ онъ судъ справедливый, безъ лицепріятія, не потакалъ онъ боярамъ, но въ особенности помогалъ сиротамъ во всемъ, подавалъ безпрестанно милостыню. По этому-то Богъ и удивилъ на немъ милость свою, и далъ ему столь благую и столь прекрасную кончину жизни его. И вѣчная ему память!

О семъ Князѣ говорится въ Никоновской лѣтописи, что онъ любилъ храмы Божіи, и много ихъ построилъ; и особенную любовь имѣлъ къ церкви Преображенія соборной, «и богатства многа къ ней на украшенія ея издаде, и верхъ ея чудне позлати и тако Божіею благодатію видѣ ю всяцѣмъ украшеніемъ устроену сущу,» и призвалъ искусныхъ мастеровъ, которые обновили и украсили ее такъ, какъ была съ перваго дня построенія ея дѣдомъ его св. Михаиломъ Ярославичемъ. Здѣсь же была поставлена имъ и икона страшнаго суда, привезенная изъ Царя града.

«Блаженъ, яже избралъ и пріялъ еси Господи, и память ихъ въ родъ и родъ!»

МОЛИТВА

СВЯТОМУ БЛАГОВѢРНОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ ТФЕРСКОМУ ЧУДОТВОРЦУ.

Дивный во страдальцѣхъ Святый Благовѣрный Великій Княже Михаиле! Велія подвиги и труды Твоя, яже за православіе, за церковь Божію и за отечество Твое градъ Тферь положилъ еси. Ты, возжелавъ вышнихъ, оставилъ еси тлѣнную славу земную, и ревнуя подвижникомъ Христовымъ, доблественно противусталъ еси ярости царя нечестиваго и прещенію зломышленнаго его воеводы. Ты, пріемъ неправедное сужденіе и заколеніе, воспріялъ еси Небесное Царствіе, и кровными каплями, яко пречуднымъ каменемъ, украспвъ на главѣ своей вѣнецъ, предстоиши нынѣ на небесѣхъ престолу всѣхъ Владыки съ лики Ангелъ и со всѣми Святыми Его. Сего ради притекающе къ рацѣ мощей Твоихъ, лобызаемъ оныя сердечными устнами, и умильно къ Тебѣ взываемъ: О тезоименитe Небесному

Воеводѣ вышнихъ Силъ, Великій Княже Михаиле! молися непрестанно Христу Богу за градъ Твой, за люди и за вся православныя христіаны: буди споборникъ крѣпокъ на враговъ православія Благочестивѣйшему, Самодержавнѣйшему, Великому Государю Нашему **ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ** всея Россіи, и Супругѣ ЕГО, Благочестивѣйшей Государынѣ **ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНѢ**, Наслѣднику ЕГО, Благовѣрному Государю Цесаревичу и Великому Князю **НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ**, и всему **ЦАРСТВУЮЩЕМУ ДОМУ**; испроси **ИМЪ** предстательствомъ Твоимъ миръ, здравіе, долгоденствіе и во всемъ благопоспѣшество; буди и намъ помощникъ улучити вся къ пользѣ нашей и ко спасенію благопотребная, охраняй насъ отъ искушеній и напастей, приходящихъ во временнѣй жизни, и нелиши насъ ходатайства Твоего ко Христу Богу, во еже получити намъ прегрѣшеній прощеніе, и сподобитися небеснаго селенія со избранными Его, яко да и въ семъ славится пречестное и великолѣпое имя Его во вѣки. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Состояніе церкви и Государства Русскаго въ княженіе Михаила Ярославича.

Стран.

Иго Монгольское. . . . . 1.
Бѣдствія Россіи. . . . . 2.
Взглядъ предковъ нашихъ на общественныя бѣдствія. 5.
Продолжительность бѣдствій. . . . . 6.
Дѣйствія Русскихъ Князей, во время татарскаго порабощенія, ко благу Россіи. . . . . 7.
Князья-мученики за вѣру. . . . . 8.
Взглядъ на политику Русскихъ Князей. . . . . 11.
Дѣйствія Князей Тверскихъ. . . . . 16.
Политика Князей Московскихъ . . . . . 17.
Отношенія Новгорода къ другимъ княжествамъ. . . . 19.
Краткія свѣдѣнія о Твери. . . . . 21.

2. Св. Благовѣрный Михаилъ Ярославичь–Князь Тверскій.

Рожденіе и воспитаніе Михаила. . . . . 25.
Свойства сего Князя. . . . . 30.
Михаилъ вступаетъ въ управленіе Тверскимъ Княжествомъ 32.
Бракъ В. Князя. . . . . 34.
Несчастные случаи въ Твери. . . . . 37.
Служеніе Михаила на пользу Отечества. . . . 38.
Князь Михаилъ-защитникъ своихъ подданныхъ. . . 41.
Миролюбіе Князя Тверскаго. . . . . 45.

3. Святый Михаилъ–В. Князь Владимірскій.

Михаилъ-законный наслѣдникъ великокняжескаго престола. 56.
Соперникъ В. Князя-Георгій Московскій. . . . 57.
Свойства Георгія. . . . . 58.
Неустройства въ удѣльныхъ княжествахъ. . . 59.
Отправленіе Михаила и Георгія въ Орду . . . 60.
Утвержденіе Михаила на престолѣ Владимірскомъ. . 63.

Стран.

Походъ на Москву. . . . . 64.
Усмиреніе Новгорода. . . . . 66.
Новое путешествіе В. Князя въ Орду. . . . 68.
Возвращеніе и наказаніе Новгородцевъ. . . . 70.
Измѣна Новгорода. . . . . 73.
Георгій Московскій восхищаетъ достоинство В. Князя. 76.
Нападеніе Георгія на Тверскія волости. . . 78.
Пораженіе враговъ. Великодушіе Михаила. . . 79.
Новыя непріязненныя покушенія Георгія. . . 83.
Отправленіе Георгія въ Орду, съ жалобою на Михаила. 86.
Вызовъ Михаила въ Орду. Его отправленіе. . . 87.
Прибытіе въ Орду. . . . . 91.
Судъ надъ Благовѣрнымъ В. Княземъ Михаиломъ. . 92.

4. Страданія Св. Благовѣрнаго В. Князя Михаила.

Утѣшеніе въ страданіяхъ. . . . . 96.
Св. Михаилъ сопутствуетъ хану на ловъ звѣрей. . 98.
Приготовленіе къ смерти Святаго Михаила. . . 106.
Убіеніе Св. Благовѣрнаго Князя Михаила. . . 110.
Неистовство враговъ В. Князя. . . . 113.

5. Прославленіе Св. Мученика.

Чудесныя видѣнія надъ тѣломъ Св. Михаила . . 115.
Перенесеніе Св. мощей въ Тверь. . . . 120.
Благоговѣніе Тверитянъ къ Св. Князю Михаилу. . 122.
Открытіе Св. мощей . . . . . 123.
Переложеніе Св. мощей въ новый гробъ. . . 128.
Разные случаи, касающіеся Святыхъ мощей . . . 130.

6. Заключеніе.

Судъ Божій надъ убійцами Св. Михаила. . . . 136.
Судьба великокняжескаго семейства. . . . 138.